

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

СИСТЕМА ПИСЬМА
Из книги «Старославянская грамматика»

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО, ПРЕДИСЛОВИЕ
И КОММЕНТАРИИ Ю. К. КУЗЬМЕНКО

Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2019

УДК 80/81
ББК 80
Т 77

Трубецкой Николай Сергеевич. Старославянская грамматика. Система письма / Перев. с нем., предисл. и комментарии Ю. К. Кузьменко. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – 134 с., 1 л. портр.

ISBN 978-5-6040925-9-0
doi:10.30842/9785604092590

Рецензенты:

доктор филол. наук М. Б. Попов
канд. филол. наук Н. Л. Сухачев

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

ISBN 978-5-6040925-9-0

© Ю. К. Кузьменко, 2019
© ИЛИ РАН, 2019

Österreichische Akademie der Wissenschaften

Philosophisch-historische Klasse

Sitzungsberichte, 228. Band, 4. Abhandlung

**Altkirchenslavische
Grammatik**

Schrift-, Laut- und Formensystem

Von

Nikolaus S. Trubetzkoy †

Im Auftrage der Akademie herausgegeben von

Rudolf Jagoditsch

Vorgelegt in der Sitzung am 7. Dezember 1949 und 30. Jänner 1952

*Gedruckt mit Unterstützung des Vereins der Freunde
der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*

1954

In Kommission bei

Rudolf M. Rohrer

Wien

Кн. Н. С. Шурко

Предисловие переводчика

Николай Сергеевич Трубецкой назвал свою написанную по-немецки книгу *Altkirchenslavische Grammatik* «Древне-церковнославянская грамматика». Термин «древне-церковнославянский» используется в немецкоязычной традиции, которая редко употребляет термин *Altslavisch* для обозначения языка первых известных нам славянских памятников X–XI вв. Однако в написанных по-русски письмах коллегам (см. TLN), в которых Трубецкой обсуждает проблемы книги, он всегда пользуется принятым в славяноязычных странах термином «старославянский». Этот термин является общепринятым и в отечественной славистике (см., напр., Селищев 1952, Хабургаев 1974, Иванова 1998). Нет сомнения, что если бы книга Трубецкого была бы написана по-русски, он бы назвал ее «Старославянская грамматика». Соответственно и прилагательное *altkirchenslavisch* и сокращение *altksl.* переводятся как «старославянский» и «ст-сл.».

«Старославянская грамматика» — последняя работа Н. С. Трубецкого, которая увидела свет в 1954 году лишь спустя 16 лет после его смерти. История, прежде всего историческая фонология, славянских языков оставалась в центре внимания Трубецкого всю его жизнь. Начав свою научную деятельность как кавказовед и финно-угровед¹, он рано проявляет интерес к славистике. В 1915 году вышел в свет «Очерк древнейшего периода истории русского языка» академика Шахматова (Шахматов 1915), и двадцатипятилетний Трубецкой делает в Московской диалектологической комиссии доклад «Метод восстановления общеславянского языка в Очерке акад.

¹ В своей неоконченной автобиографии Трубецкой писал, что уже с 13 лет он начал интересоваться этнографией финно-угорских народов и народов Кавказа и с 1904 года стал посещать заседания Московского этнографического общества (Jakobson 1939: 66). О первых кавказоведческих и финноугроведческих работах Трубецкого см. Ермишина 2015: 20–29.

А. А. Шахматова»², в котором он подверг резкой критике методы реконструкции Шахматова и Фортунатова. По словам самого Трубецкого этот доклад имел эффект разорвавшейся бомбы (см. Ермишина 2015, 35–36). С этого времени и до конца жизни славистика становится одним из основных направлений его научных изысканий. Многие идеи, высказанные Трубецким в «Старославянской грамматике», появились у него, по его собственным словам, в процессе работы над докладом в Диалектологической комиссии и в работе над его первой большой славистической книгой «Опыт праистории славянских языков», законченной в 1919 году в Ростове³. В 1918 году Трубецкой был на лечении в Кисловодске. Началась Гражданская война, Трубецкой не смог вернуться в Москву, и, по его собственным словам, «бежал» осенью 1918 года в Ростов, где стал преподавать в Донском университете⁴. С 1922⁵ по 1936 год Трубецкой читает курсы и ведет семинары по старославянскому языку в Венском университете. Чтение этих курсов, а также курсов по болгарскому, сербо-хорватскому, чешскому, польскому и русскому языкам, как и семинары по отдельным древнеславянским языкам (см. Топоров 1993) способствовало кристаллизации многих идей, высказанных в «Опыте», и можно утверждать, что «Старославянская грамматика», над которой Трубецкой работал более 20 лет, родилась из этих курсов. Именно за свои труды по славистике Н. С. Трубецкой в 1930 году в возрасте 40 лет был избран действительным членом Австрийской академии наук.

Трубецкой предполагал издать «Старославянскую грамматику» в одном из номеров Трудов Пражского лингвистического кружка в серии фонологических описаний славянских языков (в

² Так она названа в письме к Якобсону от 12.12.1920 г. из Софии.

³ Рукопись этой книги хранилась в библиотеке Ростовского университета, но была утеряна в годы войны (Клейнер 1985: 103).

⁴ Сведения из письма Н. С. Трубецкого болгарскому историку И. Шишманову от 27.04–10.05.1920 (TLN, 446).

⁵ С октября 1920 по октябрь 1922 года Н. С. Трубецкой был доцентом кафедры сравнительного языкознания Софийского университета (см. вышеуказанное письмо Шишманову — TLN, 448).

этой серии в 1934 году вышла работа Трубецкого «Морфологическая система русского языка, TCLP, 1934, t. V, N 1). Когда рукопись была уже фактически готова к печати Трубецкой умер (25 июня 1938 года). Его вдова, Вера Петровна Трубецкая (урожд. Базилевская), передала рукопись в Прагу в 1938 году, но началась Вторая мировая война. Ни в годы войны, ни сразу после нее книга не могла быть опубликована в Праге, к тому же она была написана по-немецки, что не способствовало ее публикации в то время. Книга была переведена в Праге на французский язык и подготовлена к изданию, но в послевоенной Чехословакии не нашлось бумаги, и публикация вновь была отложена. Тогда вдова Трубецкого, обратилась к Австрийской академии наук с просьбой опубликовать работу ее действительного члена. Академия попросила Рудольфа Ягодича подготовить книгу к выходу в свет, что тот и сделал, опубликовав ее в 1954 в трудах Австрийской академии наук⁶. Причем оригинальная авторская рукопись пропала в Праге, и Ягодич имел в своем распоряжении только копию книги, сделанную Верой Петровной Трубецкой⁷.

Основное отличие «Старославянской грамматики Трубецкого» и от более ранних, и от современных ему руководств по старославянскому языку состоит в том, что он использует в своем описании достижения современного ему общего языкознания и, прежде всего, достижения создаваемой им фонологии, книгу о которой он писал одновременно со «Старославянской

⁶ Nikolaus S. Trubetzkoy, *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*. Im Auftrage der Akademie herausgegeben von Rudolf Jagoditsch. Wien, 1954 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 228, Band 4. Abhandlung). С этого издания и был сделан мой перевод. Второе издание «Старославянской грамматики» вышло в Вене, Граце и Кёльне в 1968 году в издательстве Hermann Böhlaus. (N. S. Trubetzkoy, *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*. Wien, Graz, Köln: Hermann Böhlaus, 1968).

⁷ Сведения о судьбе рукописи взяты из Jagoditsch 1954: 3–6.

грамматикой»⁸. «У всех появившихся до сих пор руководств по старославянскому — один и тот же недостаток, — пишет Трубецкой в предисловии к Старославянской грамматике, — они пренебрегают общим языкознанием и современной лингвистической теорией» (AG 7). Трубецкой критикует своих предшественников и современников, прежде всего, за то, что они не учитывают достижения фонологии.

«Следует считать аксиомой, что непредвзятый (т. е. фонетически необученный) говорящий слышит в своем родном языке только те звуковые различия, которые имеют фонологическую значимость, т. е. могут быть использованы в соответствующем языке для различения значений слов. Таким образом, те звуковые нюансы, которые имели только фонетическое значение и были иррелевантны для различения значения слов, писцами старославянских памятников вообще не могли быть услышаны. Поэтому совершенно бессмысленно искать в практике этих писцов нюансы произношения звуков, как это делается в некоторых руководствах <...> Большинство авторов руководств по старославянскому в теоретическом отношении остаются младограмматиками, сторонниками положения о безысключительности звуковых законов, однако, следуя своему методу, они практически приходят к выводам, которые не могут быть приведены в соответствие с их основными положениями. Использованием слова «тенденция» нельзя устранить эти трудности. Ищут спасение в представлении о борьбе двух противоположных тенденций — что просто является эвфемизмом для обозначения хаоса. Таковы следствия пренебрежения к основным положениям фонологии. Если же принять эти положения, то учение о старославянских звуках будет иметь совершенно другой вид <...>. Старославянский оказывается в этом случае чисто литературным, т. е. более или менее искусственным языком, и диалекты писца, которые видны из орфографии памятника, являются не диалектами в собственном

⁸ «Gründzüge der Phonologie» («Основы фонологии») вышли в 1939 году, т. е. они также как и «Старославянская грамматика» были закончены незадолго до смерти Трубецкого.

смысле слова, а разного рода отклонениями от идеальной нормы, допускаемыми главным образом местными школами писцов. При этом эти отклонения вовсе не обязательно должны совпадать с разговорным языком» (AG 8–9).

Книга Трубецкого, особенно ее раздел о системе письма, полна новых идей, многие из которых сохраняют свое новаторское значение до сих пор. Славист Йозеф Хамм, оценивая «Старославянскую грамматику», писал в 1970 году: «Эта грамматика является поворотным пунктом в представлении о старославянском языке: Трубецкой во многих отношениях предвосхитил будущие открытия в этой области, и пройдет много лет, прежде чем мы сможем сделать все выводы из его многочисленных идей и разработать их до конца» (Hamm 1970). Во многом эти слова продолжают быть справедливыми и в наше время.

* * *

Перевод главы о системе старославянской письменности из книги Трубецкого «Старославянская грамматика» и комментарий к нему были подготовлены мной для сборника статей Н. С. Трубецкого, «Избранные труды по филологии», вышедшего в издательстве «Прогресс» (Москва, 1987; составители В. А. Виноградов и В. П. Нерознак; под общей редакцией Т. В. Гамкрелидзе и др.). Однако, перевод в этот сборник не вошел из-за слишком большого объема текста и комментария. С тех пор третий экземпляр машинописного текста хранился у меня в бумагах, пока сотрудники кафедры общего языкознания, работающие над проектом «Лингвистика утраченная и обретенная», не предложили мне поместить перевод и комментарий на сайт их проекта. Я еще раз просмотрел перевод, добавил библиографию последних лет в комментарий и расширил его, обращая внимание, прежде всего, на те идеи Трубецкого, которые продолжают оставаться в центре внимания славистов. Узнав о том, что я собираюсь поместить перевод и комментарий на сайт проекта без предварительной публикации в издательстве, Н. Н. Казанский предложил сначала опубликовать перевод и комментарий отдельной книгой, на что я с благодарностью согласился.

В комментариях к тексту книги я пользовался письмами Трубецкого, прежде всего Якобсону, опубликованными у Мутона в 1975 году (TLN 1975) и переизданными в России в 2004 году. Эти письма, охватывающие период с 1920 по 1938 год, позволяют нам увидеть процесс работы над книгой, проследить формирование многих из новаторских идей автора. Кроме того, мне хотелось показать в комментариях, какие новые материалы, важные для решения вопроса о первоначальном славянском алфавите, были обнаружены уже после смерти Трубецкого, и что было сделано славистами, развивающими или опровергающими его гипотезы, во второй половине XX — начале XXI вв. Поскольку, как полагал Трубецкий и как думает большинство славистов, первым славянским алфавитом была созданная Константином-Кириллом глаголица, и поскольку именно при анализе глаголицы Трубецким были предложены новые гипотезы, подавляющее большинство комментариев посвящено разделу о глаголице.

В заключение своего краткого предисловия хочу с благодарностью вспомнить Татьяну Аполлоновну Иванову (1917–2011), прочитавшую первый вариант моих комментариев в 80-ые годы прошлого века, и поблагодарить Михаила Борисовича Попова, просмотревшего перевод и окончательный вариант комментариев в 2018 году. Все их замечания и по существу, и по форме изложения я постарался учесть. Хочу поблагодарить и Николая Леонидовича Сухачева и Алексея Викторовича Андронova, редакторские замечания которых были для меня очень полезны, а также Андрея Николаевича Соболева, позволившего мне пользоваться его замечательной библиотекой.

Ю. К. Кузьменко,
апрель 2018 года.

СИСТЕМА ПИСЬМА

Внешняя история обоих алфавитов

Дошедшие до нас старославянские памятники написаны двумя алфавитами, одни так называемой *глаголицей* (глаголическим алфавитом), другие так называемой *кириллицей* (кириллическим алфавитом)⁹ <2>.

В то время как глаголица является в целом оригинальным алфавитом, в кириллице только пятнадцать оригинальных букв (Ѣ, ж, Ѧ, ц, ш, Ѹ (ч), њ, њ, ѣ, љ, ю, Ѡ, ж, ѡ, ѣ). Все же остальные буквы кириллицы идентичны буквам греческого унциального письма. Таким образом, глаголица по отношению к греческому алфавиту является новой системой письма, тогда как кириллица только дополняет греческое унциальное письмо рядом букв, необходимых для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке. Поскольку и так называемая паннонская легенда и черноризец Храбр ясно сообщают, что Константин-Кирилл *создал* «славянскую письменность», то очевидно, что они могли иметь в виду только глаголицу <3>. Если сравнить греческие буквы кириллицы с соответствующими им буквами глаголицы, то видно, что кириллические знаки легко могут быть выведены из глаголических, но не наоборот (см. с. 40 и сл.). Появление старославянских алфавитов могло происходить, следовательно, только следующим образом: вначале была создана глаголица, а затем глаголические буквы, обозначающие отсутствующие в греческом языке звуки, в упрощенной и

⁹ С 1938 года, со времени смерти Н. С. Трубецкого, об обоих старославянских алфавитах и их истории появилось много новой научной литературы, которая во многих отношениях пришла к другим выводам, чем автор этой книги. Подробную библиографию см. *Acta Academiae Velehradensis*. Bd XVIII, Ölmütz 1947, S. 119–124. Там же краткое содержание отдельных работ (Jgd.) <1>.

соответствующим образом стилизованной форме были добавлены к греческому алфавиту — таким образом, возникла кириллица.

Что касается абсолютной хронологии этих двух этапов развития, то нет оснований сомневаться в том, что первый этап, т. е. создание оригинального алфавита (глаголицы) действительно был результатом деятельности святого Константина-Кирилла в шестидесятых годах IX века. Что касается второго этапа, т. е. создания кириллицы, то мы располагаем позитивным свидетельством ее существования — самой старой надписью царя Самуила 993 г. <4>, которая, правда, может охватить *terminus ante quem*, а с другой стороны, негативным фактом — отсутствием кириллицы у тех славян, которые унаследовали славянскую литургию непосредственно от Константина-Кирилла и Мефодия. Отсюда следует, что кириллица могла появиться только после изгнания учеников славянских апостолов из Моравии и Паннонии и их переселения в Болгарию, т. е. во всяком случае после 885 года, но до 993 года.

И после появления кириллицы глаголица довольно долгое время существовала вместе с ней, так как между самыми старыми известными нам глаголическими и кириллическими памятниками южнославянского происхождения нельзя установить хронологические различия. Такое сосуществование обоих алфавитов соответствует сосуществованию греческого унциального и минускульного письма. Форма унциальных букв IX–XI вв. настолько отличалась от форм минускульных букв, что оба эти вида письма можно рассматривать как два разных алфавита. Такое сосуществование объясняется их различной функцией: унциальное письмо использовалось в надписях, и в особо парадных рукописях, минускульное — во всех других видах письменности. Соотношение греческих форм письма объясняет нам и ряд приведенных выше фактов истории старославянской письменности. Поскольку Константин не собирался изготавливать ни надписи, ни парадные рукописи, ему не нужно было создавать письмо, соответствующее греческому унциальному письму; он довольствовался таким старославянским алфавитом, который по своей функции соответствовал минускульному письму <5>. Однако, когда старославянский стал официальным языком болгарского государства, возникла потребность в алфавите, который бы по своей функции соответствовал

греческому унциальному письму. Вместо того, чтобы создать такой алфавит, заимствовали греческое унциальное письмо, а недостающие буквы для специфически славянских звуков взяли из глаголицы, упростив и стилизовав их соответствующим образом.

В дальнейшем у болгар глаголица постепенно была вытеснена кириллицей. Этот процесс начался уже, вероятно, в первом болгарском государстве. У русских, которые в это время приняли христианство и заимствовали церковнославянскую литургию из Болгарии, вероятно, с самого начала использовалась только кириллица (хотя глаголица была известна и здесь, она не нашла широкого применения)¹⁰. Таким же образом и сербы, принявшие христианство немного позднее, знали первоначально только кириллицу. Напротив, у тех славян, которые пользовались старославянским языком в литургии до появления кириллицы, единственным церковнославянским алфавитом была глаголица, употреблявшаяся и в надписях, и в парадных рукописях: так обстояло дело у хорватов и чехов (до тех пор, пока последние еще сохраняли церковнославянскую литургию)¹¹.

Таким образом, приблизительно с XII века у всех славянских народов, пользовавшихся старославянским языком в литургии, существовало лишь по одному виду письменности: кириллица у сербов, болгар и русских (восточных славян), глаголица у хорватов и чехов. Само собой разумеется, что с течением времени внешняя форма обоих алфавитов сильно изменилась. Особенно сильно изменилась глаголица. Те славянские народы, которые пользовались глаголицей как единственным церковнославянским письмом, находились под воздействием культурного влияния Рима и должны были много читать и писать по латыни, при этом им естественно была известна угловатая «готическая» форма латинского алфавита. Они ввели такой же угловатый дукт и в глаголическое письмо — таким образом появилась так называемая угловатая или хорватская

¹⁰ Ср. J. Vajs, *Hlaholice na Rusi*, *ByzSl* VII, 1937–1938. (Jkbs.)

¹¹ Ср. H. Horálek, *Rajhradské Martyrologium Adonis a otázka české cyrilice*, *LD LXVI*, 1939, 23–43. (Jkbs.)

глаголица, которая по своему внешнему виду довольно сильно отличается от исконной, так называемой круглой глаголицы.

Естественно, что при описании старославянского языка будут рассмотрены только самые ранние формы обоих алфавитов (в первую очередь глаголического алфавита, так как именно он был создан для записи этого языка).

Глаголица

А. Состав знаков глаголического алфавита

Каждая система письма образует некое единство, члены которого соотносятся друг с другом и обуславливают друг друга. Овладение определенной системой письма предполагает усвоение особого, присущего только этой системе письма, графического мышления (Schriftdenken). Создание системы письма, для не имевшего до тех пор письменности языка (А), основывается обычно на уже существующей системе письма другого языка (В). Движущими силами этого процесса являются, с одной стороны, «фонологическое мышление», соответствующее системе письменности языка А и «графическое мышление», соответствующее системе письменности языка В. Взаимодействие этих факторов и внутренняя логика каждой системы приводят к созданию новой системы письма. Эти основные положения и должны быть приняты во внимание при рассмотрении первоначальной глаголицы. Константин-Кирилл должен был учесть требования старославянской фонологической системы, однако он естественно оставался в рамках греческого графического мышления <6>, результатом чего и была новая система письма, к анализу которой мы теперь и приступим.

Важнейшими источниками наших сведений о первоначальной глаголице являются:

а) Данные черноризца Храбра, трактат которого «О письменехъ словѣньскихъ» был, вероятно, написан еще в IX или в начале X века (лучшее издание: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнеславянской письменности. Л. 1930. с. 162 и сл.) <7>.

б) «Abecedarium Bulgaricum» — список глаголических букв с латинской транскрипцией их названий, которые написаны на полях одной латинской рукописи, принадлежащей

Парижской библиотеке (обнаруженной Копитаром, но в настоящее время утраченной) — издан и описан В. Ягичем (В. Ягич. Глаголическое письмо. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, ч. III. СПб., 1911, стр. 135 и сл., ч. VII, с. 16; см. также: Josef Vajs, *Rukověť hlaholské paleografie*. — В кн.: *Rukoveti Slovanského Ústavu v Praze*, sv. 11, Prag 1932, с. 11).

с) Мюнхенский абecedарий — список глаголических и кириллических букв, приведенный в конце известной Хросвитской рукописи, хранящейся в Мюнхенской библиотеке (Cod. Lat. 14485 — издан автором в журнале *Byzantinoslavica* 11, с. 29 и сл., ср. также: Josef Vajs, ук. соч. с. 10) <8>.

д) Алфавитный акростих епископа Константина Болгарского, т. е. стих, в котором каждая строка начинается с новой буквы алфавита, причем буквы, начинающие строку, следуют в алфавитном порядке (написан в X веке, сохранился во многих более поздних списках: издан И. И. Срезневским — *Древние памятники русского языка и письма*. СПб., 1863, с. 191)¹².

е) Второй анонимный алфавитный акростих, следующий за эвлогией Ярослава XII века (издан А. И. Соболевским. Сборник 88/3 1910, с. 13 и сл., реконструкция метрики сделана Р. Якобсоном в *Известиях XXXIV/2*, с. 354 и сл.) <9>.

ф) Числовое значение глаголических букв; при этом следует заметить, что в самых ранних рукописях представлены только малые числа.

Количество букв. Данные наших источников о количестве букв в первоначальной глаголице противоречивы, однако они все же позволяют установить общую картину. Свидетельства двух абecedариев не имеют в данном случае значения. В *Abecedarium Bulgaricum* есть лакуны, в Мюнхенском абecedарии, напротив, добавлено несколько явно фантастических знаков, так что на оба эти источника полагаться

¹² Новое издание текста и более подробная литература см. у Е. Георгиева. Два произведения на св. Кирилла (*Studia histor-philol. Serdicensia*, II, с. 18 и сл.). Sofia, 1938 (Jgd.) и R. Nahtigal. *Rekonstrukcija treh staroscrkvenosl. izvernih pesnitev* (*Razprave Ak. znan. in um.* I, 2). Ljubljana 1943. (Jkbs.)

нельзя. Оба алфавитных акростиха содержат по 36 строк каждый, что указывает на 36 букв¹³. Черноризец Храбр, напротив, ясно говорит о том, что Константин-Кирилл создал 38 букв. Однако Нахтигал и Дурново¹⁴ справедливо замечают, что черноризец Храбр довел их до 38 искусственным приёмом. Храбр хотел показать, что в славянской азбуке столько же букв, сколько в греческом алфавите. Для того, чтобы доказать это, он должен был, однако, расширить понятие буквы и рассматривать как буквы не только простые греческие буквы, обозначающие звуки и числа, но и греческие дифтонги (αι, ει, οι, υι, φ, α, η, αυ, ευ, ηυ, ου), большинство из которых произносилось как монофтонги. Таким образом, он получил 38 букв для греческого алфавита, т. е. то количество, которое, по его мнению, точно соответствовало количеству «славянских» букв. При этом он естественно должен был применять такое расширенное понимание буквы и к славянскому алфавиту и считать произносимые как монофтонги сочетания гласных букв особыми единицами. Глаголический алфавит знает два таких сочетания (ѢѢ [оу] = и) и ЖЖ [ъи] = у). Указанное Храбром число славянских букв 38 состоит, таким образом, из двух «диграфов» и 36 простых букв. Следовательно, данные Храбра соответствуют данным алфавитных акростихов: в первоначальной глаголице было 36 букв <10>.

Это число не было случайным. Для того, чтобы понять его смысл, надо встать на точку зрения греческого графического мышления. Одной из важнейших его особенностей было то, что каждая буква являлась одновременно *и звуковым, и числовым символом*, причём более важным было её числовое значение. Если в той системе письма, где буквы имеют только звуковое значение, а числа обозначаются особыми знаками, количество

¹³ Правда, в анонимном акростихе последняя строка стоит не в алфавитном порядке, а содержит заключительную формулу. В акростихе Константина заключительная формула занимает четыре строки, которые, однако, стоят после 36 алфавитных строк.

¹⁴ Nahtigal, *Razprave I*, 1923) с. 149. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. *VyzSI I*, 70.

букв в алфавите не имеет существенного значения, и весь алфавит состоит из простой последовательности букв, то для греческого графического мышления буквы объединяются в определенные группы, каждая из которых состоит из девяти букв: первая группа из девяти букв обозначает единицы, вторая — десятки и т. п., при этом место каждой буквы строго определено и имеет значение для буквы как числового знака. Из этой особенности греческого графического мышления следует, что *общее число алфавита букв должно быть кратно девяти <11>*. В греческом алфавите только 24 буквы обозначают звуки. Для того, чтобы количество букв было кратно девяти, в алфавит должны были быть добавлены еще три особых знака, имеющие числовое, но не имеющее звукового значения (стигма, коппа, сампи).

Фонологическая система старославянского языка состояла более чем из 27 фонем. Для того, чтобы получить число кратное девяти, *количество букв глаголического алфавита должно было быть доведено до 36*.

Из вышесказанного следует, что последние девять букв глаголического алфавита должны были иметь числовое значение тысяч. Хотя случилось так, что в самых старых глаголических памятниках отсутствуют большие числа, значение 1000 для буквы **Ѡ** (ѣ) и 2000 для буквы **Ѣ** (ѣ) хорошо представлены в более поздних памятниках, а поскольку эти буквы стоят в алфавите именно на том месте, где и должны стоять буквы с соответствующим числовым значением (в обоих алфавитных акростихах 28-я строка начинается с ѣ, а 29-я с ѣ), то можно с уверенностью утверждать, что и следующие семь букв имели числовое значение тысяч. Буквы первой группы стали использоваться в значении тысяч лишь позднее по греческому образцу.

П о р я д о к б у к в . Вопрос о порядке букв алфавите тесно связан с вопросом об их количестве. Порядок тех букв, числовая значимость которых не вызывает сомнений, очевиден: для определения очередности букв, о числовой значимости которых нет прямых данных, следует привлекать другие свидетельства, прежде всего, оба упомянутых выше алфавитных акростиха.

При этом следует учитывать следующее: греческое графическое мышление предполагает существование *названий*

для каждой буквы, поэтому все буквы новой глаголической азбуки также должны были иметь особые названия. При этом обычно название буквы начинается с соответствующей буквы (α — ἄλφα, β — βῆτα и т. д.). Однако в первоначальной глаголице были такие буквы, которые по правилам старославянского языка никогда не могли стоять в начале слова. Таким буквам надо было дать произвольные названия, начальные буквы которых не имели бы никакого отношения к звуковому значению обозначаемых букв. Греческое графическое мышление не противоречит таким произвольным названиям, так как в греческом «буквы без звукового значения» имели также вполне произвольные названия (стигма, коппа, сампи). Старославянские алфавитные стихи являются акростихами, которые строятся не на звуковом значении глаголических букв, а на их названии. Поэтому каждая строка такого стиха обычно начинается с соответствующей буквы, однако там, где в алфавите стоит «буква с произвольным названием», строка начинается с начальной буквы этого произвольного названия. Числовое значение (а следовательно и очередность) первых двух групп из девяти знаков хорошо представлено¹⁵. То же самое можно сказать и о первых семи буквах третьей группы: оба алфавитных акростиха в данном случае полностью соответствуют друг другу: Мюнхенский абецедарий в своей кириллической части показывает ту же очередность букв (ρ, с, т, υ, φ, χ, ω), в глаголической части только знак для o₂ (Ϟ) изменен до неузнаваемости: что касается парижского *Abecedarium Bulgaricum*, то в нем на этом месте пропуск, который однако можно легко восстановить (буква для o₂ пропущена, однако ее название «от» написано над буквой x₂).

¹⁵ В *Abecedarium Bulgaricum* отсутствует только буква ѡ место и числовое значение которой точно можно установить и по Мюнхенскому абецедарию и по анонимному алфавитному акростиху. В первоначальной глаголице эта буква должна была иметь произвольное название, начинавшееся на l, поэтому соответствующая строка в акростихе Константина начинается со слова *letitъ*. В данном случае могло сыграть роль знакомство с еврейским алфавитом, в котором буква l имеет числовое значение 30 <12>.

На месте следующей буквы (т. е. на месте восьмой буквы третьей группы) в обоих алфавитных акростихах приведена строка с *p* (Конст.: печаль. Анон.: пѣсньми): в *Abecedarium Vulgaricum* за названием буквы «ot» следует название «pe». Поскольку буква ꙗ (п) со звуковым значением *p* имеет числовое значение 90, то восьмой буквой третьей группы может быть только буква с произвольным названием¹⁶ <13>. За этими буквами следовали буквы Ѡ (c), ѡ (ĉ) и Ш (š), что единодушно подтверждают оба абеседария и алфавитных акростиха. Алфавитный акростих Константина имеет еще и вторую строку, начинающуюся с ѣ. В анонимном акростихе этой строки нет. Это обстоятельство может быть объяснено двояко: либо данная строка стояла в первоначальном тексте анонимного акростиха и была пропущена более поздним переписчиком, либо вторая строка с ѣ была вставлена переписчиком константинова акростиха. Первое — наиболее вероятно, поскольку только предположение о второй строке с ѣ в первоначальном тексте позволяет получить в целом 36 строк. Из-за того, что одна из этих строк была утеряна при переписке, более поздний редактор был вынужден добавить в анонимный акростих последнюю строчку которая оказалась стоящей вне алфавитного контекста (тѣвѣ во лѣпо єсть покланіаніє въ всѣа вѣкы вѣкомѣ аминь) для того, чтобы общее число строк составило 36. Поэтому обе строки на ѣ Константина мы должны считать исконными. А поскольку у глаголической буквы ѣ представлено числовое значение 2000 (т. е. вторая буква последней группы), мы можем предположить, что вторая строчка, начинающаяся с ѣ, относится к букве с произвольным названием. Следующая строчка начинается в обоих алфавитных акростихах с *i* (Конст.: имени, Анон.: иного), и, поскольку настоящие буквы *i* (Ѣ и Ѥ)

¹⁶ Название «pe» выбрано, вероятно, под влиянием еврейского алфавита, где это название относится к букве с числовым значением 800. Предположение Р. Нахтигала о том, что славянская буква, следующая за ѡ, имела звуковое значение *f* и отличалась от другой буквы *f* тем, что одна буква *f* обозначала греческое φ, а другая греческое ϑ по многим основаниям лишено всякой вероятности.

имеют числовое значение 10 и 20, то и в данном случае речь может идти только о букве с произвольным названием.

В отношении последних пяти букв четвертой группы данные обоих алфавитных акrostихов вполне однозначны: соответствующие строки начинаются у Константина с **гавѣ**, **хвалѣ**, **ѣже**, **юнѣ**, **ѣзыкѣ**, в анонимном акrostихе с **гако**, **хвалами**, **ѣже**, **юже**, **ѣзыкомь**. В Мюнхенском абecedарии в конце глаголического алфавита стоят (довольно плохо изображенные, но всё же вполне различимые) буквы **А** (*ä*), **Ъ** (*x₂*), **Ѧ** (*ö*), **Ї** (*ii*), **Є** (*N*), за которыми следует лигатура **ѦЄ** (*eN*). — Таким образом, может быть точно установлен порядок последних одиннадцати букв глаголического алфавита.

Теперь следует точнее определить место еще трех букв с произвольными названиями. Одна из этих букв, как уже сказано выше, должна стоять между **Ѧ** и **Ѩ**, другая между **Ш** (*š*) и **А** (*ä*). В обоих абecedариях непосредственно перед **А** стоит **Ѧ** (**ѣ**), которая не может употребляться в начале слова, и поэтому должна была получить произвольное название: в этом случае нет оснований не доверять свидетельству абecedариев. Поздняя русско-церковнославянская традиция, ориентированная, естественно, не на глаголический, а на кириллический алфавит, ставит между **ш** и **ѣ** букву **ѡ** (**ѡ** глаголицы). Поздняя хорватская традиция (которая знает только глаголический алфавит) помещает **ѡ** между **Ѧ** и **Ѩ**, т. е. предполагает для нее числовое значение 800, которое впервые у этой буквы встречается в одном бревиарии 1396 года¹⁷. Если верить русско-церковнославянской традиции, не ясно, что делать с буквой **Ѧ** (**ѣ**), которая также должна была иметь произвольное название: русская традиция ставит ее сразу после **ѣ**, что никак не согласуется с установленными выше фактами; а единственный выход — поставить **ѣ** между **ѡ** (**Ѧ**) и **ѡ** (**Ѩ**), не находит никакой поддержки в традиции. Если же мы доверимся хорватской традиции, то все

¹⁷ До этого памятника число 800 представлено только в одном хорватском глаголическом памятнике, а именно в Хорологиуме Врбника 1391 года, где это число обозначено буквой **А**, что безусловно является ошибкой, так как установленное точно место **А** алфавите несовместимо с этим числовым значением.

трудности исчезнут: **Ѫ** (**ь**) следует в таком случае поставить рядом с **Ѣ** (**ѣ**), однако не за этой буквой, а перед ней.

Возможно, тогда можно было бы объяснить тот факт, что в парижском *Abecedarium Bulgaricum* непосредственно перед **Ѫ** (**ѣ**) стоит буква **Ѧ** (x_1), с названием «hier». В данном случае речь идёт, вероятно, о смещении буквы **Ѧ**, которая в старославянском имела название *хѣръ*, с буквой **Ѫ**, название которой звучало как *jerъ* (исконно возможно *ierъ*?). В оригинале Парижского алфавитара оба эти названия, вероятно, должны были быть записаны как *hier*. Что касается Мюнхенского алфавитара, то он не позволяет нам ничего сказать об интересующих нас буквах: писец, очевидно, имел перед собой оригинал, в котором не только буквы, но и их названия были написаны кириллическим и глаголическим алфавитом, кроме того он не смог точно передать форму отдельных знаков.

Таким образом, первоначальная глаголица должна была состоять из следующих букв, расположенных в таком порядке¹⁸:

I группа (единицы)			II группа (десятки)			III группа (сотни)			IV группа (тысячи)		
1	Ѧ	<i>a</i>	10	Ѧ Ѫ	i_1	100	Ѧ	<i>r</i>	100	Ѧ	\check{c}
2	Ѣ	<i>b</i>	20	Ѣ	i_2	200	Ѣ	<i>s</i>	200	Ѣ	\check{s}
3	Ѧ	<i>v</i>	30	Ѧ	\check{m}	300	Ѧ	<i>t</i>	300	Ѣ	<i>b</i>
4	Ѧ	<i>g</i>	40	Ѧ	<i>k</i>	400	Ѣ	\check{i}_2	400	Ѣ	\check{b}
5	Ѧ	<i>d</i>	50	Ѧ	<i>l</i>	500	Ѧ	<i>f</i>	500	Ѣ	\check{a} (\check{r})
6	Ѣ	<i>e</i>	60	Ѣ	<i>m</i>	600	Ѣ	x_2	600	Ѧ	x_1
7	Ѣ	\check{z}	70	Ѧ	<i>n</i>	700	Ѣ	o_2	700	Ѧ	\check{o}
8	Ѣ	\check{z}	80	Ѣ	o_1	800	Ѧ	ψ	800	Ѧ	\check{i}_1
9	Ѧ	<i>z</i>	90	Ѧ	<i>p</i>	900	Ѧ	<i>c</i>	900	Ѧ	<i>N</i>

Отношение к греческому порядку букв. Знаки тех старославянских фонем, которые имеют греческие соответствия,

¹⁸ Лучшее исследование о количестве и порядке букв в первоначальной глаголице сделано Н. Н. Дурново (*Byzantinoslavica* 1, 66). Скептицизм Йозефа Вайса (*J. Vais. Rukověť hláholské paleografie. S. 12, сноска*) абсолютно неправомерен.

располагаются в основном по порядку греческого алфавита. Только знак для фонемы *i* не следует этому порядку: в греческом алфавите два таких знака, один из них (η) занимает восьмое место в первой девятизначной группе, другой (ι) занимает первое место во второй девятизначной группе, тогда как в глаголице обе буквы стоят рядом и являются первым и вторым знаком второй девятизначной группы. Часть букв для фонем, не имеющих точного греческого соответствия, вставлена между буквами, обозначающими общие с греческим фонемы, а часть помещена в конце алфавита. Думается, что фонологическое сходство фонем, по крайней мере, частично, повлияло на место соответствующих букв в алфавите. Образцом мог послужить греческий алфавит, в котором три звонких (β , γ , δ), обе аспираты (ϕ , χ) и оба носовых (μ , ν) составили самостоятельные группы. Точно так же и в старославянском алфавите звонкое губное *b* стояло перед губным щелевым *v*, оба звонких сибиланта (шипящий спирант \check{z} и свистящая аффриката \check{z}) поставлены прямо перед *z*. Группы *c* — \check{c} — \check{s} , *ь* — *ь*, \ddot{o} — \ddot{i} в конце алфавита тоже следует объяснять подобным же образом. Однако этот принцип не был последовательно проведен до конца, подобно тому, как в греческом алфавите за исключением упомянутых случаев также не был связан с их звуковым значением. Так, в частности, *c* и *z* стоят далеко друг от друга (в отличие от \check{z} и z)¹⁹. Из-за введения в алфавит букв для специфически славянских фонем числовое значение знаков для фонем, общих с греческими, должно было быть изменено. Число значение только восьми букв глаголицы (*a*, i_1 , *r*, *s*, *t*, \ddot{i}_2 , *f*, x_2) соответствует числовому значению соответствующих греческих букв (α , ι , ρ , σ , τ , ν , ϕ , χ). Три из них стоят в начале девятизначной группы и обозначают первые числа соответствующего ряда $a = 1$, $i_1 = 10$, $r = 100$. Три другие (\ddot{i}_2 , *f*, x_2) первоначально встречались только в иностранных словах <14>.

Так как Константин кроме греческого знал различные восточные алфавиты, возможно, что на порядок следования

¹⁹ Поэтому место буквы в алфавите не может свидетельствовать о ее звуковом значении, что пытался показать Б. Маргулис (B. Margulíés, *AslPh*, XLI, S. 90) в отношении буквы \mathfrak{L} .

глаголических букв могли повлиять не только греческие образцы. Примечательны, в частности, соответствия глаголицы с грузинским алфавитом, в котором первая буква четвертой девятизначной группы имеет звуковое значение *с̣*, а шестая буква этой же группы обозначает *х*. Нет сомнения, что *с* обязано своим числовым значением (а следовательно и местом в алфавите) сходству с еврейским конечным *ץ*.

В. Использование букв как звуковых знаков

Гласные буквы. То, что в греческом графическом мышлении каждая буква характеризовалась не столько своим звуковым, сколько числовым значением, видно лучше всего на примере букв, обозначающих гласные.

Гласная буква обозначала определенную фонему в определенной позиции, однако вместе с этим в сочетании с другой гласной буквой она использовалась для обозначения совсем другой гласной фонемы. Так, например, «омикрон» (ο, числовое значение 70) во всех позициях, кроме позиций перед «йотой» и «ипсилоном», имела значение *ο*; «йота» (ι, числовое значение 10) в начале слова и после согласных букв имела значение *ι*, однако же сочетание οι обозначало звук *ii*; такое же звуковое значение *ii* имела буква «ипсилон» (υ, числовое значение 400), когда она стояла в начале слова или после согласной буквы, сочетание же ου, однако, имело значение *υ* и т. д.

Одной из основных трудностей, которую нужно было преодолеть при создании системы письма для «прастарославянского», было богатство славянского вокализма: шести греческим гласным противостояло одиннадцать гласных фонем прастарославянского. Прастарославянские гласные фонемы в отличие от греческих четко распадаются на две группы: группу *передних* и группу *задних* гласных. Различие передних и задних гласных проходило через всю звуковую и морфологическую систему прастарославянского и являлось одной из самых важных его особенностей. В прастарославянском противопоставление «задний гласный — передний гласный» охватывало пять пар гласных (*υ — ii, ο — ö, у — ι, а — ä, ъ — ь*) <15>, в греческом оно было свойственно только одной паре *υ — ii*.

Графически противопоставление *υ — ii* в греческом определялось тем, что задняя гласная *υ* обозначалась соче-

танием *ou*, а переднее *ii* обозначалось *u* без предшествующей гласной буквы. Естественным было использовать этот способ и для обозначения соответствующих славянских пар фонем. Со славянскими *u* — *ii* это было просто: Константин-Кирилл создал знак **Ѹ** со звуковой и числовой значимостью греческого ипсилона и обозначил фонему *u* сочетанием буквы **Ϟ** с этой буквой **Ѹ**. При обозначении пары гласных *y* — *i* создатель глаголицы должен был встретиться с одной небольшой трудностью: сочетания всех гласных букв с буквой *i* имели в греческой системе письма совершенно определенное монофтонгическое звуковое значение ($\alpha i = e$, $\omicron i = ii$, $\epsilon i = i$), и от этого трудно было отвлечься любому, кто привык к греческому алфавитному мышлению. Поэтому *y* могло быть обозначено только таким сочетанием, вторым компонентом которого была бы буква, обозначающая *i*, а первая буква обозначала бы заднюю гласную, отсутствовавшую в греческом: такой гласной могло быть только *ъ*. Таким образом, Константин-Кирилл должен был создать особую букву **Ѻ** для обозначения прастарославянского *ъ*, и обозначить гласный *y* сочетанием этой буквы с *i*²⁰. Для обозначения остальных прастарославянских пар гласных (*o* — *ö*, *a* — *ä*, *ь* — *ь*) этот способ не мог быть использован²¹.

Обозначение фонемы *o*, для которой в греческом алфавите было две разные буквы (*o* и ω), двумя знаками слишком противоречило бы греческому графическому мышлению; еще в меньшей степени такое обозначение подходило бы для *a*. Для этой фонемы опирающаяся на схоластические рассуждения (которые, кстати, можно найти в трактате черноризца Храбра) традиция требовала особой буквы с числовым значением 1, а

²⁰ Поэтому обозначение прастарославянского *y* двумя буквами не может служить аргументом в пользу (в высшей степени мало вероятного и по другим причинам) предположения о дифтонгическом характере этого звука

²¹ А. Вайян считает, что отношения **ѺѸ** (*on*) и **ѺѸ** (*en*) также связано с использованием этого принципа (RÈSL XII, 1932, 96). Это, однако, неверно, так как *o* отличается от *e* не только положением языка, но и огубленностью, так что отношение *o* — *e* не идентично отношениям *u* — *ii* и *y* — *i*.

для ъ создатель глаголицы по упомянутым выше соображениям должен был изобрести особый знак. Таким образом, не оставалось ничего другого как обозначить переднеязычные корреляты *a*, *o*, *ь* особыми буквами **Ѡ** (*ö*), **Ѡ** (*ä*), **Ѣ** (*ь*).

Монофтонгическое значение некоторых сочетаний гласных букв в греческой системе письма логически связано с другой особенностью обозначения гласных, а именно, с использованием разных букв для обозначения одних и тех же гласных. Поскольку буквенная последовательность *o + i* обозначала монофтонг *ii*, то для обозначения дифтонга *o + i* надо было использовать другие буквы, например, *o + η* (как в слове *βοήθεια*, произн. *voíþia*) или *ω + η* (как в слове *ζωή*, произн. *zoi*). Это было возможно только потому, что в греческой системе письма существовали две буквы со звуковым значением *i*. Поскольку создатель глаголицы заимствовал основной принцип обозначения некоторых монофтонгов последовательностью гласных букв, он должен был использовать и принцип существования синонимичных букв. Вместе с буквой *ii*, которая обозначала фонему *u* в сочетании с последующей буквой *o*, в алфавит должна была быть введена другая буква *ii*, которая бы сохраняла значение *ii* во всех позициях: только тогда можно было различать односложное *tu* ‘тогда’ (**ѠѢ** = **ѠѢ** [тoу]) и двусложное *toi* (**ѠѢѢ** [тoю]) ‘тех двоих’ (род. дв.) <16>. Точно таким же образом надо было ввести и две буквы *i* для того, чтобы избежать смешения односложного *u* (как, напр., в *dobry ѠѢѢѢѢ [дoбръи] ‘доброй’ (род. ед. ж. р.)) с двусложным *yi* (как, напр., в *dobryi ѠѢѢѢѢѢ [дoбръи] ‘добрый’). В нашем самом старом старославянском памятнике Киевских листках эта функция двух знаков *i* еще последовательно сохраняется, следы такого употребления можно найти и в некоторых других памятниках²² <17>.**

Омофонические буквы имели, таким образом, разную функцию только в совершенно определенных позициях **Ѣ** [ү] и **Ѣ** [ю] после **Ѡ** [o]; **Ѣ** [и] и **Ѣ** [и] после **Ѣ** [ь]. Во всех остальных

²² Создание второго знака *ii* и второго знака *i* было таким образом логически необходимым, и Н. Н. Дурново неправ, считая введение двух букв *ii* и *i* просто бессмысленным подражанием греческому.

позициях они имели совершенно одинаковое значение²³ — точно так же имели одинаковое звуковое значение ι и η после согласных или в начале слова в греческом.

Известно, однако, что в тех текстах IX века, в которых обращали внимание на орфографию, ι и η употреблялись не совсем произвольно — в одних словах всегда писалось ι, в других — всегда η. Правило употребления этих букв было, однако, чисто историческим, поэтому образованный грек того времени просто должен был выучить случаи их употребления. Такой образованный грек должен был считать распределение ι и η чисто произвольным, но определяемым строгими правилами орфографии. Такие произвольные, но строгие правила должны были быть установлены при создании прастарославянской системы письма и для употребления праславянских букв *и* и *й*. Правило распределения знаков было очень простым: вне сочетания ѿѿ (ου̅ и *и*), буква ѿ [υ̅] писалась только в иностранных словах, тогда как буква ѿ̅ [ю̅] употреблялась только в собственно славянских словах (и соответственно в славянских окончаниях). В отличие от этого, исконное распределение двух знаков для *i* (ѿ̅ и ѿ̅̅) установить невозможно: в известных нам памятниках в этом отношении царит полная беспорядочность, и там, где кажется, что можно установить определенные правила или закономерности, отдельные памятники отличаются друг от друга.

Несмотря на очевидно бессмысленное распределение омофонических гласных букв в греческом, существуют некоторые случаи, где эти буквы выполняют различительную функцию

²³ А. Вайан полагает (RÉSL XI, 1931, 17 и сл.), что одна буква *i* всегда обозначала долгое *i*, а другая — краткое *i*, основываясь на алфавитном акростихе, в котором одна строка начинается с союза *i*, а другая с относительного местоимения *iže*. Однако, даже если отвлечься от того факта, что краткость *i* в *iže* не установлена (в отличие от энклитического *i* в вин. пад., которое несомненно было кратким), предположение А. Вайана невероятно, уже потому, что ни греческая, ни какая другая известная Константину система письма не обозначала количественных (и любых других просодических) различий разными буквами <18>.

(правда лишь иллюзорно). Многие звучащие одинаково слова на письме различались с помощью омофонических букв, напр. *tis* (τίς ‘кто’ ~ τῆς опр. артикль жен. рода, ед. числа, род. пад.), ‘*os*’ (ὅς относительное местоимение ~ ὡς наречие), *si* (σύ ‘ты’ ~ σοί ‘тебе’). В старославянском количество одинаково звучащих слов было значительно меньшим, чем в греческом. Однако, поскольку несколько таких слов все же существовало, было совершенно естественным, что создатель глаголицы использовал известное ему по греческой системе письма средство для графического различения этих слов. Особенно удобно это было сделать с часто употреблявшимися словами, состоящими из одной гласной. И действительно, *i* — энклитическая форма анафорического местоимения мужского рода в винительном падеже в одних памятниках более, в других менее последовательно, отличалась от союза *i* тем, что эти два слова писались с двумя разными *i* (ср. в греческом графическое различение двух союзов *i*: ἢ ‘или’ ~ εἰ ‘когда’). В греческом существовало и два одинаково звучащих слова, которые состояли только из фонемы «о», причем на письме эти два слова обозначались двумя разными буквами *o*: ὁ ‘тот’ (артикль) ~ ὄ ‘о’ (междометие). В старославянском также было два слова, звучащие как *o*: собственно славянский предлог *o* и заимствованное из греческого междометие *o!* Более чем естественно, что Константин-Кирилл графически дифференцировал эти слова, при этом для междометия он ввел особую букву Ѡ [w], созданную, очевидно, под влиянием греческого ω, а предлог *o* обозначил обычным знаком Ѣ [o]. В Мариинском евангелии буква Ѡ используется только для написания междометия *o!* и в слове *osanna!* (которое, очевидно, понималось как *o! sanna!*). В высшей степени вероятно, что в данном случае сохранено исконное употребление этих букв. Таким образом, буква Ѡ была введена в алфавит только для того, чтобы можно было графически отличать междометие *o!* от омофоничного предлога *o*²⁴. Других пар слов, состоящих из одной фонемы, в старославянском не было <19>.

²⁴ А. Вайан RÉSL XI, 1931, 172 полагает, что междометие *o!* обозначалось особой буквой, поскольку произносилось как долгое и закрытое *o*. Такое предположение однако невероятно: ни в старосла-

Согласные буквы <20>. В греческой системе письма две гласные буквы могли иметь одинаковое звуковое значение ($i, \eta = i$; $o, \omega = o$) — для согласных букв такое было невозможно. Кроме того, некоторые гласные фонемы могли обозначаться последовательностью гласных букв ($ou = u$, $oi = \ddot{i}$, $ai = e$, $ei = i$), что также было несвойственно для обозначения согласных. Напротив, существовали две согласные буквы (с собственным названием и цифровой значимостью), которые обозначали сочетания согласных фонем ($\xi = k + s$, $\psi = p + s$), что было невозможно при обозначении гласных.

В прастарославянском существовало два сочетания согласных, фонологическая интерпретация которых представляла определенные трудности. Речь идет о звонком и глухом сочетаниях палатального спиранта с палатальным смычным. С одной стороны, эти звуковые комплексы обладали признаками сочетаний фонем, поскольку по своей артикуляционной структуре и длительности они полностью аналогичны сочетаниям sc , \check{s} . С другой стороны, их компоненты (палатальные спиранты и палатальные смычные) никогда не встречались самостоятельно, а были возможны только в упомянутых сочетаниях, что затруднило их трактовку как сочетаний двух фонем. Поскольку греческому графическому мышлению было знакомо обозначение сочетаний согласных фонем одной буквой (ξ, ψ), то и эти сочетания согласных Константин обозначил одной буквой: звонкий — буквой **ѣ**, а глухой — буквой **ѣ**²⁵ <21>.

Загадочным является существование двух букв x (**ѣ** и **ѣ**) в первоначальной глаголице. В наших памятниках знак **ѣ** встречается крайне редко, причем только в слове *хлѣтъ* ‘холм’ (один раз в Ассеманиевом евангелии и три раза в Синайской

вянском, ни в греческом (и ни в одной другой практической системе письма) эмоциональные оттенки произношения фонемы никогда не обозначаются особыми буквами

²⁵ Высказываемая здесь точка зрения о звуком значении этих двух глаголических букв не соответствует ни общепринятому мнению, ни мнению Дурново, высказанному им в *ByzSl I*, 55 ff. Ее более подробное обоснование см.: N. S. Trubetzkoy. *Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj*. *ZslPh XIII*, 1936, 88–97.

псалтыри). Однако его существование наряду с њ в первоначальной глаголице подтверждается как обоими алфавитными акростихами, так и *Abecedarium Bulgaricum* (возможно и Мюнхенским абецедариумом). Причём речь идет не о двух вариантах того же знака письма, а о двух разных буквах, занимающих разные места в алфавите. Поскольку омофонические знаки для обозначения согласных были чужды греческой системе письма, маловероятно, что эти две буквы первоначально обозначали одну и ту же фонему. С другой стороны, трудно сказать, какое фонологическое различие обозначалось этими буквами. В алфавитных стихах одной букве соответствует слово **хєровимьскжж** (Анон.), **хєровьскж** (Конст.), другому слово **хвалж** (Конст.), **хвалами** (Анон.). Дурново (*ВузSl 1*, 1929, S. 70) справедливо заметил, что данные алфавитных акростихов не могут быть истолкованы ни как отражение противопоставления палатального и велярного *х*, ни как отражение противопоставления *х* сочетанию *хv*: в первом случае речь шла бы не о двух фонемах, а о двух комбинаторных вариантах одной фонемы, и обозначение таких вариантов противоречило бы основным положениям старославянской (и греческой) системы письма: во втором случае оставалось бы непонятным, почему именно сочетание *хv* (которое в принципе полностью идентично сочетаниям *kv* и *gv*) обозначалось особой буквой. Таким образом, Дурново также отказывается от какого-либо объяснения. Однако, вероятно, одно объяснение все же можно было бы предположить. Следует исходить из того, что первый знак *х* занимал шестое место в третьей девятизначной группе и следовательно должен был иметь то же числовое значение, что и греческое χ (600); далее, что в обоих алфавитных акростихах этому знаку соответствует заимствованное слово и что он стоит рядом с *f*, которое также встречается только в заимствованных словах и которое, в свою очередь, стоит после той буквы *ii*, которая за исключением сочетания с *o* также использовалась только в заимствованных словах. Второму знаку *х* соответствует в алфавитном акростихе чисто славянское слово. Как было уже показано выше, этот знак должен был быть шестым в четвертой девятизначной группе, т. е. стоять вне знаков, обозначавших общие с греческим фонемы.

Такие отношения напоминают отношения в коптском и грузинском алфавитах. В коптском алфавите сначала идут

буквы общие с греческим алфавитом, с греческим числовым значением, причём греческому χ (числовое значение 600) соответствует буква со звуковым значением k' (греческим ϑ , φ также соответствуют коптские t' , p' и в греческих заимствованиях χ , ϑ , φ обозначаются k' , t' , p'). После общих букв идут специфически коптские буквы, среди которых есть буква со значением x , которая употреблялась только в исконно коптских словах и никогда не могла передавать греческого χ . Подобные же отношения характерны и для грузинского алфавита: числовое значение греческого χ (600) имеет здесь буква со звуковым значением k' (при этом буква передает в заимствованиях греческое χ , тогда как буква со звуковым значением x стоит в четвертой девятизначной группе и встречается только в негреческих словах). Сходство с глаголицей в данном случае увеличивается еще и потому, что это x имеет числовое значение 6000, такое же числовое значение можно постулировать и для второго x глаголицы, исходя из его места в алфавите.

Сравнение с коптским и грузинским алфавитом позволяет предположить, что во время создания глаголицы греческое χ еще не идентифицировалось со славянским x , поскольку оно произносилось еще как аспирата (возможно, что такое произношение было свойственно только высокому стилю). Поэтому для передачи этой греческой фонемы в заимствованных словах использовался особый знак, так же как и для обозначения φ , которое, скорее всего, не стало еще простым спирантом. Произносили ли славяне соответствующие буквы на греческий манер или заменяли их наиболее близкими им звуками родного языка (вероятно x , p), остается неясным (это зависело, вероятно, от степени образованности умеющего читать славянина, от его знания греческого высокого стиля)²⁶. Существование обоих знаков x в исконной глаголице свидетельствует только о том, что образованный грек шестидесятих годов IX века не идентифицировал χ греческого высокого стиля со славянским спирантом x . Со временем, однако, отождествление стало нормой (что было вызвано окончательной победой

²⁶ О двух глаголических знаках x см. Trubezkoy N. S. Glotta, XX, 1936, с. 248 и сл.

спирантного произношения χ у греков). Два знака χ стали тогда не нужны. В огромном большинстве наших памятников используется только один знак ѣ , а те два памятника, которые сохраняют оба знака, уже не следуют в их употреблении первоначальным правилам²⁷ <22>.

Прастарославянский должен был иметь три палатальных сонорных ʃ , ɲ , ʎ <23>. Однако в первоначальной глаголице не было особых букв для обозначения этих фонем. Для этой цели использовались знаки Ѣ (n), Ѧ (l), Ѣ (r). Произношение этих букв как дентальных n , l , r или как палатальных ɲ , ʎ , ʃ определялось из контекста, по характеру следующей гласной буквы: перед $и$, $о$, $а$, $у$, $ь$ буквы Ѣ , Ѧ , Ѣ должны были читаться как дентальные, перед ѣ , ѡ как палатальные сонорные и только перед $і$, $е$, ѧ (т. е. перед 36% всех гласных букв) буквы Ѣ , Ѧ , Ѣ были двусмысленными.

Эта примечательная непоследовательность глаголического алфавита, который во всех других случаях так хорошо приспособлен для передачи славянской фонологической системы, требует объяснения, которое, вероятно, следует искать в особенностях греческого графического мышления и в отношении греческого высокого стиля к просторечию в IX веке. В современном новогреческом (димотика) также есть палатальные ɲ , ʎ , ʃ , которые восходят к n , l , r перед сочетаниями передних с задними гласными (напр. $\text{εἰρά} = \text{ἐννέα}$ и т. п.). Когда появились эти фонемы, неясно. Во всяком случае, они должны были появиться в просторечии гораздо раньше, чем в высоком стиле. Если предположить, что ɲ , ʎ , ʃ уже в середине IX века

²⁷ Остаётся определить, какая из двух букв (Ѣ или ѣ) стояла первоначально в третьей, а какая в четвертой девятизначной группе. Данные двух наших самых старых абecedариев расходятся в этом вопросе: в Парижском после Ѣ (f) стоит знак Ѣ , а в Мюнхенском на этом месте стоит ѣ . Поскольку Ѣ несомненно является стилизацией греческого χ , а ѣ по своей форме напоминает коптское, армянское и грузинское χ , то Парижский абecedарий заслуживает в данном случае большего доверия. Когда Ѣ было вытеснено ѣ , естественно, что ѣ переняло и его числовое значение (600) и заняло его место в алфавите.

существовали в греческом просторечии, то отсутствие особых букв для обозначения этих фонем в глаголице можно объяснить тем, что образованный грек рассматривал их как признак вульгарного просторечия, который не следует обозначать на письме, поскольку присутствие этих фонем всегда можно было установить по последующей гласной букве письменного языка.

В заключение следует сказать, что создатель глаголического алфавита был далек от того, чтобы рабски копировать греческий алфавит. Он руководствовался, прежде всего, требованиями прастарославянской фонологической системы. Его творческая свобода не была скована рамками греческого графического мышления, а лишь регулировалась и направлялась им. Во всех тех случаях, когда он использовал как образец греческую систему письма (может быть за исключением случая с палатальными *п, л, р*), он делал это, исходя из требований прастарославянского языка.

С. Происхождение букв глаголицы

Система письма может появиться либо путём постепенного изменения другой (более старой или чужой) системы письма, либо благодаря спонтанному ее созданию выдающимися деятелями культуры. Только в первом случае можно установить и проследить происхождение отдельных букв. Во втором случае, ни о каком «происхождении» в собственном смысле этого слова не может быть и речи, поскольку в этом случае «происхождение» каждой буквы определяется творческой, т. е. абсолютно свободной, фантазией создателя алфавита. Естественно, что на эту творческую фантазию в большей или меньшей степени влияли те внешние факторы, которые были связаны со всем контекстом духовной жизни создателя алфавита. Поэтому в некоторых случаях можно определить не ассоциации, которые направляли работу его фантазии. Однако без указаний самого создателя алфавита (и, соответственно, людей его ближайшего окружения) с полной уверенностью установить истоки его творческой фантазии невозможно. Кто бы, например, мог догадаться, что мысль о создании паровой машины возникла у ее создателя при взгляде на прыгающую крышку кипящего чайника?

Эти общие соображения слишком часто совсем не принимались во внимание при изучении проблемы происхождения глаголицы. О происхождении отдельных букв говорят так, как если бы они появлялись путём естественного и постепенного изменения знаков какого-то другого алфавита и забывают о том, что глаголица была оригинальным творением Константина-Кирилла, что он при этом хотел создать новый алфавит, а не исказить без видимой причины знаки уже существующей системы письма. Естественно, что на образы существующих в его воображении знаков глаголического письма могло повлиять его знание букв других известных ему алфавитов, однако бессмысленно пытаться установить степень влияния этих знаний в каждом отдельном случае.

Напрашивается естественное предположение, что на форму глаголических букв больше всего повлиял тот алфавит, которым чаще всего пользовался сам Константин-Кирилл, т. е. греческое минускульное письмо IX века. Действительно, вряд ли можно усомниться, что форма глаголических **г** (*g*), **д** (*d*), **л** (*l*), **н** (*n*), **ф** (*f*), **х** (*x*₂), **о** (*o*₂), возможно и **м** (*m*), объясняется знакомством Константина-Кирилла с тогдашним минускульными формами греческих букв γ , δ , λ , ϕ , χ , ω , μ . Ясно также, что и **р** (*r*) могло быть получено из перевернутого греческого ρ — при этом не обязательно исходить из минускульного письма, поскольку перевернутое унциальное ρ могло бы дать букву такой же формы. Вообще минускульное письмо не обязательно должно было быть единственным источником, на котором основывалась творческая фантазия Константина-Кирилла. На форму **э** (*e*) могла повлиять форма унциального ϵ (повернутого в другую сторону): самаритянское «йуд» (*𐤎*) и по своей форме, и по своей функции гораздо дальше от **э**, а форма минускульного ϵ была в IX веке совершенно другой.

Из Жития св. Константина-Кирилла явствует, что он знал несколько восточных языков и побывал в нескольких странах Востока. Поэтому на его творческую фантазию могло повлиять знание восточных знаков письменности. Сейчас все единодушно считают, что глаголическая буква **ш** (*š*) «восточного происхождения»; действительно, три вертикальные линии, идущие вверх от одной горизонтальной, характерны для буквы со сходным значением *š* в коптском, еврейском и самаритянском алфавитах. Глаголическое **х** (*x*₁) трудно рассматривать отдельно

от коптской, армянской и светской грузинской (мхедрули) букв, имеющих петлю или полупетлю, идущую вправо вниз от середины или конца вертикальной линии (копт. «Хез» [ħ ħ]), арм. «Хе» [h] грузин. «Хан» [b], все эти буквы отличаются от греческого χ, которое везде напоминает крест с *загнутыми* концами (копт. «Кхю» [X], арм «Кхе» [Ϝ], груз. (хуцури) «Кхан» [†]); точно таким же образом отличаются друг от друга глаголические ѡ и Ѡ. Глаголическое ѡ (ž) Ф. Ф. Фортунатов (Изв. Имп. Акад. наук, XVIII, 4) сравнивает с коптской «джанджой» (x, звуковое значение ž) и (армянское «че» [č]), которое для сравнения приводит Шафарик, может, следовало бы принимать во внимание только в том случае, если будет доказано, что западноармянское изменение č > ž уже произошло в IX веке. Сходство глаголического ѡ (c) с евр. «Цаде» (צ), справедливо признается всеми славистами, начиная с Вондрака (Asl. Ph. XVIII, 553).

Во всех этих случаях (Ш — š, ѡ — ž, Ѳ — c, ѡ — x) речь идет о буквах, которые не имели греческих соответствий, но могли быть более или менее точно идентифицированы с соответствующими фонемами восточных языков. — Есть, правда, примеры и другого типа: глаголическое ѡ (k) напоминает скорее еврейское «копх» (ק), церковное грузинское (хуцури) «кан» (ქ) или армянское «кен» (կ), чем греческое κ; глаголическое Ѳ (p) мало похоже на минускульное π IX века и скорее напоминает повернутое в обратную сторону еврейское «пхе» (פ). Трудно сказать, форма какой буквы больше повлияла на форму Ѳ (s) — еврейского «самекх» (ס) или греческого σ — здесь возможно смешение форм этих двух букв.

Таким образом, следует считать вполне вероятным предположение о том, что при создании отдельных букв на творческую фантазию Константина-Кирилла повлияло знакомство с формой букв, имеющих такое же звуковое значение в других алфавитах. Напротив, следует отнести крайне осторожно к возведению знаков глаголицы к греческим лигатурам. Такие объяснения, которые особенно любимы И. Тейлором (The Alphabet, 1883) и часто используются другими учеными, всегда в чём-то произвольны и часто выходят за рамки того, что можно действительно угадать о процессе создания алфавита. Только очень немногие из этих объяснений могут претендовать на вероятность: например, предположение, высказанное Дурново о

том, что на форму глаголического **Ї** (*i*) повлиял вид курсивного сочетания *oi*, поскольку греческое *oi*, как известно, имело звуковое значение (*i*); или предположение В. Ягича, что глаголическое **ѡ** (*o*) восходит к курсивной лигатуре *μβ*, поскольку греческое *β*, которое в других случаях произносилось как *v*, сохранило свое исконное значение *b* только в сочетании с *m* <24>.

Предположение о том, что глаголические буквы имели своим прообразом буквы других алфавитов с другим звуковым значением, можно принять только в том случае, когда очевидно сходство формы и может быть восстановлено движение ассоциации. Так сходство глаголического **Ѧ** (*z*) с греческим *Ϸ* настолько велико, что вряд ли может быть случайным, тем более, что обе буквы имеют числовое значение 9²⁸. Глаголическое **Ѧ** напоминает некоторые формы греческого числового знака «сампи» (*Ϸ*) и это, вероятно, не случайно, так как оба знака стоят в конце соответствующих алфавитов. Дурново обратил внимание на очевидное сходство глаголического **Ѧ** с греческим *ψ* и указал на то, что глаголическое **Ѧ** напоминает перевернутое греческое *ζ*: если принять во внимание то, что было сказано выше (с. 25) о **Ѧ** и **Ѧ**, то становится понятным, почему Константин-Кирилл в поисках подходящего графического облика для этих прастарославянских звуковых комплексов мог подумать именно о греческих *ψ* и *ζ*.

Таким образом, о внешней форме глаголических букв следует повторить то, что уже было сказано выше (с. 34-35). Глаголический алфавит — продукт свободного творчества. И если внешняя форма отдельных букв позволяет иногда угадать греческие или восточные образцы, то их следует рассматривать только как толчок к свободной творческой фантазии Константина-Кирилла.

Д. Стиль и развитие глаголицы

Стилизация глаголических букв. Особенности творческой личности Константина-Кирилла яснее всего проявились в

²⁸ Впрочем в данном случае можно подумать и о сходстве с церковным грузинским «дзил» *ძი*.

стилистическом единстве букв предлагаемого им алфавита, на что справедливо указал Нахтигал. Если сравнивать глаголическую рукопись с памятником греческого минускульного письма IX в., то различие сразу бросается в глаза. В греческой рукописи царит явная неразбериха, беспорядочное написание букв, при этом хвостик или петля у одних букв оказываются под строчкой, у других над строкой; некоторые буквы соединены друг с другом, другие написаны отдельно; даже в форме отдельных букв нельзя найти ничего общего.

Совсем иначе выглядит глаголическая рукопись, здесь все буквы размещены в пределах строки и не выступают за её рамки; каждая буква стоит отдельно, не соединяясь с соседней буквой, и форма почти всех букв обнаруживает одинаковые структурные признаки. К этим признакам, прежде всего, относятся симметрия. Шестнадцать букв первоначальной глаголицы имеют перпендикулярно-симметричную форму (Ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, Ѳ, Ѵ, Ѷ, Ѹ, Ѻ, Ѽ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ), пять других букв параллельно-симметричную форму (Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ). Два из вторичных вариантов букв также симметричны (Ѧ, ѿ) <25>. Таким образом, симметричная основа есть у 21 (+2) букв. Восемь других букв показывают лишь небольшое отклонение от этого принципа, т. е. они имеют симметричную форму, но с ассиметричным добавлением (Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, Ѳ) <26>, такой же характер имеет знак, который следует рассматривать как вторичный вариант²⁹. Полностью ассиметричны только буквы Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, Ѳ), т. е. менее чем 20% всех букв глаголицы. Другой структурной особенностью глаголических букв является наличие кружков и петелек, которые и придают этому письму его специфический индивидуальный характер. Только у восьми букв нет этих кружков и петелек (Ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, Ѩ, Ѭ, Ѯ, Ѱ).

Древнейшие изменения глаголицы. В большинстве глаголических старославянских памятников есть два знака *i* с числовым значением 10. Оба этих знака имеют в своей верхней части два кружочка, присоединенных к обоим верхним углам перевернутого треугольника. Отличаются только нижние части

²⁹ В Киевских листках эта буква имеет ассиметричное добавление слева сверху.

этих знаков: либо вершина верхнего перевернутого треугольника опирается на нижний треугольник, стороны которого являются продолжением сторон верхнего треугольника (**Ж**), либо нижнего треугольника нет, так что вершина верхнего треугольника достигает нижней стороны и превращается в вертикальный столб (**Ф**). Только немногие памятники незнакомы со знаком *i*, состоящим из двух треугольников (**Ж**). Эти памятники палеографически не особенно архаичны, поэтому их данные не могут иметь большого значения. Ясно, что оба знака являются графическим вариантом одного «празнака», и что в первоначальной глаголице была только одна буква, которая могла иметь числовое значение 10. Был ли это знак типа **Ж** или типа **Ф**, остается неясным. Появление одного из этих знаков, было, вероятно, одним из самых старых изменений в инвентаре графических знаков.

Два варианта имеет также и знак *f*. Они есть уже в Киевских листках: **Ф** и **Ф̣**. Кроме КЛ <27> оба знака встречаются ещё в Зогр. евангелии. В Асс. есть только **Ф**, во всех остальных древнейших рукописях только **Ф̣**. Можно, вероятно, предположить, что первоначальная глаголица знала только **Ф̣**, а знак **Ф**, появившийся под влиянием греческого алфавита, был вторичным.

В некоторых наших глаголических памятниках есть особый знак **Ф̣**, который передает греческое *ϑ* в заимствованных словах. В СинПс и СинЕвх, Охр. и Клоц. этого знака нет, и греческое *ϑ* в заимствованиях передается буквой **Т** (t). В Зогр. и Мар. **Ф̣** встречается только по одному разу (ЗОГР **Ф̣ϑϑϑϑ** [дома] Иоанн, 21, 2; МАР **ϑϑФ̣ϑϑϑϑϑ** [видсидты], Иоанн, I, 45). Только в Асс. **Ф̣** употребляется довольно часто, хотя и здесь греческое *ϑ* часто передается буквой **Т**. Ясно, что в первоначальном глаголическом алфавите буквы **Ф̣** не было, и что она была введена гораздо позднее (вероятно, после появления кириллицы).

В Киевских листках, Синайской Псалтыри и в Охридском ев. **Є** употребляется только после гласных букв. Таким должно быть исконное состояние. В других рукописях **Є** встречается и после согласных, где имеет значение *en*. Поскольку, однако, во всех этих памятниках есть более или менее многочисленные следы более старого обозначения *en* сочетанием **ЄЄ**, то такой

способ написания следует считать сравнительно поздним новшеством. Это новшество было, собственно говоря, гаплографией (сокращенным написанием). Поскольку *en* встречалось чаще, чем другие «носовые дифтонги», написание **ѣѢ** сократили, и вместо него писали только **ѣ**. Такое сокращение было, однако, возможным только после согласных букв (и, может быть, в абсолютном начале слова, т. е. в начале главы). После гласных букв оно, однако, могло привести к неверному пониманию слова (например, *toen* ж. р., ед. ч., род. пад., могло быть спутано с *ton* ж. р., ед. ч., вин. пад.), а в начале слова внутри предложения ситуация была практически такой же, как и после гласных, так как все старославянские слова кончались на гласный, а слова внутри предложения писались слитно³⁰. Гаплография **ѣ** вместо **ѣѢ** после согласной появилась только после изгнания учеников Мефодия из Моравии, поскольку ее нет не только в Киевских листках, но и в Пражских листках, которые были записаны в Богемии гораздо позднее; с другой стороны, она появилась до возникновения кириллицы, так как облик кириллической буквы для светлой носовой гласной предполагает уже использование глаголического **ѣ** в значении *en*.

Для отсутствующего в прастарославянском, но существовавшего в некоторых диалектах первого болгарского государства заднеязычного коррелята носового дифтонга некоторые школы писцов ввели особый знак **ѣ** (**ѣN**), видоизменив **ѣ**, обозначавшее *en*. Из известных нам глаголических памятников только Зографское и Мариинское евангелия знают этот знак <28>.

Лигатуры. В первоначальной глаголице буквы писались раздельно. В данном случае появилась тенденция, которая была характерна и для тогдашнего греческого минускульного письма: именно в IX веке в Византии было заметно стремление сделать минускульное письмо как можно более четким и понятным. Для этой цели было введено строго раздельное написание букв. Первоначальная глаголица превосходит в этом отношении греческое минускульное письмо. Вскоре однако и в глаголице

³⁰ Существует мнение о том, что **ѣ** должно было обозначать простое *en*, а **ѣѢ** сочетание *jen*, неверно.

появились лигатуры. Самыми старыми были лигатуры букв **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ**, **Ѩ**. Лигатура **Ѣ** еще не известна старославянским памятникам моравского происхождения. Однако уже в них заметно уподобление **Ѣ** предшествующему **Ѥ**, так что **Ѣ** отличается от **Ѥ** только маленькой идущей вправо черточкой. В большинстве памятников болгарской редакции произведено соединение знаков **Ѥ** и **Ѣ**. «Носовые дифтонги» во всех наших памятниках написаны слитно, хотя эти лигатуры легко можно разложить на составные части.

У всех этих лигатур есть общая черта: их второй компонент встречался в первоначальной глаголице только в соответствующих буквенных сочетаниях (по крайней мере в исконно славянских словах, которые составляли подавляющее большинство). К более позднему слою относятся лигатуры, составленные из двух случайно оказавшихся рядом букв. Памятники чешско-моравского извода совсем не знают таких лигатур. Из памятников болгарского извода они в значительном количестве встречаются только в Ассеманиевом ев. В таких лигатурах графический элемент, общий для двух стоящих рядом букв, пишется только один раз, а остальные элементы приписываются к нему справа и слева, напр. **ѢѤ** + **ѢѤ** = **ѢѤѢѤ** и т. п. Лигатуры такого рода, которые были абсолютно чужды первоначальной глаголице, позднее получили очень широкое распространение на хорватской почве, и они очень затрудняют чтение хорватских глаголических рукописей XV или XVI веков.

Не являются лигатурами в собственном смысле слова надстрочные буквы, т. е. написание последующей буквы не справа от предшествующей, а над ней. Это средство экономии места, и оно используется в старославянских памятниках крайне редко (за исключением, может быть, Ассеманиева ев.). Позднее это средство используют чаще и возникают особые надстрочные лигатуры. — Следует особо подчеркнуть, что надстрочны буквы (и соответственно подстрочные лигатуры), т. е. написание последующей буквы под предыдущей, вовсе не встречаются в старославянских глаголических рукописях³¹.

³¹ Поэтому разделяемое многими славистами предположение о том, что буква **Ѣ** является лигатурой **ш** + **Ѣ** абсолютно невозможно (даже

Кириллица

А. Состав алфавита

Первоначальный состав знаков кириллицы сейчас установить труднее, чем исконный состав глаголицы. У нас нет для этого таких надежных источников, как старые алфавитные акrostихи. Числовое значение букв также не позволяет нам сделать никаких выводов, поскольку в кириллице числа могли обозначаться не всеми, а только общими с греческим алфавитом буквами (причем они имели то же числовое значение, что и в греческом).

Единственными источниками поэтому являются памятники. Эти источники, однако, довольно ненадежны и неточны. Состав кириллических букв колеблется от одного памятника к другому, и, поскольку эти памятники не могут быть точно датированы, и во всяком случае относятся к гораздо более позднему времени, чем время появления кириллицы, то ее первоначальный состав мы можем установить лишь предположительно, основываясь на общих рассуждениях.

По всей вероятности первоначальная кириллица состояла из всего греческого маюскульного алфавита, причем греческие числовые знаки **Ϛ** и **Ϙ** использовались без звукового значения (**Ϛ** = 6, **Ϙ** = 90), а буквы **Ϡ**, **ϡ**, **ϣ** писались только в греческих словах (они и произносились по возможности на греческий манер, что, правда, зависело от степени греческой образованности). Числовое значение 900 выражалось последней буквой алфавита, которой была в кириллице буква **Ϟ** (**Λ**).

К греческому алфавиту были добавлены буквы для специфически славянских звуков. Они были получены из соответствующих букв глаголицы в результате их упрощения, выпрямления круглых линий, устранения петель и отчасти путем их поворота. При этом глаголический алфавит уже испытал определенные изменения, которые известны нам по болгарско-старославянским глаголическим рукописям. В част-

если не учитывать, что при этом необъяснимым остается и исчезновение одной нижней петли)

ности **ѣ** после согласных вытеснило исконное **ѣѣ**. Не вызывает никаких сомнений, что глаголические буквы и буквенные сочетания, обозначавшие специфически славянские фонемы, **ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ** (в болгарско-старославянском значении *št*), **ѣ, ѣ, ѣ, ѣѣ** и **ѣѣ** были заимствованы в измененном виде в кириллицу, тогда как буква **ѣ** не была заимствована (очевидно потому, что создатель кириллицы произносил эту букву как *z*). Неясно, было ли заимствовано в первоначальную кириллицу **ѣ**: в самых старых кириллических рукописях оно не встречается, что, правда, не доказывает его отсутствия в первоначальной кириллице. Форма **ѣ**, в которой эта буква появляется в более поздней сербской кириллице, явно возникла из **ѣ**, а не из угловатого хорватского глаголического **ѣѣ**: это указывает на то, что эта буква очень рано была заимствована в кириллицу. В кириллической части Мюнхенского алфавитара глаголическому **ѣ** соответствует уже буква **ѣ**.

Отдельные буквы были изменены следующим образом:

А. Без поворота: **ѣ** = ш, **ѣ** = щ, **ѣ** = ѣ (ч), **ѣ** = ж, **ѣ** = ю.

Написание **ѣ** встречается в надписи царя Соломона 993 г. В этой же надписи есть **ѣ** и **ѣ** (это последнее написание и является обычным в рукописях). Буква **ѣ** в некоторых рукописях пишется как **ѣ** это напоминает о происхождении глаголического **ѣ** из греческого **ѣ** (маюскульное **ѣ**).

В. С поворотом:

а) полностью повернутые: **ѣ** = б, **ѣ** = ц;

б) неполностью перевернутые:

глаголическая праформа	в перевернутом виде	при упрощении
ѣ	ѣ	ѣ
ѣ	ѣ	ѣ
ѣѣ	ѣѣѣѣ	ѣѣ
ѣѣѣѣ	ѣѣѣѣѣѣ	ѣѣѣѣ

Таким образом, левая вертикальная черта у буквы **ѣ** появилась совершенно случайно³². Однако для дальнейшего развития кириллицы эта случайность имела большое значение.

Неясно происхождение кириллического **ѣ**. Оно не может быть выведено из глаголического **Δ**. Верхний крест напоминает глаголическое **⦿** (а), однако нижнюю петлю объяснить невозможно.

Таким образом, первоначальный кириллический алфавит должен был выглядеть так

а	б	в	г	д	е	ж	ѕ, ѓ	з, з	и	і	[⦿³³ (h)]	к	л
<i>a</i>	<i>b</i>	<i>v</i>	<i>g</i>	<i>d</i>	<i>e</i>	<i>ž</i>	<i>dz(z)</i>	<i>z</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>h</i>	<i>k</i>	<i>l</i>
1		2	3	4	5		6	7	8	10		20	30
м	н	о	п	р	с	т	ѳ	ѱ	Ѳ	ѳ	Ѳ	ѳ	Ѳ
<i>m</i>	<i>n</i>	<i>o</i>	<i>p</i>	<i>r</i>	<i>s</i>	<i>t</i>	<i>ü</i>	<i>f</i>	<i>x</i>	<i>o</i>	<i>c</i>	<i>č</i>	<i>č</i>
40	50	70	80	100	200	300	400	500	600	800			
ш	щ	ъ	ь	ѣ	ю	ѡ	ѣ	ѡ	ѡ	ѡ	ѡ	ѡ	ѡ
<i>š</i>	<i>št</i>	<i>ъ</i>	<i>ь</i>	<i>ä</i>	<i>ü</i>	<i>on</i>	<i>ön</i>	<i>en</i>		<i>ks</i>	<i>ps</i>		
							900	9	60	700	90		

сочетание букв **оѳ** = **и**, **ѳы** = **у**

Дальнейшие изменения кириллицы. Глаголический алфавит (в его более позднем виде) различает **Ѳ** после согласной и **ѲѲ** после гласной (соотв. в начале слова). Кириллица сохранила это различие. Таким образом, наряду со знаком **ѡ** (Ѳ) были созданы два знака **ѡ** и **ѡ**. Последний является, очевидно, глаголическим **Δ** (ä), звуковое значение которого было изменено, поскольку эта буква внешне похожа на **ѡ**. Три знака **ѡ**, **ѡ**, **ѡ** по-разному использовались в кириллических рукописях. В Саввиной книге и Зографских листках **ѡ** стоит после гласных, а **ѡ** в начале слога или слова; в Супрасльской рукописи и Слуцкой псалтыри после согласных употребляется **ѡ**, а в остальных случаях **ѡ**; в Хиландарских листках обратная картина: **ѡ** после согласных, в

³² Форма, какую имеет эта буква в Мюнхенском алфавитари, вероятно, результат ошибки писца.

³³ Вместо глаголического **⦿**.

остальных случаях **Ѧ**, в листках Ундольского в начале слова и слога употребляется знак **Ѧ**, возникший, вероятно, по аналогии с **Ѧ**, позднее этот знак **Ѧ** станет наиболее обычным обозначением *jen* (см. с. 44).

Кириллица была создана учеными писцами, которые не различали *z* и *z*. В болгарском государстве существовали, однако, и другие формы старославянского языка, где это различие сохранилось. Для того, чтобы различать на письме *z* и *z* к знаку *z* справа добавили крючок: **z** (для *z*). Этот новый знак для обозначения *z* мы находим в листках Ундольского, Слуцкой Псалтыри, Хиландарских листках и Зографских листках. Только в среднеболгарских рукописях в таком значении начинают употреблять **z** (которое первоначально имело только числовое значение).

Если создание **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ** и **z** в некоторой степени было связано с влиянием глаголицы, то другие новшества шли собственным, совершенно самостоятельным путем.

В прастарославянском не было фонемы *j*, хотя звук *j* безусловно существовал. Сочетание *jä*, *jö* и *jü* после гласных и в начале слова, так же как и сочетания *je*, *ji* после гласных, воспринимались как «само собой разумеющийся способ» произношения *ä*, *ö*, *ü*, *e*, *i* в названных положениях, поскольку соответствующие гласных не встречались без *j* в этих позициях. И поскольку *j* не встречался в других позициях, то он не мог и восприниматься как особая фонема. Говорили *jüže* ‘уже’, *znajön* ‘знаю’, *jätъ* ‘ем’, *toje* ‘мое’, но думали, что говорят *üže*, *znaön*, *ätъ*, *тое*. Правда, в первом болгарском государстве существовали такие диалекты, в которых *j* был самостоятельной фонемой там, где например, в начале некоторых слов стояло *e*, а в начале других *je*, и где после губных в одних словах могли стоять *ä*, *e* (напр., *mädъ* ‘медь’, *medъ* ‘мёд’), в других *jä*, *je* (напр., *zemjä* ‘земля’, *zemje* зват. пад. ‘о земля!’). Носители этих диалектов должны были воспринимать *j* и в таких словах как *jüže*, *znajön*, *jätъ*, *toje* как самостоятельную фонему. Они ощущали необходимость обозначить эту фонему на письме. В кириллице были заложены возможности такого обозначения. Буква **Ѧ** имела вид **І** + **Ѧ**, было воспринято как *j*, и так появились буквы **Ѧ** и **Ѧ**, а позднее и **Ѧ** (в русских церковнославянских памятниках и **Ѧ**). Есть, однако, памятники, которые не знают этого новшества. Буквы **Ѧ** и **Ѧ** были неизвестны в рукописях

листочков Ундольского, Хиландарских листочков и в Македонском листочке (ср. в листочках Ундольского **нѣкова**, **непрнѣзници**, **ѣко**), однако этого нельзя утверждать с уверенностью из-за незначительного объема сохранившихся фрагментов этих памятников. В Саввиной книге есть **га**, однако **ѣ** употребляется еще очень редко. Только Супрасальская рукопись знает и **га**, и **ѣ** и часто их употребляет.

Неразличение *l, r, n* и *ḷ, ṛ, ṇ* было некоторым недостатком глаголицы. Первоначальная кириллица не отличалась в этом смысле от глаголицы. В большинстве самых ранних кириллических рукописей нет особых знаков для *ḷ, ṛ, ṇ*. Только в Супрасальской рукописи палатальность обозначена знаком **^**, который стоит не только над **л̣, р̣, н̣**, но и над **г̣, к̣** (в заимствованных словах). В Хиландарских листочках для *ḷ* используется знак **Л**, который однако используется крайне непоследовательно. Такой же знак встречается и в Остромировом евангелии, а другие русско-церковнославянские памятники используют также **Л, Н**. Поскольку **ѣ**, как было сказано выше, трактовалось как **l + ж**, то очень рано проявилась тенденция использовать **га** после палатальных согласных и тем самым косвенно обозначать их палатальность. В Саввиной книге *ṛä* последовательно обозначено как **нга**, тогда как *ḷä* нередко обозначено двусмысленным **лѣ**, а *ṛä* в рукописной школе Саввиной книги было вообще неизвестно. В Супрасальской рукописи после **л̣, р̣, н̣** буквы **ѣ** и **га** употребляются бессистемно. Лишь позднее сочетания *ḷä, ṛä, ṇä* начинают последовательно обозначать как **лга, рга, нга**, сочетания *le, re, ne* как **лк, рк, нк**, а *len, ren, nen* как **лѣ, рѣ, нѣ**.

Лигатуры употребляются в кириллических памятниках так же редко, как и в глаголических. В глаголических рукописях используются только лигатуры **Ѣ, ЭЕ, ФЕ, ЗЕ**, в кириллических **Ѹ** (из **Ѹ**) наряду с **оу** — единственные часто употребляемые лигатуры (обычно в конце строки), а кириллические **ж, ѣ**, как было показано выше, развились из повернутых и упрощенных глаголических лигатур **Ѣ, ФЕ**.

И, наконец, в обозначении чисел также было сделано одно изменение. Вместо **С** (**кѡлла**), которая еще встречается в Изборнике Святослава 1073 г., числовое значение 90 получило внешне похожее на него **У**.

В. Диакритические знаки и пунктуация

Знаки придыхания

Как известно, в греческом над любой гласной буквой начала слова стоит знак придыхания (πνεῦμα) — либо знак густого придыхания «аспер» (δασεῖον), либо знак тонкого придыхания «ленис» (ψιλόν). В IX веке эти знаки не имели уже никакого звукового значения. Поскольку во всех старославянских памятниках также есть знаки придыхания над гласными начала слова, возникает вопрос, не существовали ли они уже в системе письма, созданной Константином-Кириллом. Против такого предположения свидетельствует то обстоятельство, что форма обоих знаков придыхания различна в различных рукописях. В Киевских листках густое придыхание обозначается знаком † , а тонкое придыхание знаком ‡ , при этом ‡ стоит над *a* и *e*, а † над *o*, *i* и *ä*. Форма этих знаков в точности соответствует форме πνεύματα греческих рукописей более раннего времени. Однако в Синайской евхологии и в Синайской псалтыри густое придыхание имеет вид ‘ , как в более поздних греческих рукописях, а тонкое придыхание обозначено, вероятно, знаком ^ . В Ассеманиевом ев. и Зографском кодексе для обозначения густого придыхания также используют соответствующий позднегреческий знак, а тонкое придыхание обозначают дужкой (ЗОГР) или знаком грависа, который часто редуцируется до простой точки (АСС). Таким образом, представляется, что знаки придыхания в Киевских листках не связаны прямо со знаками придыхания болгарских старославянских памятников. Вряд ли можно предположить, что знаки † и ‡ в старославянском подверглись точно таким же изменениям, как и в греческом. Дело в том, что писцы различных старославянских памятников в изображении знаков придыхания старались подражать известным им греческим рукописям, при этом греческие образцы в школе писцов Киевских листков были старше, чем греческие образцы школы писцов первого болгарского царства. Не было единообразия и в использовании знаков придыхания. В Киевских листках они стоят только в начале слова; в Зографском кодексе, Синайской псалтыри и евхологии они встречаются не только в начале слова, но и внутри слова при сочетании двух гласных букв, а в Ассеманиевом ев. они используются бессистемно в любом положении.

«Акценты» Киевских листков

Кроме двух знаков придыхания в Киевских листках встречаются еще четыре диакритических знака, три из которых имеют вид греческих акцентов (акут, гравис, циркумфлекс), и четвертый выглядит как дуга с изгибом вниз.

Исследователи по-разному определяют значение этих знаков: Вондрак (которого недавно поддерживал Трейджер) считал их показателями ударения и количества. Фортунатов, Сиверс, Вайнгарт пытались увидеть в них *неумы* (зачаточные музыкальные ноты). Грунский трактовал как показатель ударения только акут, считая при этом, что он был добавлен в рукопись позже. Против трактовки этих знаков как *неумов* может свидетельствовать то обстоятельство, что при такой трактовке трудно объяснить регулярность появления знаков над определенными словами и формами: почему слово *esi* ‘ты есть’ семь раз употреблено с акцентом на первом слоге и никогда не имеет других *неумов*? Почему над *ь* род. пад. мн. ч. всегда стоит циркумфлекс? Точка зрения Вондрека может быть принята только с оговоркой, а механическим методом Г. Д. Трейджера эту проблему вообще не решить. Следует рассматривать функции отдельных знаков более подробно³⁴.

³⁴ V. Vondrák. O původu Kij. listů a Pražských zlomků (Praha 1904); G. L. Trager, The Old Church Slavonic Kiev Fragment (Language Monographs, N. XIII, 1933). Точка зрения Фортунатова изложена Грунским (Памятники, с. 571); E. Sievers, Die altslav. Verstexte von Kiew und Freising (Leipzig 1925); W. Weingart in ByzSl V, 1933/4, 463 f. (рецензия на работу Трейджера); Н. К. Грунский. Памятники и вопросы др.-славян. письменности 1 (Юрьев, 1904) и его замечания о диакритических знаках в ЗОГР в: К Зографскому евангелию, Сборник 83, 3 (1907), с. 10 и сл.; С. Кульбакин. Известия 1905/4 и Журнал 1906/3. Рецензия на работы Вондарека и Грунского; R. Nahtigal, Razprave (Znanstveno društvo za human. vede) I, 1923, 156 и сл., II, 1925, 239 и сл.; R. Jakobson. Slovo a Slovosnost, I, 1935, 51 a; далее E. Koschmieder, “Die ekphonetische Notation in ksl. Denkmälern” in: Südost.-Forschungen 5, 1940. S. 22–32. (Сюда же рецензия J. K. в L. F. 69, 1942, 74–76).

Гравис в Киевских листках во всяком случае не является знаком ударения. Он стоит, как уже правильно отметил Грунский, главным образом на односложных словах, обозначение ударения у которых совершенно излишне (*сь* 1 раз, *то* 1 раз, *ну* 17 раз, *тен* 1 раз, *да* 6 раз, *и* 4 раза, *нь* 1 раз — всего 31 раз, и только 5 раз на многосложных словах, т. е. 86 % на односложных словах). Это наблюдение можно дополнить тем, что все эти обозначенные грависом односложные слова являются либо энклитиками (как *тен*, *ну* и *сь* в *дарь сь*), проклитиками (как *да*, *и*, *нь*), либо безударными словами (как *то* в *äko balystvo estь to života väčьnago*). Из пяти многосложных слов, имеющих гравис на последнем слоге, у четырех этот слог безударен (*marii*, *napьneni*, *čьstencè*, *nebesьscäi*). Только в слове *utvrьdi* конечный слог ударен — однако кажется, что в данном случае мы имеем дело с ошибкой писца, поскольку это слово стояло непосредственно перед энклитическим *ну*, также имевшим гравис.

Таким образом, гравис в Киевских листках следует считать показателем безударного конечного (или единственного) слога.

Напротив, акут имеет две различные функции: а) либо обозначает ударение, б) либо стоит над первой из двух гласных букв для того, чтобы показать, что данная гласная не подвержена стяжению (в ЗОГР, СинМол и СинПС в этой функции используется знак придыхания над второй буквой).

а) В подавляющем большинстве случаев место акута соответствует месту ударения, которое можно установить по достоверным данным современных славянских языков. В тех случаях, когда акут стоит в неожиданном месте, речь идет либо об архаичном типе ударения (*oč'iščeniä*, *сьpäseniä* безусловно верно по сравнению с поздне-церковнославянскими **очищѣние**, **спасѣние**, поскольку абстрактные существительные на *-ije* первоначально ориентировались на причастия, от которых они были образованы, а эти причастия и сегодня звучат как русск. *oč'iščen*, сербохорв. *späsen*; начальное ударение во *vьsen* подтверждается не только более поздними акцентуированными старославянскими текстами, но и русск. *vdise*, хотя ударение в *tälese* противоречит конечному ударению всех слогов падежа на *-es* в традиционном русско-церковнославянском, однако оно является исконным, как показывает словенский язык —

единственный славянский язык, который сохранил окончание -s как продуктивную морфологическую категорию, тогда как русско-церковнославянское ударение вызвано влиянием формы им. пад. множ. числа, которая действительно имела конечное ударение); либо речь идет о формах, которые имели разное ударение в разных диалектах праславянского (*tébe, tébä* ~ русск. *tebè, tebjà*, но болг. *tèbe*, сюда же относится, вероятно, и *naslädováti* ~ русск. *naslèdovat*). Только в двух случаях объяснение менее очевидно и не столь просто: встречающееся семь раз *ési* противоречит как традиционному ударению более позднего церковнославянского, так и данным живых славянских языков, однако теоретически оно вполне вероятно, если считать его продолжением индоевропейского ударения на корне (ср. др.-инд. *ási*) или новообразованием по аналогии с имевшими ударение на корне формами **ésmь, *éstь* (ср. полабское *jis*). Один раз встречающиеся формы *dóstoiini, dóstoiny* противоречат позднецерковнослав. (русск.) **достóини** и вообще всем подобным образованиям (т. е. прилагательным типа «приставка + глагольный корень + -ьн-»). Эти формы могут быть объяснены только с привлечением очень сложных построений. В целом, те случаи, когда акут в Киевских листках стоит не там, где его следует ожидать, очень редки: они составляют около 10% употребления акута и около 6% отмеченных акутом слов.

b) Особо следует рассмотреть группу случаев, где акут обозначает отсутствие стяжения двух гласных: *sъdravíe, sьpáseníe, razdräšéníe, upъvaníe, izbavleniä, (da)rovaníen, očíščeníä, izdräšeniä, mončeniä, obäcäniä, vьlitíä, väčьnáä, silóön*, может быть *tvóä, tvóen, svóön* (хотя в данном случае возможно и иное толкование: Кульбакин сравнивает эти написания с русским произношением *po-tvóetu, po-svóetu*, существующему наряду с обычным *tvoemú, svoemú*), *tvoéön* (ср. однако русск. *tvojéju*). Такие написания как *očíščeníä* показывают, что в данном случае речь действительно идет о двух различных функциях акута. — Следы использования акута не для обозначения ударения над первой из двух соседних гласных букв можно найти и в более поздних акцентуированных старославянских памятниках. Исторически такое использование акута объясняется тем, что в греческом старые дифтонги (большинство из которых в IX веке произносились как монофтонги) всегда имели знак ударения на втором компоненте,

а в двусложных сочетаниях гласных акцент мог стоять и на первом, и на втором компоненте. Отсюда можно легко заключить, что использование знака акцента над первым компонентом последовательности из двух гласных букв служило для обозначения двусложного произношения этого буквенного сочетания.

Дужка концами вверх (ˇ) была совершенно верно интерпретирована В. Вондраком как показатель долготы. В подавляющем большинстве случаев употребления этого знака речь идет о корнях или формах, в которых долгота представлена либо и в чешском и в сербохорватском (как в *xvālon*, *utēnže*, *zaščīti*, *xodataēnciū*, *čъstьnāgo*, *vāčьnāть*, *tuzīть*, *vúšnīmi*, *protivencīхъ*, *тьтьнūхъ*, *tāmь*, *sīmь* 2 раза, *īmьže* 2 раза, *čъstīm* 2 раза, *mončēnīka*, *zakonьnīka*, *prosīmь* 3 раза, *nosīmь*, *molīmь*, *sōntь*, *namāstьnīkь*, *naslādнīkь*), либо только в одном из этих языков (как в *sāmь*, *vъzdrāstetь*, *plāнь*, *prīсно*, *svēntьi*) и поэтому ее следует предположить и для праславянского³⁵. В *prīmī* в Киевских листках наряду со стяженной формой с долготой есть и нестяженная форма без знака долготы (*priimi*). Для *tākyže*, *rodāsь* следует также предположить исконную долготу. Что касается союза *ī*, который в пяти случаях имеет знак ˇ, то в данном случае следует предположить, вероятно, ошибочное написание *ī* вместо *i* со знаком грависа (такое написание встречается четыре раза). В слове *īkonosti* по Грунскому (с. 21) знак ˇ употреблен ошибочно вместо знака придыхания. Описками (ˇ вместо ´ или ^) также следует считать и написания слов *očiščenīe*, *vъsemogūi*, *nebesьskūen*, *vъžlūblenūen*, поскольку, с одной стороны, соответствующие слоги безусловно были краткими, а с другой стороны, в Киевских листах есть многочисленные параллельные формы с другими знаками (сравни с формой *očiščenīe* 11 приведенных форм абстрактных существительных на *-ie* с акутом над *i*, в частности особенно *očiščenīä*, а с формой *vъsemogūi* представленное четыре раза *vъsemogūi*, и 12 других случаев на *-ūi*; с *nebesьskūen*, *vъžlūblenūen*

³⁵ Как замечает Кульбакин, для *služьbu* также следует предположить, исконную долготу, хотя сербохорватская форма имеет краткий гласный.

шесть случаев с *-ûen*). Таким образом, в 29 словах (32 случая) знак *ˇ* правильно употреблен для обозначения долготы, и только в 5 словах (9 случаев) можно предположить ошибочное его употребление, что соответствует не более 15%.

Труднее всего определить функцию *ц и р к у м ф л е к с а*. Представляется, что в некоторых случаях он выполняет функцию грависа, т. е. обозначает безударность конечного слога. Так, вероятно, следует понимать примеры с циркумфлексом над конечным *-en*: *mariên*, *mončeničên*, *bčên*, *picên*, *(da)rovaniên*, *blaženyên*, *tvoeên* (3 раза), *prädragyên* (гравис над *en* встречается только один раз, причем только в односложном *tèn*). Над конечным *y* (*ѣѢ*) циркумфлекс употреблен для обозначения того, что *ѣ* относится к этому же слову, а не начинает новое слово (*felicityû*, *prisnodävû*, *silyû*, *pričenstynû*, *gräxû* (2 раза), *tälesû*), такая же функция и у циркумфлекса над *ь* (*ѣФ*), которое всегда пишется с циркумфлексом (*milostivyî*, *prinesenyî* (4 раза), *sventyî*, *svēntyî*, *väčьnyî* (5 раз), *vьsemogyî* (4 раза), *vьsemogyî*). Такую же функцию циркумфлекс выполняет и в слове *zapovädьî*, во множественном числе падежей составного склонения (род. мн. *blaženъxъ*, *čistyъxъ*, *nebesьskъxъ* (3 раза), *pravьdьnyъxъ*, *sventyъxъ* (6 раз), *präpodobьnyъxъ*; дат. мн. *roganьskъmi*, *sventyъmi*), где таким образом избегается чтение типа *blaženъ ихъ*³⁶. Такое употребление циркумфлекса перенесено и на другие падежи сложного склонения с *y* (*nebesьskъen* (2 раза) наряду с *blaženyên*, *prädragyên*, а также компромиссное образование *blaženyên*). Написание такого типа оказали влияние и на отдельные написания типа *blaženûmi*, *vьsäxъ* и *sventäi* (наряду с *nebesьscäi*). — В слове *radî* (9 раз) циркумфлекс выполняют функцию грависа. Поэтому неудивительно, что гравис и циркумфлекс встречаются в не одинаково звучащих словах. В слове *ny* мы имеем дело именно с таким случаем: 17 раз оно написано с грависом, 4 раза с циркумфлексом. Различие в значении в данном случае не обозначено: как *ny*, так и *ny* может быть и им. пад. (*ny* 3 раза, *ny* 1 раз) и вин. пад. (*ny* 14 раз, *ny* 3 раза). Однако естественно было использовать знак циркумфлекса и для обозначений различий в значении. Так обстоит дело в форме мн. числа род. пад.

³⁶ Возможно и *тътъnyъxъ* является опiskой вместо *тътnyъxъ*.

двойного склонения, где окончание -ъ всегда имеет циркумфлекс (20 случаев); тогда как над -ъ в окончании ед. числа им. пад. того же склонения никогда нет никаких диакритических знаков. В этом можно видеть влияние греческой графики: род. пад. мн. числа и вин. пад. ед. числа склонения на -о оба оканчиваются в греческом на -ον; на письме эти падежи различались, во-первых, тем, что в род. мн. писалось -ων, а в вин. пад. ед. числа -ον, а во-вторых, тем, что под ударением род. мн. имел циркумфлекс, а вин. ед. гравис. Поскольку в славянском существовала только одна буква для ъ, то род. ед. и вин. мн. можно было отличать только знаком акцента, причем род. мн. по греческому образцу имел знак циркумфлекса³⁷.

Остается только несколько слов, где у циркумфлекса очевидно имеется функция акута и он является знаком ударения: *prīmî, primî, priimî, prъzъrî, bōndî, bōndemъ*. Поскольку акут никогда не стоит над *он*, понятна его замена на циркумфлекс в словах *bōndî, bōNdemъ*. Загадочными остаются, однако, четыре императива на *î*, так как в других случаях в императивах стоит *î* (иногда в тех же самых словах: *prizъrî*).

Если подытожить все, что было сказано о циркумфлексе, то можно, вероятно, сказать, что за исключением форм род. мн., где циркумфлекс выполняет чисто диакритическую функцию, роль циркумфлекса в Киевских листках состоит в том, чтобы указать на связь двух букв. Яснее всего эта основная функция циркумфлекса проявляется у буквенных сочетаний с

³⁷ Предположение Вондрака, что ъ в род. мн. в отличие от ъ в им.-вин. ед. ч. муж. рода было долгим, естественно, неверно. Если и существовало просодическое различие между род. мн. и им.-вин. ед., то оно было не в окончании ъ, а в предшествующем слоге: таким образом первый слог слова *vlasъ* в им. пад. ед. ч. должен был быть долгим с нисходящей интонацией, а в род. мн. долгим с восходящей интонацией, первый слог слова *bogъ* в им. ед. долгим с нисходящей интонацией, а в род. мн. кратким с восходящей интонацией, первый слог слова *trazъ*, напротив, должен был быть в им. пад. ед. ч. кратким с восходящей интонацией, а в род. мн. долгим с нисходящей интонацией.

монофтонгической значимостью (таких как *эз у*, *эз и*) как в конечных слогах, так и в неконечных слогах окончаний (напр., в падежных окончаниях на *-ûxъ*, *-ûть*, *-ûти*, *-ûти*). В сочетаниях *ьi*, *ьi* в конечных слогах используется только циркумфлекс: хотя в данном случае то же самое могло быть выражено грависом над буквой *i*. Циркумфлекс был здесь все же более однозначен, так как *i* с грависом могло быть понято и как односложный союз (в таких случаях как *parъneni*, где *i* стояло после согласной, эта опасность была не столь велика). Однако в некоторых случаях должно было все же иметь место соперничество между циркумфлексом и грависом, что и проявилось в сосуществовании форм *ny* || *ny*, *nebesъscäi* || *sventäi*. К основной функции грависа относятся и те случаи, когда циркумфлекс регулярно употребляется в значении акута и грависа: внутри слова ударение обозначается циркумфлексом над *on* и акутом над другими гласными, в многосложных словах циркумфлексом над *y*, *en* и грависом над другими гласными обозначена безударность последнего слога. Для обозначения отсутствия стяжения с последующей гласной над *a*, *o*, *e*, *i* ставится акут (напр., *väčьnáä*, *silóön*, *očiščenjá*), а над *y* циркумфлекс (*nebesъskýen*). Там, где регулярно обозначено различие, циркумфлекс стоит над сочетанием букв (*en*, *on*, *y*), акут и гравис над отдельными буквами, что соответствует форме данных акцентных знаков. Над конечным *-i* как гравис и циркумфлекс, так и циркумфлекс и акут употребляются беспорядочно, при этом, однако, кажется, что циркумфлекс ставится чаще. — Как описки следует трактовать: *vъsăxъ* (наряду с трижды встречаемым *vъsăxъ* и один раз представленным *vъsăxъ*) и *vъsă*.

Таким образом, функции знаков акцентов в Киевских листках могут быть определены следующим образом:

1. Гравис обозначает безударность конечного слога.
2. Акут обозначает а) ударение, б) отсутствие стяжения гласного с последующим согласным (т. е. свидетельствует о том, что последующая гласная относится к тому же слову, но не к тому же слогу)
3. Циркумфлекс а) обозначает слияние двух букв в одном слоге или в одном слове, в таком качестве он выполняет функцию грависа над *en* и *y* в конечном слоге, а в середине слова первую функцию акута над *on* и его вторую функцию над

у; б) является знаком, позволяющим различать одинаково звучащие окончания родит. пад. мн. числа и именит. пад. ед. числа муж. рода сложного склонения.

4. Перевернутая дужка обозначает долготу.

Если мы сравним систему этих знаков с греческой системой, то заметим, что только первым трем знакам (гравис, акут, циркумфлекс) можно найти греческие соответствия. Гравис, который имел чисто графическое значение в греческих односложных словах, мог легко быть принят за обозначение безударного конечного слога. Употребление акута как знака ударения полностью соответствует его использованию в греческом. Вторую функцию акута также можно вывести из греческого. Как известно, в греческом знак акцента всегда стоял на втором компоненте старых дифтонгов (большинство из которых в IX веке произносилось как монофтонги), в то время как в двусложных сочетаниях гласных знак акцента мог быть и на первом, и на втором компоненте. Иными словами, знак акцента над второй буквой сочетания согласных был двусмысленным, поскольку был возможен и при односложном, и при двусложном произношении, тогда как знак акцента над первой гласной буквой сочетания всегда предполагал двусложное произношение. Отсюда легко было прийти к мысли об использовании акута над первой буквой сочетания гласных для обозначения двусложного сочетания (независимо от места ударения). Что касается циркумфлекса, то его вторую функцию можно объяснить только греческими образцами. Так же как в Киевских листках греческий циркумфлекс мог стоять только на последнем или предпоследнем слоге и употреблялся главным образом на *ou*, *ei*, *φ*, *η* и на других дифтонгах.

Выборочный статистический подсчет (начало Евангелия от Марка) показывает циркумфлекс примерно в $\frac{2}{3}$ случаях на дифтонгах, из остальных 33% около 11% приходится на окончание генитива. Напротив, греческий акут и гравис очень редки на дифтонгах (за исключением дифтонга *αι*): наша выборочная проба показала, что из 100 дифтонгов, (включая *φ*, *η*, *α*), 35 приходится на *αι* с акутом или грависом (из них 29 слов *καί*), 10 на другие дифтонги с акутом или грависом и 55 на дифтонги с циркумфлексом. Таким образом, можно сказать, что употребление циркумфлекса в Киевских листках соответствует его употреблению в греческой письменности.

Если использование грависа, акута или циркумфлекса в Киевских листках может быть объяснено их употреблением в греческом, то четвертый знак (перевернутый циркумфлекс) не имеет греческого соответствия, поскольку в греческом в IX в. не было свободного количества, следовательно этот знак должен был быть создан специально для старославянского.

Система из четырех диакритических знаков имеет те же черты, что и вся глаголица в целом: она существует в рамках греческого графического мышления, однако не рабски ей подражает, а учитывает особенности славянской фонологической системы (свободное количество!), отсутствовавшие в греческом. Поэтому введение системы из четырех диакритических знаков следует приписать либо самому Константину-Кириллу, либо одному из его соратников (также имевшему греческое образование). Причина того, что Киевские листки являются единственными памятниками, сохранившими эту систему, кроется в том, что она не подходила для передачи всех просодических особенностей старославянского и поэтому скоро должна была быть забыта. На чешской почве старая традиция сохранилась лучше, вероятно, потому, что здесь это имело больший смысл: нужно было указать чехам, потерявшим старое свободное ударение и имевшим количественную систему сильно отличающуюся от южнославянской, правильное ударение и количество у старославянских слов и предостеречь от стяженного и односложного произношения некоторых фонемных последовательностей.

Однако следы старой системы можно найти и в старославянских, и в более поздних церковнославянских рукописях. В Македонском глаголическом листке циркумфлекс стоит на *у* в падежах сложного склонения (*plъtъskŭmi*, *sonďnyŭ*). Регулярную постановку циркумфлекса над слово- и слогоначальными *en*, *ön*, *и* (к которым присоединяется и *ii*) в евхологии также можно рассматривать как косвенное указание на его старую функцию. В Мариинском ев. циркумфлекс часто стоит над слово- и соответственно слогоначальным *ön*, в Супрасальской рукописи над *ю*, *ѣ*, *оу*. Таким образом объединяются старые функции циркумфлексов и придыхания. В Бухарестской (сербскоцерковнославянской) псалтыри XIV века долгота обозначена знаком \sim (Грунський, 54). Все это —

случайные остатки первоначальной системы, которая в своем исконном виде дошла до нас в Киевских листках <29>.

Знаки палатализации

Большим недостатком обоих старославянских алфавитов было неразличение дентальных и палатальных сонорных <30>. Некоторые школы писцов первого болгарского государства пытались устранить этот недостаток, используя диакритические знаки. Наиболее последовательно они используются в Зографском кодексе (глагол.) и в Супрасальской рукописи (кирилл.). Остатки такого обозначения есть и в Мариинском ев. (глагол.). Диакритический знак, указывающий на палатальную артикуляцию плавного и носового в Зографском кодексе выглядит как маленькая дуга, обращенная то вверх, то вниз (т. е. \sim или \wedge), в Супрасальской рукописи только как дуга, обращенная вниз (\wedge). При этом этот знак во всех имеющих его памятниках ставится не прямо над соответствующей согласной буквой, а между ней и последующей гласной буквой (напр.: **зѣмѣта** и т. п.). Это обстоятельство, а также форма знака палатализации напоминают циркумфлекс Киевских листков. И вряд ли случайно, что именно в Супрасальской рукописи этот же знак стоит над слогона начальными **ю**, **ѣ**, **оу** (в СИНМОЛ над **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ**), т. е. как раз над теми гласными буквами, которые исконно предпочитали циркумфлекс. Поэтому можно предположить, что знак палатализации восходит к циркумфлексу. Поскольку исконная функция циркумфлекса (в отличие от функции акута) была менее ясной, этот знак мог легче всего начать употребляться с новыми целями, и поэтому, когда возникала мысль обозначить палатализацию диакритическим знаком, прибегали к циркумфлексу.

В обоих известных нам памятниках с последовательным использованием знака палатализации (ЗОГР и СУПР) он стоит не только над сонорными (**ѣ** н, **ѣ** л, **ѣ** р), но и гуттуральными (ЗОГР **ѣ**, **ѣ**, СУПР к, г, х), когда они оказываются перед передними гласными (в заимствованных словах).

В ЗОГР буква **ѣ** (*t*) в заимствованных словах часто имеет диакритический знак в том случае, когда эта буква передает греческое θ . Подобный же знак иногда встречается и у **ѣ** (*φ*). Трудно определить, идентичен ли этот знак по своей форме

знаку палатализации, поскольку форма диакритических знаков в ЗОГР очень мало стабильна. Во всяком случае функция диакритического знака над **Ѣ** и над **Ѥ** должна быть иной: он обозначал не палатальность, а особое произношение греческих **ϝ** и **ϕ** в устах образованных славян.

С. Средства графического выделения и экономии места

Многие системы письма обладают особыми графическими средствами для выделения слова, которое должно как-то отличаться от других слов. В современных европейских системах письма эта функция осуществляется, прежде всего, «большими начальными буквами» (которые отличаются от «маленьких» букв не только величиной, но и формой). Таким образом, во всех современных европейских системах письма выделяются начальные буквы главы, начало предложения после синтаксической паузы, обозначенной точкой, личные имена, топонимы и имена таких созданий и вещей, которые должны произноситься с особым почтением. Кроме того, в каждой европейской системе письма есть еще особые случаи, которые требуют тех же средств графического выделения (во франц. и англ. это название народов, в англ. местоимение первого лица ед. числа, в русском местоимение второго лица, в немецком все существительные и т. д.). В IX веке существовали другие категории и другие средства графического выделения. Старославянская система письма опиралась в этом отношении на греческие образцы.

Начало предложения после синтаксической паузы никак графически не обозначалось. Большие буквы в ст.-сл. (также как и в греческом того времени) указывали только начало главы или абзаца, при этом начальные буквы абзаца были меньше чем начальные буквы главы. Все эти большие буквы были в основном такой же формы что и нормальные маленькие буквы и отличались от них только величиной и цветом: обычно они писались киноварью. Кроме того, буквы в начале главы были украшены орнаментом.

Это последнее обстоятельство следует особо иметь в виду. Украшение начальной буквы главы орнаментом выполняло не чисто эстетическую функцию: оно было обязательным графическим признаком начала главы и поэтому использовалось и в

не очень тщательно написанных рукописях. Тем самым существовало значительное различие по сравнению с современным европейским графическим мышлением: в то время как современный европеец обращает внимание не только на размер, но и на форму начальной буквы и привык видеть одинаковые буквы как в начале главы, так и в начале абзаца, и даже в начале предложения, для умеющего читать и писать славянина IX–XII вв. (так же как и для его греческого современника) важными были только размер и цвет начальной буквы, при этом среди «больших красных букв» отличались два подвида, один с орнаментом — символ начала главы, другой без орнамента — символ начала абзаца, тогда как обычное начало предложения не обозначалось особыми буквами³⁸.

Кроме первого слова абзаца все остальные слова этого абзаца начинались с нормальных (т. е. маленьких и черных) букв. Названия народов, мест и имена собственные не выделялись ни начальной буквой, ни какими-нибудь другим графическим способом. Однако те слова, которые обозначали религиозные понятия, и с которыми надо было обходиться с особым благоговением получали графическое выделение. Такое выделение заключалось, однако, не в большой начальной букве, а в опущении одной или нескольких букв в середине слова и в написании особого знака («знака выделения») над соответствующим словом. Этот способ выделения сакральных слов (который кажется совершенно чуждым современному европейскому графическому мышлению) был заимствован из греческой графической системы <31>, которая в свою очередь заимствовала его из еврейской графической системы. Эта особенность была характерна и для средневекового латинского письма, причем также благодаря греческому влиянию. В греческих рукописях IX–XII веков только 15 сакральных слов (со всеми производными от них словами и сложными словами) графически выделялись сокращением или пропуском букв: θεός (ϑς) ‘бог’, κύριος (κς) ‘Господь’, πνεῦμα (πνα или πμα) ‘дух’,

³⁸ Особый подвид образуют буквы в заглавиях. Они отличаются от букв текста как цветом, так и своей удлиненной формой (вертикальные линии должны быть намного длиннее горизонтальных).

οὐρανός (οὐννος) ‘небо’, Ἰησοῦς (ις) ‘Иисус’, Χριστός (χς) ‘Христос’, Δαυεῖδ (δαδ) ‘Давид’, Ἰσραήλ ‘Израиль’, Ἱερουσαλήμ ‘Иерусалим’, σωτήρ ‘спаситель’, πατήρ ‘отец’, μήτηρ ‘мать’, υἱός (υς) ‘сын’, σταυρός ‘крест’, ἄνθρωπος ‘человек’, к которым иногда присоединялся βασιλεύς ‘король, император’. В старославянском соответствующие слова *bogъ, gospodъ* (соотв. *gospodinъ*), *isusъ, xristъ, sъpasъ, duxъ* (и *dušä*), *davidъ, izdrailъ, ierusalimъ, nebo, otъsъ, mati, synъ, človäkъ, krъstъ, cäsarъ* тоже выделяются пропуском букв. Соответствия с греческим заходят довольно далеко. Так, например, пропуски букв в словах μήτηρ и σταυρός в греческом не обязательны, а факультативны, и точно также в древнецерковнославянских памятниках *krъstъ* очень часто пишется без сокращений, а *mati* в МАР всегда пишется в полной форме. В то время как в сложных словах обычно сокращается только «сакральная часть» (напр. Θεολόγος вместо Θεολόγος), в греческом слове Θεοτόκος ‘богоматерь’ опускаются буквы в обеих частях (Θκος). Соответственно и в старославянских памятниках *bogorodica* становится *bca*. Слова *isusъ* и *xristъ* в ст.-сл. памятниках пишутся часто также как в греческом, *is̄, xs̄* (ср. написания $\overline{\text{IHC}}$ и $\overline{\text{XPC}}$ в латинских рукописях IX века); при этом, правда, встречаются и соответствующие славянской морфологии формы *is̄ъ, xrъъ*, которые во многих случаях преобладают. Чем архаичнее графика ст.-сл. памятника, тем больше внешнего сходства пропусков отдельных букв с соответствующими греческими пропусками букв. Количество сохраненных букв не должно было быть меньше двух. Вначале стремились к тому, чтобы сохранить столько же букв, сколько было в греческом сокращенном слове: напр., *bъ* — $\overline{\text{ϑς}}$, *gъ* — $\overline{\text{κς}}$, *dxъ* — $\overline{\text{πνα}}$ и т. д. Со временем количество букв увеличилось (*бгъ, гдъ* и т. д.). Однако было бы неверным думать, что при выделении путем пропуска букв ст.-сл. система письма ориентировалась только на греческие образцы. Кроме 16 слов, которые сокращались таким образом и в греческом, и в ст.-сл. (и из них в μήτηρ — *mati* и σταυρός — *krъstъ*, как было сказано раньше, такие сокращения были факультативными), в болгарско-церковнославянских памятниках есть еще шесть других слов, которые систематически выделяются путем опущения букв, а именно: *sventъ* ‘святой’, *crъky* (соотв. *crъky*) ‘церковь’ (слово, которое пишется полностью только в ЗОГР), *anъhelъ* ‘ангел’ (соотв. *arxanъhelъ* ‘архангел’), *evanъhelie*

‘евангелие’, *blagosloviti* ‘благословить’, *glagolъ* ‘слово’. Кроме того, есть еще восемь других слов, которые в некоторых ст.-сл. памятниках систематически выделяются пропуском букв, а в некоторых других памятниках они выделяются либо спорадически, либо совсем не выделяются: *srъdьce* ‘сердце’ (факультативно в ЗОГР и КЛОЦ в других рукописях систематически), *vladьka* ‘владыка’, *δεσπότης* (в ЗОГР и КЛОЦ совсем не выделяются, в СИНПС факультативно, в остальных рукописях систематически), *prorokъ* ‘пророк’ (так же как и в предыдущем случае), *milostъ* ‘милость’ (только в СИНМОЛ), *molitva* ‘молитва’ (так же), *popъ* ‘поп’ (так же), *mončenikъ* ‘мученик’ (в СИНМОЛ и АСС систематически, в КЛОЦ факультативно), *episkupъ* ‘епископ’ (только в АСС и СУПР), *enzukъ* ‘язык’ (только в МАР и СИНПС, причем факультативно). Тем самым ст.-сл. письменность и в этом вопросе, восприняв греческие основы, использовала их в дальнейшем довольно самостоятельно.

Следует особо подчеркнуть, что выделение путем опущения букв происходило только тогда, когда у соответствующего слова было сакральное значение. Таким образом, слово *bogъ* только тогда писалось с опущением букв, когда имелся в виду «истинный», «христианский» бог, слово *otъcъ* только тогда, когда имелся в виду небесный отец, а слово *synъ* писалось только тогда, когда оно обозначало сына бога и т. п. <32>. Во всех остальных случаях эти слова должны были писаться в полной форме. В наших памятниках встречаются случаи, когда это правило соблюдается. Так в Ин. 10. 34, 35 как в ЗОГР, так и в МАР во фразе *äko azъ räxъ bozi este, ašte onъ reče bogu* используется несокращенная форма *bogъ*, в то время как в других случаях в этих памятниках имя бога всегда выделяется опущением букв. В МАР, где обычно имя бога выделено опущением букв, в Мф. 24. 24 и Мк. 13. 22 в *lъži xръsti* употреблена несокращенная форма, поскольку здесь речь идет не об истинном, а о фальшивом Христе. Однако такие случаи редки. Большинство писцов болгарско-ст.-сл. памятников не следуют этому правилу и пишут вышеназванные 22 (и соотв. 30) слова всегда с опущением букв, не обращая внимания на смысл. С другой стороны, СУПР — это та рукопись, в которой все сакральные слова (даже самые из них святые, такие как *bogъ*) пишутся без учета их значения и контекста, по-видимому, абсолютно произвольно, то с опущением букв, то без него, что

вместе с общей небрежностью орфографии этого памятника свидетельствует о недостаточной образованности и интеллигентности писца.

Если для болгарского извода ст-сл. объем выделения путем опущения букв можно установить довольно легко, то в отношении праст-сл. Это сделать гораздо труднее. КиЛи — этот единственный памятник моравского извода ст-сл. — при использовании опущения букв при выделении очень отличаются от всех остальных памятников, поскольку они используют это средство выделения только в словах *bogъ* (соотв. *bogorodica*), *gospodъ*, *isusъ* и *xristъ*, т. е. только в том случае, когда речь идет о действительных именах бога. Слова *duxъ*, *nebo*, *otъsъ*, *synъ*, *človäkъ*, *sventъ*, *cirъky*, *anhelъ*, *cäsarъ* и все производные от этих слов здесь всегда пишутся полностью. Вряд ли следует предполагать, что такое состояние было всеобщим в праст.-сл., поскольку в греческом письме опущение букв в словах было канонизировано очень рано, а те греческие рукописи, в которых знак сокращения стоит только над $\overline{\theta\varsigma}$, $\overline{\kappa\varsigma}$, $\overline{\iota\varsigma}$, $\overline{\chi\varsigma}$ и в которых все остальные сакральные слова пишут полностью, известны только в IV веке.

Загадочное особое положение КиЛи при опущении букв Г. Чремошник (которому мы обязаны превосходным исследованием ст-сл. опущения букв при выделении в *Slavia IV*, 1925/1926) попытался объяснить предположением, что источником этого памятника был старый латинский миссал V или VI века, который славянские апостолы привезли с собой из Византии, и который возможно был переведен ими еще до их отъезда из Византии в Моравию. Это объяснение не слишком убедительно, однако оно единственное, которое было предложено до сих пор. Таким образом, на сегодняшнее время не существует удовлетворительного объяснения написания сакральных слов в КиЛи. Поэтому пока невозможно сказать, какие слова, выделяемые опущением букв в памятниках болгарско-ст-сл. извода, писались так в праст-сл. системе письма.

Как уже было сказано, выделение сакральных слов обеспечивалось одновременно опущением находящихся в середине слова букв и постановкой над соответствующим словом знака выделения. Хотя с исторической точки зрения опущение букв было первичным, а знак выделения был вторичным, для графического мышления писцов наших памятников

отношение между этими двумя графическими признаками должно было быть обратным. Знак выделения над словом был для писца символом сакрального значения слова, а опущение букв в середине слова было необходимо только для того, чтобы все слово (т. е. и его начало и конец) уместилось под знаком выделения. Поэтому иногда (правда очень редко) знак опущения букв стоит над полной формой сакрального слова, напр., ѡтъца, сѣина, доуха в надписи царя Самуила (993 г.), возможно также сръку в СИНПС (если только это слово не следует читать как *сирьку*)³⁹. Что касается формы знака выделения, то в наших памятниках она очень разная. Встречаются три типа знаков выделения: >—, '— и '—, которые иногда беспорядочно чередуются в одном и том же памятнике. Подобные формы имеют и знаки выделения в греческих рукописях IX–XI вв.

От выделения с помощью опущения букв следует строго отличать сокращения, связанные с экономией места. Такие сокращения тоже проявлялись в опущении некоторых букв (чаще всего в середине слова, иногда и в конце слова). Однако такой пропуск букв происходил не так как опущение букв в сакральных словах. Либо над словом, сокращенным на одну или несколько букв, не ставили знака опущения (как, напр., в КиЛи в заглавиях: *ndъ*, *opl*, *präf* вместо *nadъ*, *oplatъть*, *präfaciä* и в тексте *väčьn*, *veličъ*, *romlitъ*, *naši*, *naš*, *na* вместо *väčьnъi*, *veličъstvo*, *romolimъ*, *našimъ*), либо одна из пропущенных букв писалась над словом (как напр. в КиЛи I а *čъs'i*, II а *izd' äšeniä*, в других памятниках *o'* вместо *otъ* и т. д.). При этом втором типе сокращений («суперскрипция» <33> мог использоваться особый знак сокращения, который ставился над буквой, написанной над остатком слова (обычно этот знак имел форму открытой внизу дуги).

В ст-сл. памятниках сокращения для экономии места встречаются особенно часто в заголовках и в заметках на полях,

³⁹ Здесь, так же как и в дальнейшем, примеры из глаголических памятников будут передаваться латинским курсивом, а примеры из кириллических надписей кириллицей. (Jgd.). (Это замечание Ягодича должно было быть сделано гораздо раньше (Ю. К.).

в традиционных начинающих и заключающих формулах, а также в остальном тексте. Сокращаются особенно часто повторяющиеся слова (например, в заголовках отрывков из Евангелия сокращаются имена евангелистов, слово *glava*, названия дней недели и т. п., в тексте сокращается предлог *отъ*), а также те слова, которые оказываются в конце строки.

Хотя опущение букв для выделения и для экономии места — это два совершенно разных явления, которые довольно строго различаются в ст-сл. памятниках, иногда происходит смешение этих двух типов сокращений. Так слово *prorokъ*, которое только в СИНМОЛ и в АСС последовательно трактуется как сакральное слово (в то время как в МАР и СИНПС такая трактовка факультативна, а в ЗОГР и КЛОЦ она вообще не встречается) в САВ сокращается путем суперскрипции (*прѡ*) точно так же трактует САВ слово *monъenikъ* (*мк*), которое последовательно трактуется как сакральное слово только в СИНМОЛ и АСС (в КЛОЦ однажды встречается слово *тѣкть* без знака выделения и опущения); слово *apostolъ* в СИНПС пишется полностью, но в других сокращено и имеет знак выделения по типу других сакральных слов памятниках. В КЛОЦ оно пишется с суперскрипцией *о*, а в ЗОГР с суперскрипцией *s* и со знаком опущения. Речь в данном случае идет о словах, которые часто используются в заголовках и, кроме того, имеют сакральное значение.

Особым случаем опущения букв для экономии места в болгарско-ст-сл. памятниках следует считать те случаи, когда опускаются так называемые слабые *ъ*, *ь*, которые заменяются знаком апострофа. Поскольку эти слабые *ъ*, *ь* больше не произносились, их опущение было совершенно естественным. Это часто происходило произвольно, по небрежности. Знак апострофа, однако, указывал на то, что писец в таком случае совершенно сознательно опускал «полугласный». Поскольку это опущение происходило без учета значения слова, обычные знаки выделения не могли быть применены, и для этого использовали знак апострофа, который в наших рукописях не всегда имел одинаковую форму и который трудно было отличить от знака придыхания и циркумфлекса и соотв. от знака палатализации. Такой способ экономии места очевидно является новшеством, поскольку в праст-сл. слабые полугласные еще произносились. Образцом для такого новшества была естест-

венно греческая система письма, в которой знак апострофа обозначал действительное, а не только графическое, отпадение гласного.

Д. Графическое членение

Представляется, что между моравским и болгарским изводом ст-сл. существует различие в отношении графического членения. В КиЛи слова, как правило, написаны раздельно (за исключением энклитик и проклитик, которые соединяются со следующим ударным словом). В памятниках болгарского извода напротив между отдельными словами того же предложения, как правило, нет пробела. Впрочем, возможно, что разделение на слова — это особенность не всей моравско-ст-сл. традиции, а только КиЛи. Для праст-сл. можно скорее предположить написание без пробелов.

Настоящее графическое членение текста происходило с помощью п у н к т у а ц и и . Большинство ст-сл. памятников знает два знака пунктуации, один для более мелких, а другой для более крупных отрезков текста. Только СИНПС использует в обоих случаях только один знак. Форма знаков членения довольно значительно отличается в разных рукописях. Для членения на мелкие отрезки текста обычно используют точку, которая ставится над строкой (у верхнего края буквы или чуть ниже). Для более крупных отрезков используют либо группы точек (:, ::, :::, :::), либо соединение точек с черточками или дугами: СИНМОЛ использует для этой цели '/. ЗОГР (наряду с : и ::) иногда ÷. СИНПС использует открытую кверху дугу с двумя точками над ней (⌒), по-видимому, как единственный знак членения.

Законы членения текста в ст-сл. памятниках до сих пор мало исследованы. Анализ этих законов — это задача не только теории письма, но и синтаксиса, изучение которого в ст-сл. вообще сильно отстает.

Е. Обозначение цифр

Для того, чтобы показать, что буква используется не как звуковой, а как цифровой знак, ст-сл. памятники используют два графических средства одновременно. Они ставят над буквой знак выделения и заключают всю цифру между двумя знаками

пунктуации, при этом для этой цели используют обычно те же знаки, которые обозначают деление мелких отрезков текста в соответствующем памятнике. Поскольку сакральные слова со знаком выделения должны состоять, по крайней мере, из двух букв, и поскольку при сокращении слова, обусловленного стремлением к экономии места, знак выделения всегда связан с суперскрипцией, то указание на числовое значение букв путем постановки знака выделения над одной отдельной буквой совершенно однозначно. В заголовках особое положение цифровых символов иногда подчеркнуто еще и тем, что они написаны черными чернилами, тогда как остальная часть заголовка цветная.

В первоначальной глаголице не только единицы, десятки и сотни, но и тысячи обозначались собственными буквами. В высшей степени вероятно, что для обозначения тысяч использовались последние девять букв алфавита <34>. Однако, поскольку в греческом тысячи обозначались первыми девяти буквами алфавита с добавлением особого знака, такой способ был, вероятно, заимствован и в ст-сл., так что некоторое время два типа обозначения тысяч сосуществовали рядом друг с другом. Это должно было приводить иногда к неправильному пониманию. Когда был создан кириллический алфавит, было механически заимствовано и греческое обозначение цифр, т. е. числовое значение получили только те кириллические буквы, которые были идентичны греческим. При переписывании глаголических текстов кириллическими буквами писцы должны были учитывать и различия при обозначении чисел. Это удавалось, однако, не всем писцам, что приводило к многочисленным ошибкам в этом отношении.

Литература, цитируемая Н. С. Трубецким:

- Грунский Н. К. *Памятники и вопросы древне-славянской письменности*. I–III Киевские глаголические листки, IV – Пражские глаголические отрывки и из истории хорватской глаголицы. Юрьев, 1904.
- Грунский Н. К. К Зографскому евангелию // *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук* 1907. (т. 83, № 3). Стр. 1–43.

- Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*, 1929, гоѡ. 1. 48–85
- Кульбакин К. С. (Рецензия на) Грунский Н. К. «Памятники...» // *Журнал министерства народного просвещения*. Новая серия. Отдел 2. 1906 № 3. 185–214.
- Кульбакин. К. С. (Рецензия на) Prof. Dr. Vondrák «O původu Kijevských listů...» // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*. 1905. Т. X, кн. 4. 1–19.
- Лавров П. А. *Материалы по истории возникновения древнеславянской письменности*. Л. 1930.
- Срезневский И. И. *Древние памятники русского языка и письма*. Санкт-Петербург, 1863 .
- Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*. 1910, 88 (3). 162–176.
- Фортунатов Ф. Ф. О происхождении глаголицы // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук*. Т. XVIII, кн 1. СПб 1913. 221–256.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо // *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 3. *Графика у славян*. Санкт-Петербург, 1911.
- Якобсон Р.О. Заметка о древне-болгарском стихосложении // *Известия Отделения русского языка Российской Академии Наук* 1919. XXIV, 2. Петроград, 1922/1923. 351–358.
- Čremošnik G. Kratice “Nomina sacra” u ksl. spomenicima // *Slavia IV*, 1925/1926, 238-264; 485-498.
- Drobné zprávy // *Listy filologické* 1942, t. 69, č. 1. 72-80.
- Jakobson R. K časovým otázkám nauky o českém verši: I. Staročeský verš a rukopisy; Český verš před tisícy lety // *Slovo a slovesnost* 1935, 1, s. 46–53.
- Koschmieder E. Die ekphonetische Notation in ksl. Denkmälern // *Südostforschungen* 5, 1940. S. 22–32.
- Marguliés A. Zum Lautwert der Glagolica // *Archiv für slavische Philologie*, XLI, 1927 S. 87–111; 168–209).
- Nahtigal R. Doneški k vprašanju o postanko glagolice // *Razprave Akademii znanosti i umetnosti v Ljubljani*. Filoz.-filol.-hist. razred. 1923. Kn. 1. S. 135–179 , kn. II, 1925,
- Sievers E. *Die altslavische Verstexte von Kiew und Freising* im Verein mit G. Gerullis und M. Vasmer hrsg. (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Hist.- Philos. Klasse, Bd 76 N 2). Leipzig, 1925. 1–60.
- Šafařík P. J. *Památky hlagolského písemnictví*. Praha, 1854.
- Taylor I. *The Alphabet: an account of the origin and development of the letters*. London, 1883. v.1–2.
- Trager G. L. *The Old Church Slavonic Kiev Fragment: Its accents and their relation to modern Slavonic accentuation* (Language Monographs, vol. XIII). Linguistic society of America, 1933.

- Trubetzkoy N. Das "Münchener Slavische Abecedarium" // *Byzantinoslavica* II, 1930. 29–31
- Trubetzkoy N. S. Die altkirchenslavische Vertretung der urslavischen *tj, *dj // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1936, Bd 13, N 1–2. 88–97.
- Trubetzkoy N. S. Die Aussprache des griechischen X im 9. Jh. n. Chr. // *Glotta* 1936, v. 25. 248–256.
- Vaillant A. Le deux i l'alphabet vieu-slav et du slave commun // *Revue des études slaves*. 1931. Tom 11, N 3–4. Pp. 171–186.
- Vaillant A. Generalités (Chronique) // *Revue des études slave*. 1932. Tom 12, N 1–2. Pp. 92–96.
- Vais J. *Rukověť hlaholské paleografie. Uvedení do knižního písma hlaholskeho*. Praha, Slovjanskij ustav. 1932.
- Vondrák V. Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets // *Archive für slavische Philologie* 1896, Bd XVIII. 541–556.
- Vondrák V. *O původu Kijevských listů a Pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec*. sepsal Václav Vondrák. V Praze : Nákladem jubilejního fondu Král. České Společnosti Náuk, 1904.
- Weingart W. (Рецензия) George L. Trager: "The Old Church Slavonic Kiev fragment.." // *Byzantinoslavica* V, 1933/1934. 463-465.

Литература,

добавленная в примечаниях Р. О. Якобсоном и Р. Ягодичем:

- Acta Academiae Velehradensis*. Bd XVIII, Ölmütz 1947, S. 119–124. (Jgd.)
- Vajs J. Hlaholice na Rusi // *Byzantinoslavica* VII, 1937–1938. (Jkbs.)
- Horálek H. Rajhradské Martyrologium Adonis a otázka české cyrilice // *Listy Filologické*, LXVI, 1939, 23–43. (Jkbs.)
- Георгиев Е. Две произведения на св. Кирила (Studia historico-philologia Serdicensia. Supplementi vol. 2), Sofia, 1938 (Jgd.)
- Nahtigal R. Rekonstrukcija treh starocrkvenoslovanskih izvornih pesnitev (Razprave Akademii znanjsti i umetnosti v Ljubljani. I, 2). Ljubljana 1943. 76–122 (Jkbs.)

Комментарий

1.

Сноски с пометой *Jgd.* и *Jkbs.* добавлены в книгу Трубецкого соответственно Р. Ягодичем и Р. О. Якобсоном.

2.

Абсолютное большинство глаголических памятников X–XI веков были известны Трубецкому. Только полное издание Рыльских листков было опубликовано уже после его смерти (Гошев 1956). Кроме того, в 1975 году в монастыре Святой Екатерины на Синае были обнаружены фрагменты двух глаголических рукописей XI века, включающие объемную псалтырь Дмитрия и вложенные в нее медицинские листки (22 рецепта практической медицины) — (Паренти 1994). Факсимильное издание этих рукописей появилось в 2012 году в серии *Glagolitica Sinaitica* Bd. 1 (см. *Psalterium...* Wien, 2012). Готовится к изданию второй том, посвященный описанию памятника. Во второй половине XX века новая аппаратура позволила прочесть смытый глаголический текст Боянского палимпсеста (Добърев 1972), с которым Трубецкой тоже не мог быть знаком. Что касается основных кириллических памятников, то все они также были известны Трубецкому кроме обнаруженной в 60-е годы в Болгарии новой рукописи Апостола XI в. (Енинский апостол), которая была издана в 1966 году (Мирчев, Кодов 1966). О новых находках ранних глаголических и кириллических эпиграфических памятников см. примечание 4.

3.

Представление о том, что Константин Философ создал глаголицу, высказанное в середине XIX века Шафариком (Šafařík 1854) ранее оспариваемое, сейчас фактически общепринято (см., напр., Гошев 1961; Георгиев 1971; Хабургаев 1974, 1994; Флоря 1980; Кузьменко 1985а; Попов 1997; Иванова

1998; Tkadlčik 2000; Верещагин 2012; Marti 2014)⁴⁰. В пользу предположения об авторском характере глаголицы и о том, что этим автором был Константин Философ, свидетельствуют следующие факты:

А. Формы глаголических букв говорят о том, что глаголица — это новый авторский алфавит (а именно о создании Константином-Кириллом нового алфавита говорит черноризец Храбр) — см. АГ 13. Особенности форм букв глаголицы много раз становились предметом обсуждения. Трубецкой отмечает перпендикулярную симметричность 16-ти и горизонтальную симметричность семи букв глаголицы (АГ 34–35). Илчев, развивая идеи Трубецкого, полагал, что форма букв глаголицы единообразна: для них характерна «вертикальная симметричность и графическая уравновешенность» (Илчев 1980: 36). Верещагин считает, что в форме глаголических букв Константин Философ, который был учеником Льва Математика, «использовал науку геометрию для целей приобщения к христианству нового народа славян» (Верещагин 2012: 321). Типологически глаголица более всего соответствует авторскому армянскому алфавиту Месропа Маштоца и грузинскому алфавиту⁴¹, что свидетельствует об индивидуальном творчестве. Константин Философ, так же как и другие создатели алфавитов Вульфила и Месроп Маштоц, был, очевидно, знаком с традиционной латинской лингвистической традицией. В самой популярной в раннее средневековье грамматике Присциана буква определялась как воплощение трех ипостасей: формы

⁴⁰ Предположения о том, что Константин создал кириллицу, а глаголица появилась за сто лет до этого (см. Прохоров 1992) или о том, что Константин создал и кириллицу, и глаголицу, но кириллица была первым славянским алфавитом (Lunt 2000) не нашли сторонников.

⁴¹ Вопрос о том, был ли и грузинский алфавит создан Месропом, о чем свидетельствует форма древнегрузинских букв, древнеармянские письменные памятники и на чем настаивают армянские лингвисты, или грузинский алфавит появился независимо от армянского, но из того же источника (арамейское письмо), что утверждают грузинские ученые, продолжает оставаться предметом споров.

(figura), названия (nomen) и значения (potestas) (Кузьменко 1985б: 80–81). Соответственно, создание нового алфавита требовало создания новой формы, нового названия и нового значения. Именно таким путем и пошли и Месроп и Константин Философ, создав новые формы, новые названия и во многих случаях новые значения букв алфавита. Трубецкой особо подчеркивает, что авторская природа созданного Константином Философом глаголического алфавита часто не принимается во внимание исследователями. При создании глаголицы «ни о каком «происхождении» в собственном смысле этого слова не может быть и речи, поскольку в этом случае «происхождение каждой буквы определяется творческой, т. е. абсолютно свободной фантазией создателя алфавита» (AG 26). Однако он все же считал, что в некоторых случаях можно определить «те ассоциации, которые направляли работу его фантазии» (см. ниже). Действительно сходство форм и значений букв глаголицы с формами букв греческого, еврейского, самаритянского, коптского, армянского и грузинского алфавитов (см. AG 32–34), вряд ли случайно.

Возможно, необычность форм глаголических букв могла быть связана еще и с тем, что Константин не хотел, чтобы его азбука была похожа ни на греческую, ни на латинскую. Ягич критикует предположение Архимандрита Амфилохия о том, что Константин составил глаголицу, «чтобы католики не преследовали славян, исповедывающих православную греческую веру за буквы кирилловские» (Ягич 1911, 82). Однако, думается, что объяснение архимандрита, который, по всей вероятности, в подобных делах был более сведущ, чем Ягич, заслуживает внимания. Причем это объяснение можно даже расширить, предположив, что если бы Константин использовал латиницу, это вряд ли пришлось бы по вкусу византийскому патриарху (Кузьменко 1985а: 41). Было высказано предположение и о том, что в Солуне Константин создал кириллицу, но поменял ее на глаголицу в Моравии, где влияние Рима было сильнее (Minns 1925: 97).

В. Глаголица имеет гораздо больше признаков того, что этот алфавит создавался для миссионерских целей. Уже давно было высказано предположение, что форма первой буквы глаголического алфавита ✚ соответствует форме креста, что вполне естественно для миссионерского алфавита (см., напр.,

Фортунатов 1913; Дурново 1930; Прохоров 1992). Однако о миссионерской функции глаголицы свидетельствует не только форма глаголической буквы **Ѡ**. Разработка этого аспекта глаголицы началась уже после смерти Трубецкого учеником В. Кипарского Георгием Чернохостовым в магистерской работе 1947, которая была опубликована в сокращенном виде по-немецки только в 1995 году (Tschernochvostoff 1995). Однако многие идеи Чернохостова были еще раньше изложены Кипарским в ряде работ (см., напр., Кипарский 1968: 93). Чернохостов доказывал, что миссионерская задача глаголицы отразилась на форме всех глаголических букв, которые, по его мнению, состояли из трех важнейших христианских символов — креста, круга (как символа бесконечности Бога) и треугольника (как символа Троицы). Не все в гипотезе Чернохостова убеждает (критику некоторых его идей см. Верещагин 2012), однако некоторые положения Чернохостова, и прежде всего его объяснение сходства глаголических букв **Ѣ** и **Ѥ**, состоящих из круга и треугольника, тем, что именно эти буквы стояли в сокращении (под титлом) имени Иисуса **ѢѤ** «ИС»⁴² признано теперь многими (см., напр., Верещагин 2012; Успенский 2013). Возможно, принцип переворота буквы при использовании их в сокращении важных христианских слов, который открыл Чернохостов, можно увидеть и в других случаях. Развивая идеи Чернохостова, Б. А. Успенский предположил, что сходство форм глаголических **Ѣ** (d) и **Ѥ** (v), связано с тем, что эти буквы используются при сокращении имени Давид, которое в славянских рукописях часто имеет вид **ѢѤѢ**. Встречающееся глаголическое сокращение **ѢѤѢ**, соответствующее еврейскому сокращению этого имени, также согласуется с его объяснением сходства букв **Ѣ** и **Ѥ** (Успенский 2013: 11). Возможно и форма глаголической буквы **Ѣ** /d/, для

⁴² Подобное сокращенное написание имени Иисуса без ера соответствует греческому образцу (ΙϚ). Во многих старославянских рукописях сокращенное написание имени Иисуса имеет славянский вид **ИСЪ**. О сокращении и выделении сакральных слов, над которыми ставился особый знак (титло), посредством опущения букв в старославянских рукописях см. Трубецкой (AG 51–58).

обозначения которой, казалось бы, более подходила форма буквы ѿ /l/, была связана с использованием ѿ в сокращении ѿѹ. Верещагин полагает, что сходство глаголических букв ѿ /x/ и в /r/ связано с тем, что они стоят в начале имени Христос (Верещагин 2012: 328). Пока правда не найдена причина сходства формы глаголического ѿ /dz/ и первой части йотированного большого юса ѿѸ (ѿ), которая выглядит как перевернутое ѿ и которая интерпретируется Трубецким как самостоятельная буква первоначальной глаголицы (см. ниже, также Marti 2000; 2014). Однако христианский символизм глаголицы, несомненно присутствующий в форме букв ѿ, Ѹ и ѹ, ѿ и ѹ, вряд ли следует видеть в форме абсолютно всех глаголических букв, что делают некоторые слависты (ср. Йончева, Йончев 1982; Vahros 1982; Карпенко 2001). Вряд ли справедливо предположение Йончева и Йончевой, что не только глаголическое ѿ, но и все остальные глаголические буквы представляют собой видоизмененные формы креста. Л. Б. Карпенко, которая в ряде своих работ настаивает на христианском символизме большинства букв глаголицы, видит его, в частности, и в глаголической форме буквы Ѹ, которая по ее мнению представляет образ молящегося человека с воздетыми к небу руками (Карпенко 2001: 138)⁴³. В таком же духе объясняются и формы других глаголических букв.

С. Все глаголические буквы имеют цифровую значимость (в том числе и буквы, не имеющие соответствий в греческом алфавите Ѹ — 2, ѿ — 7, ѿ — 30 и др.), тогда как буквы, добавленные к буквам греческого алфавита в кириллице, цифровой значимости не имеют.

Д. Свидетельство азбучных молитв (в том числе и кириллических) о существовании в первоначальном славянском алфавите двух букв X (ѿ и ѿ) — (см. прим. № 21) и трех букв И (Ѹ, Ѹ, Ѹ) — (см. прим. №№ 17, 18) соответствует именно глаголице.

⁴³ Форма этой глаголической буквы была заимствована, вероятнее всего, из самаритянского, где ѿ обозначает /m/, см. прим. № 24.

Е. Древнейшие памятники, написанные глаголицей (см., прежде всего Киевские листки, Пражские отрывки), связаны с Моравией и Паннонией.

Ф. Глаголические памятники, как правило, более архаичны по языку,

Г. В кириллических памятниках часто встречаются слова и предложения, написанные глаголицей, что может свидетельствовать о том, что кириллический текст списан с глаголического. Об этом же могут свидетельствовать и кириллические палимпсесты, написанные на смытом глаголическом тексте (см., напр., Боянский палимпсест — Добърев 1972).

Н. Традиционно считается, что слова новгородского писца Упыря Лихого о том, что в 1047 г. он переписал книгу «**ис коуриловицѣ**» могут свидетельствовать о том, что рукопись, которую он копировал была написана письмом, отличавшимся от того письма, которым он писал, т. е. можно предположить, что именно глаголица называлась вначале кириллицей (см., напр., Попов 1997: 36). Хотя есть и другие попытки объяснения выражения «**ис куриловицѣ**» (Соболевский 1923, 240–243; Столярова 1998: 57–58). Наличие глаголической традиции в Новгороде, которая проявляется в глаголических надписях граффити (см. ниже прим. № 3), может говорить о том, что Новгород был одним из центров переписывания кириллицей глаголических рукописей (Михеев 2012).

И. Важным аргументом в доказательстве того, что именно глаголица была создана Кириллом, является то, что она в большей степени, чем кириллица, соответствует особенностям солунского диалекта славян (подробнее об этом см. Кузьменко 1985а: 46–49; Попов 1997: 38–40). Глаголица не различает на письме /ä/ и /a/ после мягких согласных и *j*. Она обозначает продукт слияния этих фонем как **Δ** /æ/, и в ней, естественно, нет буквы, соответствующей кириллическому **ѧ**. Отсутствие в глаголическом алфавите соответствия кириллическому **ѧ** считалось несовершенством глаголического алфавита (см., напр., Кульбакин 1911: 17; так же думал и Трубецкой (AG 41)). Хабургаев считает, что такое несовершенство глаголицы по отношению к кириллице свидетельствует о том, что глаголица древнее кириллицы (см., напр., Хабургаев 1974: 30; 1986: 23). Однако если мы обратим внимание на звуковые особенности языка славян, обитавших в районе Солуня то увидим, что для их

языка характерно неразличение фонем /æ/ и /a/ в положении после мягких согласных и *j* (Стойков 1962: 124–126; Конески 1986: 47), что и объясняет использование буквы **А** и в словах с исконным **ě* и в словах с исконным **ja*. Кириллическая буква **га** появилось в тех областях, где существовало противопоставление /æ/ и /a/ после мягких согласных, а в тех областях, где его не было, буква **га** была не нужна. Возможно, неразличение /æ/ и /a/ после мягких согласных было характерно и для языка моравских славян, ср. изменение /a/ > /æ/ после мягких согласных в самых ранних чешских памятниках и чешских глоссах (Гуйер 1953: 116; Бауэр 1965: 470), поэтому отсутствие глаголической буквы, соответствующей кириллическому **га**, подходило и для славянского языка в Моравии (подробнее об этом см. Кузьменко 1985а: 46–47).

Еще одна особенность глаголицы может быть связана с особенностями языка солунских, а возможно, и моравских славян. Во многих южнославянских диалектах сохраняется исконное противопоставление палатальных (в терминологии Трубецкого краепалатальных) и фонологически непалатализованных дентальных сонорных *l*, *n*, *r* перед гласными переднего ряда. Это противопоставление, однако, никак не отражено ни в глаголице, ни в ранних памятниках кириллицы (знаки, обозначающие палатализацию *l*, *n*, *r* перед передними гласными появляются позднее (**нѣва**) — см. АГ 41, 50–51. В кириллице для обозначения палатализации согласных перед передними гласными появляются буквы **ѣ** и **ѡ**. По-видимому, необозначение этого противопоставления в глаголице и в ранних памятниках кириллицы свидетельствует о том, что такого противопоставления в языке Константина не было, и палатальные совпали перед гласными переднего ряда с дентальными. Об этом может свидетельствовать их совпадение во многих славянских языках, в том числе и говорах района Солуня (подробнее об этом см. примечание № 23).

4.

Раньше самой старой кириллической надписью считали надпись царя Самуила 993 года, о которой говорит Трубецкой, а самой старой глаголической надписью — запись 982 года на греческом договоре Иверского монастыря (Срезневский 1861–1863). В XX веке, прежде всего в его второй половине, было

обнаружено множество неизвестных ранее глаголических и кириллических надписей-граффити IX–X вв. (о ранних старославянских надписях см., напр., Богдан 1958; Гошев 1961; Георгиев 1972; Медынцева, Попконстантинов 1984; Popkonstantinov, Kronsteiner 1994; Попконстантинов, Тотоманова 2014). Чаще всего это надписи в старых каменных церквях, причем в некоторых случаях это надписи с датой: в Болгарии к таким надписям относятся надписи в скальном монастыре у села Крепча (921 г.), в Круглой церкви в Преславе (931 г.), в церкви в Мирча Вода (Румыния, 943 г.), в монастыре Святой богородицы в селе Черноглавцы (954/955 гг.), надпись из Агиос Германос в Греции (993 г.). Судя по начертанию букв и по упоминанию болгарского царя Петра, не позднее 960-х годов была сделана надпись-граффито на могильной плите чергубыля Мостича (Стоянов, Янакиев 1960, таб. VI). Многие надписи не имеют точных дат, но датируются по другим признакам X в. (см., напр., многие надписи из Крепчи, Мурфатлара (Румыния), Преслава, Парвомаия, Равны, Плиски, крепости Пет Могилы, села Варош (Македония), и надпись на стенах древней крепости царя Асена. Одной из самых известных кириллических надписей является надпись царя Симеона I (864–927) из Преслава, который, как сообщается в ней, 31 августа «поклонялся» здесь. В надписи не сообщается год, однако, если мы вспомним, что Симеон I стал князем Болгарии в 893 году, а царем в 918, можно предположить, что надпись сделана в самом конце IX — начале X века. Были найдены и шесть свинцовых амулетов X века с надписями. Все выше упомянутые надписи сделаны кириллицей, однако в нескольких надписях появляются и отдельные короткие фразы и слова, написанные глаголицей или отдельные глаголические буквы. В Преславской церкви была найдена глаголическая надпись не позже середины X в. **ѠѦ Ѡ.Ѧ Ѡ.ѠѠ** (**т1 г1 вжѣ** (*тебе* <дат. ед.> *господи Боже*) – (Рождественская 1991, 74). Встречаются и отдельные глаголические буквы (**ѠѠ, Ѡ, Ѧ**). В надписи на камне из церкви из Равны написаны 8 отдельных глаголических букв (повернутое **Ѡ, Ѧ, ѠѠ, Ѧ, ѠѠ, Ѡ, Ѡ, Ѧ**). Среди надписей Мурфатлара на стенах церкви можно прочесть в двух местах написанное глаголицей имя Илья (**ѠѠѠѠ**). В надписи из крепости Царь Асен, глаголические буквы чередуются с кириллическими в слове «отроком» (**ѠѠѠѠѠѠѠѠ**). В этой же надписи в слове «помилуй» стоит плохо

читаема глаголическая буква **Ѣ** — Попконстантинов, Тотоманова 2014: 19. В надписи из Крепчи в названии деревни (Маштовица) стоит глаголическое **Ѣ**. В некоторых случаях эпиграфические глаголические памятники дают нам новую информацию о первоначальной форме букв, в частности не вполне обычная форма *еров* и *ятя*, и о порядке их в алфавите. С XI века исчезают глаголические вкрапления в кириллических надписях в Болгарии, но в это же время появляются глаголические эпиграфические надписи в Хорватии (Fučić 1971).

Совершенно новый материал, значение которого для определения первоначального вида первых славянских алфавитов еще предстоит оценить, представляет сочетание кириллических и глаголических надписей-граффити с надписями неизвестным алфавитом в Дробудже (Румыния). В селе Мурфатлар (теперь Басара) при раскопках старых церквей IX–X вв. были найдены около 30 надписей-граффити христианского содержания, многие из которых написаны особым протоболгарским алфавитом, в который включены и кириллические буквы **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ**, и знаки, похожие на кириллические буквы, и знаки, не находящие соответствия ни в глаголице, ни в кириллице. Отличаются буквы этих надписей и от рун тюркского рунического алфавита (Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 63–91; Dobrev 1995).

Многочисленные граффити, прежде всего кириллические, найденные на стенах церквей древней Руси отражают древнерусские, в т.ч. диалектные, языковые черты. Среди надписей-граффити XI–XII вв. на стенах Софии Киевской и Софии Новгородской есть и глаголические надписи (Высоцкий 1966; Мединцева 1978; Рождественская 1992; Михеев 2012). В 2017 году на стенах церкви Благовещения на Рюриковом городище было обнаружено еще около 50 глаголических граффити XI–XII вв.⁴⁴, которые готовятся к публикации. В восьми древнерусских рукописях XI–XII веков, написанных кириллицей, есть глаголические заметки на полях и между строк (Столярова 1998: 57).

Богатый и разнообразный новый эпиграфический материал IX–X вв., столь важный для изучения ранней истории

⁴⁴ <https://mir24.tv/topic/15610470/page/1>

обоих старославянских алфавитов, однако, еще не исследован именно в этой связи (ср., особенно надписи из Мурфатлара).

5.

Трубецкой, как и многие слависты до и после него (см., напр., Фортунатов 1913; Schmalstieg 1976), разделял гипотезу Тэйлора-Ягича о том, что основным источником глаголицы был греческий минускул. Возможность использования минускула для записи церковных текстов может быть подтверждена одной греческой минускульной рукописью евангелия 835 года (Гардхаузен 1911: 42). Однако все остальные греческие церковные тексты IX века были написаны уставом (*ibid.*, 46). Греческий унциал уступает свое место минускулу для записи литургических греческих текстов только в X–XI веках (Гранстрем 1953: 436), что не подтверждает гипотезу о греческом минускуле как об основном источнике глаголицы⁴⁵. Константин создавал свой алфавит для записи славянских литургических текстов, и обращение к греческому минускульному письму не кажется естественным. Во второй половине XX века усилилась критика минускульной гипотезы (см., напр., Гранстрем 1953; Георгиев Е. 1971; Илчев 1985; Tkadlčík 2000). Чаще стали звучать предположения о греческом унциале как об основном источнике глаголицы (Илчев 1985; Tkadlčík 2000). Наиболее последовательно защищает гипотезу о греческом маюскуле как об основном источнике глаголицы Ткадлчик, который, однако, несмотря на верный, на мой взгляд, вывод о том, что основным источником глаголицы было греческое унциальное письмо, пытается вывести из него формы абсолютно всех глаголических букв, в том числе даже тех, которые традиционно не связывают с греческим письмом. При этом он допускает значительный произвол, см., напр., предположение о

⁴⁵ Фортунатов, который также был сторонником минускульного происхождения глаголицы, указывая на то, что греческие литургические тексты были написаны уставом, делал нетрадиционный вывод о том, что глаголица «не была создана для перевода греческих богослужебных книг на старославянский язык» (Фортунатов 1913: 22).

том, что источником глаголических Ш и Ѡ было перевернутое унциальное греческое Β, а источником глаголического Ю — греческое Χ, глаголическое З оказывается по Ткадлчику удвоенной греческой сигмой, а глаголическое Ч видоизмененным греческим сочетанием ТС и т. п. (Ткадлčík 2000: 16–24).

Трубецкой, в значительной степени следуя традиции (см. Фортунатов 1913), предполагает и возможность влияния других алфавитов на появление форм глаголических букв, обозначающих фонемы, отсутствующие в греческом. Семитские источники общепризнаны для букв Ш и Ч, к еврейскому ף «пхе» Трубецкой возводит глаголическое ѣ. Кроме того армянский, оба грузинских и коптский алфавиты предполагаются им в качестве возможных источников для глаголических букв Ю, Ѡ, Ъ, Ы. (AG 32–33). Однако Трубецкой, описывая происхождение глаголических букв, прежде всего, подчеркивает авторский характер глаголицы (см. выше прим. № 3).

6.

Традиционно считается, что греко-славянский билингвизм Константина Философа был координативным, т. е. что он в равной мере владел и греческим и славянским языками (см., напр., Верещагин 1971), и все, начиная с Трубецкого, который при реконструкции первоначального старославянского алфавита сопоставляет славянское фонологическое мышление Константина Философа с греческим графическим мышлением (*Schrift-denken*) — см. AG 15 — отмечают стихийную фонологичность первоначального славянского алфавита. В последнее время, однако, было высказано предположение, что Килилл и Мефодий были армянами (см. Арцруни 2004: 10; Trunte 2004: 421, 425) и что совершенный фонографический славянский алфавит был создан не Константином Философом, а был продуктом реформы Климента Охридского (Trunte 2004: 420). Первоначальный же глаголический алфавит Константина Философа, по мнению Трунте был неполным. Поскольку, как считал Трунте, Константин знал старославянский солунский диалект не в совершенстве (его родными языками были армянский и греческий), он не обозначил в первоначальной глаголице целый ряд фонологических различий. К таким необозначенным Константином Философом различиям относились, по мнению Трунте, не только противопоставление палатальных и денталь-

ных сонорных, как считали многие (подробнее об этом см. прим. № 23), но и противопоставление двух еров и противопоставление, обозначавшееся позднее большим юсом йотированным ѣ и нейотированным ѣ (Trunte 2004: 424–425). Однако, как показал Трубецкой, «фонологическое мышление» Константина было на очень высоком уровне, и он обозначил все фонологические различия, существовавшие в его время в солунском диалекте (о необозначении предполагаемого противопоставления палатальных и дентальных сонорных см. прим. № 23).

7.

Все известные до сих пор списки «Сказания о письменах» черноризца Храбра были изданы К. Куевым в 1967 году (Куев 1967).

8.

В середине — второй половине XX в. было обнаружено еще несколько абecedариев. Особый интерес представляет обнаруженная Гошевым в Круглой церкви в Преславе надпись-граффито с неполным глаголическим абecedарием X века (это самая старая из известных нам старославянских азбук). Гошев считал, что этот неполный абecedарий доходил только до ѡ (л), причем буквы «зело» в нем нет (Гошев 1961: 61–62). Однако позднейшие исследования Медынцевой и Попконстантинова показали, что в целом ряде случаев Гошев ошибочно прочел некоторые буквы, и неверно реконструировал плохо сохранившиеся буквы. Медынцева и Попконстантинов установили, что Преславская азбука доходила до ꙗ (п), причем буквы ѡ «зело» в нем было (Медынцева, Попконстантинов 1984: 49–51; см. также Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 167). В этом абecedарии буква ꙗ имеет форму обычного креста без загнутых краев перекрестья, и формы некоторых букв отличаются от традиционных (ср. в частности форму буквы ꙗ «дєрвь/гєрвь»). Порядок следования и состав букв Преславской азбуки (от а до п) полностью соответствует Мюнхенскому абecedарию, что свидетельствует о том, что Мюнхенский абecedарий является наиболее авторитетным источником и в отношении букв второй части алфавита, которая в Преславской азбуке не представлена. В найденной в 70-е годы псалтыри Димитрия Синайского (см. прим. № 2) обнаружен новый глаголический абecedарий, один из самых

ранних глаголических абecedариев (Marti 1999). Хотя часть этого абecedария нам недоступна из-за плохой сохранности рукописи, он является важным источником для реконструкции первоначального состояния глаголицы (см., напр., прим. № 14).

В 1942 году Астрид Бэкунд опубликовала «Стокгольмский абecedарий» с кириллическим и глаголическим алфавитами (рукопись начала XIII века) (Bæklund 1976 (1942)). К этому же времени относится и Бамбергский кириллический абecedарий (Marti 1991). К более позднему времени (XIV–XVI вв. относятся еще девять глаголических и кириллических абecedариев в рукописях из библиотек Чехии, Австрии и Франции (Marti 1991; Veder 2004; Koch 2004). Важным для установления первоначального состава глаголицы, см. прим № 8, является глаголический абecedарий конца XII — начала XIII из церкви Св. Антония в Роче (Fučić 1976).

Абecedарии на древнерусских берестяных грамотах (см. Зализняк 1999) все одноеровые, что является результатом южнославянского влияния, и в большинстве из них только один или два юса (всегда юс малый и часто юс большой). Однако в двух самых ранних новгородских азбуках сохраняется ряд архаичных черт (в частности три юса) (см. прим. № 27).

9.

Азбучные молитвы изданы К. М. Куевым (Куев 1969). Позднее Куев издал еще два списка азбучных молитв, хранящихся в Санкт-Петербурге и Москве (Куев 1979). Две азбучные молитвы были изданы Ивановой-Константиновой (Иванова-Константинова 1971). Раньше считалось, что названия букв были взяты из азбучной молитвы **Азъ есмь въсему миру свѣтъ...**, который приписывали самому Константину Философу (см. Mareš 1964: 14). Однако позднее было установлено, что эта азбучная молитва по ряду причин не может относиться к Кирилло-Мефодиевскому времени, а является более поздней компиляцией (Вереекен 1995).

10.

Вопрос о количестве и порядке следования букв в первоначальной глаголице продолжает оставаться дискуссионным. Кроме разделяемого Трубецким и Дурново (Durnovo 1930)

предположения об исконности 36 букв, сохраняется гипотеза о первоначальности 38 букв, о которых писал черноризец Храбр (см., напр., Vrana 1963; Истрин 1963; Велчева 1978; Marti 2004; 2014). Мошин полагал, что в первоначальной глаголице было только 33 буквы (Mošin 1973), а Мареш считал, что в Солуни Константин Философ создал азбуку из 36 букв, к которым в Моравии были добавлены еще две буквы (Mareš 1971). Автор главы о глаголице в новом немецком компендиуме Р. Марти включает в список первоначальных глаголических букв под номером 32 букву **Ѡ** без числового значения⁴⁶, которая традиционно считалась вариантом **Ѧ**-десятеричного (как думал и Трубецкой) и букву «пе» под номером 26 с числовым значением 800, идентичным реконструируемому числовому значению **Ѣ**, но с неясным звуковым значением (подробнее об этой букве см прим. № 14). Таким образом, в его первоначальной глаголице оказываются две буквы со значением 800 (Marti 2004; 2014), что вряд ли вероятно.

Однако и слависты, реконструирующие 36 букв в первоначальной глаголице, предполагают ее разный состав. В азбучных молитвах и в алфавитных списках большинство букв занимает то же место, они имеют одинаковую числовую значимость и часто даже одинаковое название. Ни у кого не вызывает сомнения, что именно такими были буквы первоначальной глаголицы и именно такое место они занимали. Однако во второй части алфавита, в которой тоже есть полные совпадения у некоторых букв во всех источниках: *ц* (27), *ч* (28), *ш* (29), *гъ* (32), *ю* (35), некоторые буквы нерегулярно появляются в алфавитных списках и частот занимают в них разные места (ср., напр., реконструкцию конца первоначальной глаголицы у Трубецкого, где **Ѧ** — 30, **Ѧ** — 31, **Ѧ** — 33, **Ѧ** — 34 (AG 22) и сравнительно недавнюю реконструкцию последней части первоначального⁴⁷ алфавита Федера, где 30-е место занимает буква обозначающая /y/, которую Федер почему-то обозначает **ѦѦ**, хотя и замечает,

⁴⁶ Подробнее о возможном исконном значении буквы **Ѡ** см. прим. № 17–18.

⁴⁷ Федер считает, что таким мог быть алфавит Мефодия, когда тот покинул Моравию (Veder 2004, 384).

что такая форма буквы условна. Такой же условной формой он считает и 34-ю букву **ՅԷ**, обозначающую (*ϕ*), и только форма буквы **ՅԸ** (36) считается Федером исконной. Порядковый номер и форма последних букв алфавита по Федеру (Veder 2004: 385): 31 — *шва* (Федер считает, что в первоначальной глаголице был только один *ep*), 33 — *ю*, 34 — **ՅԷ**, 36 — **ՅԸ** значительно отличается от реконструкции Трубецкого. Федер, также как и Трубецкой, не включает в первоначальную глаголицу «пе» и предполагает наличие переднего гласного /*ü*/, но в отличие от Трубецкого включает в нее буквы **ԳԷ** (30), **ՅԷ** (34) и **ՅԸ** (36).

11.

Трубецкой придавал большое значение числовому значению букв первоначальной глаголицы, поэтому он считал, что их количество в глаголице должно быть кратно девяти. Предполагаемое Трубецким количество глаголических букв (36), соответствует количеству букв в первоначальном армянском алфавите, созданном в самом конце IV века н. э. Месропом Маштоцем. В древнеармянском алфавите 38 букв, но две последние буквы, обозначающие /*o*/ и /*f*/ и не имевшие числового значения, считаются более поздними добавлениями (Туманян 1971: 16). Месроп Маштоц использовал систему обозначения чисел, которая, хоть и соответствовала в значительной степени греческой, однако не полностью копировала ее. В классическом греческом алфавите было три буквы дигамма (6), коппа (90) и сампи (900), которые имели только числовое значение. Месроп Маштоц дал более последовательное числовое обозначение для всех 36 армянских букв, которые были разделены им на 4 группы, по девять букв в каждой, для обозначения единиц, десятков, сотен и тысяч. И точно также поступил Константин-Кирилл. Как известно, в глаголице, в отличие от кириллицы все буквы последовательно имеют числовое значение. При этом реконструируемая Трубецким система числовых значений глаголических букв полностью соответствует системе числовых значений армянского алфавита ($9 \times 4 = 36$). О знакомстве Константина Философа с армянским алфавитом свидетельствует и форма некоторых глаголических букв, которую Трубецкой сопоставляет с формой армянских и грузинских букв (см. ниже). Знание Константином армянского алфавита очевидно, однако предположение о том, что Кирилл и Мефодий были армянами

(Арцруни 2004: 10; Trunte 2004: 421, 425) нуждается в дополнительной аргументации (см. примечание № 3).

Кратное девяти количество букв ($9 \times 3 = 27$) есть еще в одном авторском алфавите — в алфавите готского епископа Вульфилы. 24 буквы этого алфавита, в основном заимствованы из греческого, но есть и буквы латинского алфавита и руны футарка, и буква созданная Вульфиллой Θ /hv/. 22 буквы имели числовое и звуковое значение и значимые названия, а две буквы — коппа и сампи — имели только числовое значение (90 и 900). Буква X с цифровым значением 600 употреблялась только в слове *Христос* или в сокращении этого имени. Таким образом, 3 буквы были добавлены в алфавит только для достижения числа кратного 9 (чтобы получить три группы по 9 букв для обозначения единиц, десятков и сотен). Знал ли Константин готский алфавит Вульфилы, неясно.

12.

Возможно, название двенадцатой буквы «**ЛЕТИТЬ**» азбучной молитвы Константина Преславского объясняется сходством формы глаголического **Л** кириллического л и их одинаковой (30) числовой значимостью (Флоря 1981: 182). В этой азбучной молитве, также как и у Храбра, два л. Второе л стоит на своем обычном месте и имеет традиционное название «**ЛЮДИЕ**». Другие источники (Ярославская азбучная молитва и Мюнхенский абецедарий) имеют только одно л, на своем традиционном четырнадцатом месте, а на двенадцатом месте стоит буква, которая называется в Ярославской азбучной молитве «**ГЕОНЫ**», и имеет в Мюнхенском абецедарии форму **Л** (последние сопоставления азбучных молитв и абецедариев см. Hauptová 2000; Miklas 2004). О том, что именно эта традиция более соответствует первоначальной глаголице, свидетельствует неполный глаголический абецедарий — граффито из Круглой церкви в Преславе X века, где буква **Л**, по форме соответствующая этой букве в Клоц. и СинПс (о преславской азбуке см. выше), стоит на 12-м месте.

13.

Азбучные молитвы и абецедарии предполагают наличие в первоначальной глаголице загадочной буквы, которую традиционно обозначают «пе», по имени, данному этой букве в

«Сказания о письменах» черноризца Храбра (пѣ). Второе П всегда было самой проблемной буквой глаголицы. Марти называет ее «самым загадочным элементом в области согласных» (Marti 2004: 412). Проблемой является и ее исконная форма, и ее первоначальное значение, и то, почему впоследствии ее место заняло ѿ, что ясно показывают абецедарии и азбучные молитвы. В азбучной молитве Константина Преславского и в Ярославской азбучной молитве наряду со строчкой для 19-й буквы «покой», на своем традиционном месте между О и Р, есть еще одна строчка, для П, стоящего на 26-м месте (между «от» и «ци»), которая начинается со слова **пѣчьаль** у Константина Преславского и со слова **пѣсьньми** в Ярославской азбучной молитве и в двух азбучных молитвах, описанных Ивановой (1971; см. также Veder 2004: 378–379). В Егоровском списке азбучной молитвы после «от» идет строка, начинающаяся с **пѣчьаль** без указания формы буквы (все остальные строки начинаются с написания буквы) (Куев 1979: 23). В Мюнхенском абецедарии на месте «пе» стоит знак, похожий на латинскую букву Р (см., рис. 1а). В кириллической части мюнхенского абецедария между «от» (омегой) и «цы» стоит знак, похожий на греческое П с короткой горизонтальной линией у правой вертикальной линии (см. рис. 1б). В глаголическом Синайском абецедарии форма «пе» соответствует вышеуказанной кириллической форме с добавлением у левой вертикальной линии традиционного для глаголицы кружочка (см. рис. 2). В Парижском абецедарии, где много ошибок особенно в том, что касается соотношения формы и названия букв, написанное латинскими буквами название «ре» (см. рис. 3) стоит над буквой ч (см., напр., Væklund 1976: таблица на с. 50; Hauptová 2000; Miklas 2004: 394; Kempgen 2008), т. е. форма буквы «пе», которая должна была стоять перед ч, пропущена

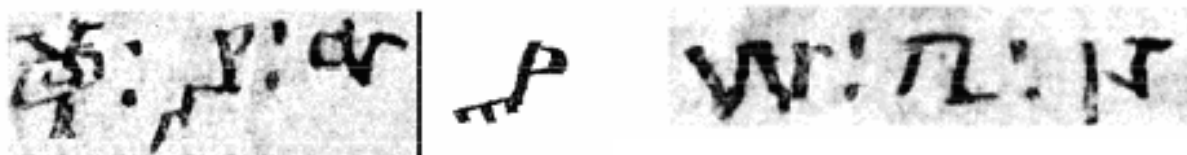

Рис. 1а, б. Часть Мюнхенского абецедария (глаголического и кириллического) с последовательностью Ѡ (ω), «пе», ч, (ц)

Рис. 2. Часть Синайского глаголического алфавитара с последовательностью «пе», ѷ

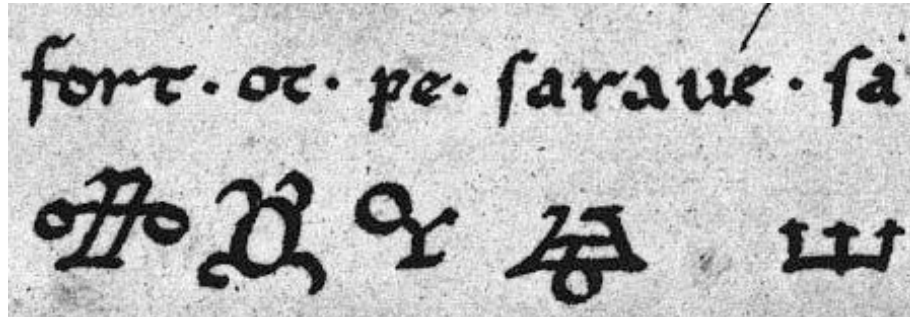

Рис. 3. Часть Парижского глаголического алфавитара с последовательностью ꙗ Ꙓ ѷ («ре») ꙗ ш.⁴⁸

Знак похожий на «пе» в Мюнхенском алфавитаре на том же месте стоит в глаголическом алфавите в одной боснийской рукописи XV века, а в сербской азбучной молитве XV–XVII в. соответствующий стих начинается на Ф (Иванова 1998: 25). В Стокгольмском алфавитаре место «пе» занимает глаголическое ꙗ, которое названо «sstya». В кириллической части Стокгольмского алфавитара на этом месте стоит буква необычной формы, похожая на Т с кружком внизу, что может указывать на ꙗ, которая, называется «ssza» (Bæklund 1976). В кириллическом алфавите Мюнхенского алфавитара на этом месте стоит второе П.

Хотя буква «пе» не встречается в тексте ни одной глаголической рукописи, но она есть во всех самых ранних алфавитарах и азбучных молитвах и всегда занимает в них одно и то же место (26), что может говорить о том, что «пе» входила в состав первоначального глаголического алфавита. Однако, какова была первоначальная форма этой буквы не вполне ясно. Очевидно, что форма буквы «пе» в Мюнхенском и Синайском алфавитарах, похожая либо на латинское Р, либо на греческое Π с

⁴⁸ Изображения «пе» в алфавитарах взяты из статьи Kempgen 2008.

некоторыми добавлениями, свидетельствует о том, что фонетически эта фонема была каким-то образом связана с /p/.

Трубецкой считал, что в первоначальной глаголице «пе» стояло между буквами «от» и «ци» и имела «произвольное название»⁴⁹, с числовым значением 800. И название («пе») и числовое значение этой буквы, по мнению Трубецкого, соответствовало названию и числовому значению буквы «ре» еврейского алфавита. Трубецкой отвергает гипотезу Нахтигала о том, что эта буква имела звуковое значение греческой фиты (см. сноску № 10). Он ничего не говорит о фонологическом значении этой буквы, и считает, что в дальнейшем место этой буквы в глаголице заняло ѡ (в таблице первоначальной глаголицы, состоящей из 36 букв, которую приводит Трубецкой (см. AG 22) буквы «пе» нет, а есть Ѣ). Трубецкой считает, что в первоначальной глаголице буква Ѣ обозначала сочетание /š't'/ (подробнее об этом см. прим № 21).

Буква Ѣ в отличие от «пе» встречается и в рукописях (в одних как единственный способ передачи рефлексов *tj, *kt + гласный переднего ряда, в других, чередуясь с сочетанием ШШ). Однако во многих ранних рукописях она вообще не употребляется и вместо нее используется сочетание ШШ. В некоторых алфавитных акростихах ее место занимает второе Ш.

Миклас предложил такой ответ на вопрос о замене «пе» в глаголическом алфавите буквой ѡ. По его мнению, исконной функцией «пе» была передача палатализованного /k'/ в заимствованных из греческого словах⁵⁰, но такое употребление в Моравии быстро сменилось употреблением обычного Ѣ (Miklas 2004: 395–396). Миклас считает, что, когда ученик Константина и Мефодия Константин Преславский начинал в Болгарии писать свою азбучную молитву, он знал только цифровое значение «пе», точное же звуковое значение этой буквы он уже не помнил (?) и «должен был реконструировать ее уже стертое в его памяти

⁴⁹ Т. е. название, начальная буква которого, не обозначала соответствующую фонему (см., напр., ѣ — ерь).

⁵⁰ О том, что «пе» могло обозначать фонему, заимствованную в славянский язык из греческого (в Солуни) или из латыни (в Моравии) писал и Ткадлчик (Tkadlčík 1971: 363).

звуковое значение» (Miklas 2004: 395). Именно Константин Преславский, по мнению Микласа, сделал форму этой буквы похожей на «шта» (в некоторых абecedариях именно «шта» занимает место этой буквы). Спустя несколько десятилетий такая интерпретация этой буквы Константином Преславским была заменена еще одной неверной интерпретацией. Поскольку эта буква оказалась похожа на «ша», ее стали воспринимать как вариант буквы «ша» с украшением (*Ziervariante*), см. две буквы «ша» в азбучных молитвах. Лишь спустя поколение или два, по мнению Микласа, эта буква получила значение /št/ под влиянием кириллической формы Щ, которая, в свою очередь была лигатурой, состоящей из Ш и Т (шт > щ > щ > ѡ). В гипотезе Микласа есть рациональное зерно, особенно в ее заключительной части, однако первоначальная история «пе» представляется мало убедительной.

На вопрос о первоначальном значении «пе» ответил Дурново, который предположил, что в первоначальной глаголице «пе» обозначало /ps/ в заимствованных из греческого словах, т. е. что глаголическое «пе» соответствовало греческому ψ «пси» (Дурново 1930: 214; см. также Иванова 1999: 7; Trunte 2004: 429; Kempgen 2000: 80–81)⁵¹. Именно гипотеза Дурново ставит все на свои места. Как известно, Константин Философ добавил в свой алфавит буквы Ѡ, Ѣ, Ѧ для передачи фонем в греческих заимствованиях. Трубецкой считает, одна из букв X в первоначальной глаголице также передавала греческую фонему (смычную аспирату /kh/), которая еще сохранялась в речи образованных греков в IX веке, хотя в разговорном языке того времени /kh/ уже стало /χ/ (подробнее об этом см. примечание № 21). Оппоненты Трубецкого, которые считают, что одно из X могло обозначать не /kh/, а греческое палатализованное χ' (см., напр., Marti 2004), также учитывают возможность создания Константином букв для обозначения заимствованных из греческого фонем. Таким образом, в первоначальной глаголице

⁵¹ Традиционная точка зрения не предполагает наличия в глаголице букв, соответствующих греческим ψ и ξ, «поскольку в славянской фонетической системе отсутствовали сочетания *ps*, *ks*» (Селищев 1951: 58).

минимум четыре буквы были созданы для передачи греческих фонем в заимствованиях. О том, что прообразом «пе» была греческая, а не еврейская буква, как думал Трубецкой, свидетельствует и черноризец Храбр, помещающий «пе» среди букв, созданных по греческому образцу среди последних семи букв, которые употреблялись в заимствованных из греческого словах⁵². Вполне вероятно, что для передачи начального греческого /ps/, т. е. для сочетания фонем, нехарактерного для славянского анлаута и инлаута, Константин создал букву, соответствующую греческому «пси» (напомним, что в первоначальной кириллице были буквы, соответствующие греческим «пси» и «кси»). Тем более, что сочетание /ps/ стояло в начале таких важных для миссии слов как **пѣсалѣмъ** и **пѣсалтырь** (в кириллических рукописях именно в этих словах используется «пси»).

Возможно, название «**пѣсньми**» в Ярославской азбучной молитве и в двух азбучных молитвах, опубликованных Ивановой-Константиновой (Иванова-Константинова 1971) сохраняет следы исконного названия этой буквы, содержащей /ps/ в начале слова. Исконным глаголическим названием этой буквы могло быть, скорее всего, **псалмъ**, перевод которого («**пѣсньми**») и представлен в азбучных молитвах (Trunte 2004: 431). В одном из поздних кириллических абецедариев из рукописи Парижской библиотеки именно «*psalom*» оказывается названием кириллической буквы **ѣ**, прообразом которой было греческое «пси» (Marti 1991: 161). Первоначальная форма «пе» могла соответствовать форме греческого «пси» (ср. глаголические буквы **Ѣ** и **Ѧ**, обозначающие заимствованные из греческого фонемы, формы которых повторяют формы греческого оригинала).

Возможно, что в первоначальной глаголице не только форма, но и первоначальное цифровое значение этой буквы соответствовало греческому **ψ** «пси» (700). Трубецкой реконструирует и для «пе» и для сменившего его **ѣ** цифровое значение 800, при этом он отмечает, что впервые в значении 800 **ѣ** употреблено в хорватской рукописи 1396 года. В новом немецком компендиуме по славистике Марти тоже реконст-

⁵² Это буквы **ф**, **х**, **отъ**, **и**, **пѣ**, **хлѣ**, **тѣ**.

руирует для ѳ глаголицы (31-я буква по Марти) цифровое значение 800. Однако точно такое же цифровое значение он указывает и для «пе», 26-й буквы глаголицы, помещая обе эти буквы в первоначальный глаголический алфавит (Martí 2014, 1501). Если следовать Марти, то получается, что одна из букв со значением 800 в первоначальной глаголице оказывается лишней.

В хорватском Рочском глаголическом абecedарии (1200 г.), состоящем из 34 букв, который во многом сохранил архаичный состав и порядок букв, наряду с буквой Ш (29) есть две буквы ѳ, одна из которых стоит на 25-м месте между Ъ и Δ, а другая на 32-м месте между Т (31)⁵³ и Р (33) (Fučić 1976: Taf. 2). Первое ѳ, судя по его месту в Рочском абecedарии, должно было обозначать 700, (после Ъ и перед Δ), а второе 5000. Напомним, что именно цифровое значение 700 имеет «пси» в греческом алфавите, где «пси» стоит перед последней буквой греческого алфавита Ω. Можно предположить, что и в первоначальном глаголическом алфавите «пе» могло стоять перед «от» (а не после «от», как реконструирует Трубецкой, которому следует Марти (Martí 2014)). Оба ѳ в Рочском алфавите имеют сходство с греческим «пси», причем еще более явно это сходство в кириллице. Две буквы щ (одна после «ша», а другая после «от») мы находим и во Втором венском кириллическом абecedарии (XVI в). Причем щ после ш носит название «рі» (Koch 2004: 440, A bb. 10). Подтверждает первоначальное положение перед ω, а не после нее и необычный состоящий только из 27 букв и включающий в себя только три собственно славянских буквы абecedарий Софии Киевской (Высоцкий 1966: № 100; Зализняк 1999: 555–558), где после ш но перед последней буквой алфавита «омега» стоит буква, которая может быть интерпретирована и как греческое «пси» (поскольку

⁵³ По-видимому, буква Т первоначально обозначала греческую «тету» в заимствованных из греческого словах и соответствовала глаголическому ѳ (для обозначения /f/ в греческих заимствованиях в Рочской азбуке стоит Ф). Напомним, что Храбр относит к греческим буквам букву, которую он обозначает «тъ», которая, вероятнее всего, и соответствует Т Рочской азбуки.

она стоит перед омегой) и как славянское **щ**, поскольку она стоит после **ш**. Зализняк считает, что буквы «пси» и «ща» могли восприниматься в кириллице как варианты одной и той же буквы (Зализняк 1999: 557–558).

Интерпретация отношения «пе» и «ща» **Ѣ / щ** связана с тем, принимаем ли мы существование **Ѣ** в первоначальной глаголице или нет (подробнее об этом см. прим. № 21). В том случае, если мы, следуя за Трубецким (см. также Marti 2014), принимаем наличие **Ѣ** в первоначальной глаголице, сходство форм старославянской буквы, обозначавшей сочетание /ps/ в греческих заимствованиях (< греческого ψ), с буквой **Ѣ / щ**, а также и фонографическая ненужность буквы, обозначающей сочетание фонем /ps/, и объясняет нам причину перемещения исконного **Ѣ** на место «пе». В таком случае сходство формы буквы **Ѣ** с формой греческого «пси» оказалось случайным. А сходство формы буквы **Ѣ / щ** с формой буквы **ш** объясняется фонологическим сходством палатального *š'* с палатальным сочетанием *š't'* (именно так реконструирует значение букв **ш** и **ѣ** в первоначальной глаголице Трубецкой, см. ниже). Если же **Ѣ** в первоначальной глаголице не было⁵⁴, то формальное сходство «пе» с буквой **Ш** сделало ее вначале вариантом **Ш**, см. две строки на **Ш** в азбучной молитве Константина Преславского (ср. объяснение Микласа выше), а затем, в тех областях, где это второе **Ш** было воспринято как лигатура **Ш + Т**, эта буква стала обозначать *št*.

Марти отмечает, что буква «пе» безусловно была в первоначальной глаголице, и что она каким-то образом была в связана с **П** (ibid.). Кох также, не определяя точно первоначальное значение «пе», говорит о том, что фонема, которую она обозначала, имела лабиальный характер (Koch 2004, 441). Гипотеза Дурново объясняет и то, каким образом

⁵⁴ Глаголического **Ѣ** нет в Киевских листках, Пражских листках, Клоцевом сборнике, Зографском евангелии, кириллического **щ** нет в Македонском листке, Зографских листках и в Мюнхенском алфавитари, в Супрасльской рукописи употребляется лигатура **шт**. В ранних преславских граффити и ранних азбуках новгородских берестяных грамот тоже нет **щ**.

«пе» было связано с П «покой»: и «покой», и «пе» обозначали /p/ (одна простое /p/, а другая сочетание /ps/, первым элементом которого было /p/).

Можно предложить и еще одно объяснение появления глаголического «пе». Если мы вспомним гипотезу Трубецкого о том, что одно из X в глаголице обозначало заимствованную из греческого аспирату /kh/ (см., прим. № 22), то можно было бы посчитать, что «пе» первоначальной глаголицы обозначало аспирированное /ph/ (φ), которое в высоком стиле могло сохранять смычное произношение, хотя в просторечии на месте /ph/ уже давно произносили щелевой /f/. Близкое к такому объяснение предложил Нахтигал, который тоже связывал глаголическое «пе» с греческой φ, однако считал, что Константин Философ использовал «пе» не в значении /ph/, а в значении /f/, чтобы отличить эту фонему от также заимствованного из греческого щелевого интердентального /θ/. Трубецкой резко критикует Нахтигала, замечая, что это предположение «по многим основаниям лишено всякой вероятности» (AG 19–20). Трубецкой считал, что в IX в. греческое φ «вероятно еще не было простым спирантом» (AG 29). И если следовать Трубецкому, то вполне вероятно предположение о том, что подобно тому как одно из X обозначало заимствованное из греческого /kh/, одно из П в первоначальной глаголице могло обозначать заимствованное из греческого высокого стиля /ph/. Об этом может говорить и сходство формы «пе» в Мюнхенском и Синайском алфавитах с формой греческого Π и латинского P с небольшими добавлениями, см. рис. 1 (т. е. графически «пе» — это чуть видоизмененное Π), что вполне подходило для передачи на письме греческого /ph/. Однако сам Трубецкой такого вывода не сделал.

Основным возражением против интерпретации «пе» как /ph/, впрочем так же как и против интерпретации второго X как /kh/, является то, что изменение греческих глухих придыхательных в глухие щелевые (/th/ > /p/, /kh/ > /x/, /ph/ > /f/) в западногреческих диалектах произошло уже в IV в. до н. э. (Bartonek 1972: 167), и это изменение распространилось на восток до II в. н. э. Кроме того, спирантное произношение греческого φ в эпоху Константина Философа подтверждается употреблением глаголической буквы Ѡ (< греч. θ) и в значении греческого φ, и в значении греческого θ. Название

кириллического «пси» «псалом» в одном из абecedариев и форма греческой буквы «пси», похожая на форму букву **Ϟ**, которая сменила «пе» в первоначальной глаголице, также может свидетельствовать о справедливости предположения Дурново о том, что загадочная буква «пе» — это буква обозначавшая в первоначальной глаголице заимствованное из греческого сочетания фонем /ps/. Вероятно, эта буква перестала употребляться в рукописях уже в Моравии. Она продолжала существовать только в азбучных молитвах и абecedариях. Формы «пе», зафиксированные в абecedарии новой рукописи Синайской псалтыри и в Мюнхенском абecedарии (см. рис.), оказываются в таком случае вторичными.

14.

Если прав Дурново (см. прим. № 13), то к этим буквам относилась и буква «пе», которая в первоначальной глаголице обозначала /ps/, и по своей форме была похожа на греческое «пси» .

15.

Систему гласных фонем старославянского Трубецкой представляет таким образом (AG 61):

	<i>a — ä</i>	
<i>o — ö</i>		<i>E</i>
	<i>ь — ъ</i>	
<i>и — ѝ</i>		<i>у — ѱ</i>

Трубецкой считал, что в прастарославянском языке существовала вокалическая корреляция твердости-мягкости, которая включала пять корреляционных пар *ѝ — и*, *o — ö*, *a — ä*, *у — ѱ*, *ь — ъ*, в которых задние гласные противопоставлялись передним. Архифонема *E* стояла вне этого противопоставления, а фонема /*ö*/, была возможна только в сочетании с *N*.

Предположение о том, что глаголическое **ѱ** обозначало /*ü*/, было высказано Щепкиным (1899: 289–293) и развито Ф. Ф. Фортунатовым (Фортунатов 1957: 15, 19). Трубецкой дал этой гипотезе фонологическое обоснование, предположив, что [i] и [ö] являются не вариантами /u/ и /o/ в положении после мягких согласных и *j*, как это принято было традиционно

считать, и как многие считают до сих пор (см., напр., Хабургаев 1974: 88–89; Иванова 1998), а передними огубленными фонемами. Многие слависты поддержали идею Трубецкого, одни полностью (см. Конески 1986: 23–24; Lunt 1974: 17, 20, 26), другие частично. И. Галабов, в частности признает только существование /ü/ (Гъльбов 1980: 105–107), а Колесов считает, что существовало только /ö/ (Колесов 1980: 23–24, 27). В немецком компендиуме указывается двойное значение глаголических букв ѣ и ѣ̆, и значения, предлагаемые Трубецким, и традиционные интерпретации, причем в случае с ѣ̆ предпочитается трактовка Трубецкого /ü/, а трактовка этой буквы как [ju] дана в скобках, тогда как ѣ̆ трактуется как *jON*, а интерпретация Трубецкого /ön/ дана в скобках (Martí 2014).

Однако, трактовка значения глаголических букв ѣ̆ и ѣ̆̆, предложенная Трубецким, была принята не всеми, и на это были свои основания. И Трубецкой и его последователи признают, что фонемы *ï*, *ö*, *ä* произносились с *j*-образным призвуком в начале слова и после гласных, который трактуется Трубецким не как самостоятельная фонологическая единица, а как «само собой разумеющийся способ произношения фонем *ï*, *ö*, *ä*» (AG 61). Однако этот *j*-образный призвук в позиции перед гласным очевидно не был частью соответствующей фонемы, а был отделяемым от нее морфологической границей консонантным аллофоном фонемы /i/. Поскольку [j] относился к корневой морфеме, а следующий за ним гласный к окончанию (см. глаг. *mo-j/ön* «мою», *svo-j/ön* «свою», *sto-j/ön* «стою»), этот [j] не составлял с последующей гласной фонологического единства (как думал Трубецкой), а был самостоятельной фонологической единицей. Если этот анализ справедлив, то [ü] и [u], [ö] и [o], находились в отношении дополнительной дистрибуции и были аллофонами одной фонемы (как это имеет место в современных славянских языках с корелляцией палатализации), как это традиционно и было принято считать. Таким образом, если фонетически и было возможно произношение фонем как передних гласных, фонологически эти реализации следует признать аллофоническими.

В середине XX века было высказано предположение о существовании в старославянском и древнерусском фонологического неделимого комплекса, состоящего из сочетания согласного с последующим гласным, т. е. фонологически нерас-

члененных силлабем, в которых качество согласного было связано с качеством последующего гласного (передний — задний) (см. Аванесов 1947: 48) в древнерусском. В дальнейшей для описания этого явления стали пользоваться терминами «слоговой сингармонизм» или «группофонема», который был предложен и для старославянского (см., напр., Журавлев 1966: 79–84; 2007). О внутрислоговом сингармонизме, как о тенденции позднего праславянского периода говорил еще раньше и Якобсон (Jakobson 1962 (1929)). Однако морфологическая граница, проходящая между *j* и последующим гласным (см. выше) противоречит трактовке сочетаний мягких согласных с гласным как фонологически неделимой группофонемы. Кроме того, противопоставления палатальных и непалатальных согласных перед гласными переднего ряда, которое было характерно для ряда древнеболгарских диалектов, и которое отражает стадию развития более архаичную, чем родной славянский диалект Константина Философа, было возможно в части южнославянских диалектов. Следовательно, вряд ли стоит отказываться от традиционной трактовки глаголических и кириллических букв *ѣ* / *ю*, *ѣѣ* / *ѣѣ* как сочетаний /*ju*/, /*jɔ*/ в начале слова или слога и как букв, обозначающих палатальность согласных после согласных. Предположение о передних огубленных фонемах в старославянском не вполне подтверждается и типологией. Если все другие признаки старославянского в той или другой форме мы можем найти в разных современных славянских языках, то передних огубленных гласных нет ни в одном из них. И, по-видимому, можно наблюдать типологическую фреквенталию — в тех языках, где есть палатализованные согласные нет передних огубленных гласных (см. славянские, балтийские и кельтские), и наоборот, в тех языках, где есть передние огубленные гласные нет палатализованных согласных (см. германские языки, французский).

Таким образом, оказывается, что именно Константин Философ стал использовать разные гласные буквы для обозначения фонологического различия согласных. По-видимому, на такой способ обозначения повлияло греческое графическое мышление Константина Философа (подробнее об этом см. прим. № 23).

16.

Может показаться, что если бы в старославянском существовала оппозиция /u/ — /ü/, то она должна была передаваться на письме, так же как и оппозиция /u/ — /ü/ в греческом высокого стиля, сохранение которой в IX в. предполагает Трубецкой, т. е. противопоставлением диграфа **эв**, соответствующим греческому **ου**, и буквы **ѡ**, соответствующей греческому ипсилону (**υ**). Трубецкой считает, что Константин создал еще одну букву (**Ѳ**) для обозначения старославянского /ü/, чтобы передать различие односложных слов типа *tu* (**тѡѡ**) «там» и двусложных слов типа *toi* (**тѡѲ**) «тех двоих (род.-мест. дв.)» и, видимо, для различения начальных гласных в словах **ѡѡѡ** (оумь) **Ѳѡѡ** (югъ). Однако поскольку **ѡ** употреблялось только в заимствованных из греческого словах и не имело в ранних рукописях цифрового значения, было высказано предположение о том, что в первоначальной глаголице буквы **ѡ** не было (см. напр., Илчев 1969; Львов 1978). Львов, в частности считает, что **ѡ** появилось в глаголице только в XI в. (Львов 1978: 10). Можно предположить, что в первоначальной глаголице греческий ипсилон передавался буквой «иже на ножке» (см. прим. № 18), которая и внешне напоминает греческий ипсилон, и которое после изменения /ü/ > /i/ в греческом стало обозначать /i/ и в славянском.

В греческом языке эпохи Константина, существовало три варианта произношения исконного ипсилона: уже исчезнувшее в разговорном языке, но, возможно, сохраняющееся в высоком стиле произношение /ü/, просторечное произношение /i/, характерное и для современного греческого (Browning 1969), свидетельство о котором есть уже в христианских рукописях византийского периода IV–VI вв., где во многих случаях не различающих **υ** — **η** — **ι** — **οι** (Caragounis 2004), и /u/, характерное и для некоторых современных греческих диалектов. Традгилл, описывая современные греческие диалекты и отмечая в них небольшие островки с /u/ на месте исконного /ü/ в центральной Греции и на Пелопоннесе, предполагает, что эти островные диалекты являются остатками большого ареала с /u/ < /ü/ (Trudgill 2003: 54). Исследование Махарадзе, показавшей, что изменение /ü/ > /u/ в греческом произошло до IX века и что такое изменение отразилось и в греческих заимствованиях в

грузинских рукописях монастыря в Палестине (Macharadse 1980: 147–149). Обозначение /u/ ижицей писцом С недавно обнаруженного Синайского миссала (см. прим. № 2), свидетельствует о том, что в его языке отразилась именно эта традиция. Писец С наряду с традиционным обозначением старославянского /u/ глаголическим ѡ (13 раз) обозначает старославянское /u/ и ижицей Ѣ (15 раз) (Miklas 2004: 392). Можно предположить, что обозначение старославянского /u/ ижицей было связано с тем, что для греческого языка писца С был характерен переход /ü/ > /u/, а поскольку старославянская ижица ассоциировалась с греческим ипсилоном, так как писалась только в греческих заимствованиях, писец С (или его предшественник) стал обозначать и старославянское /u/ ижицей.

17.

К мысли о том, что диграф ѢѢ мог обозначать монофтонг /y/ Трубецкой пришел не сразу. В письме Якобсону от 1 мая 1929 года он пишет:

«в говоре первоучителей фонемы у не было [...], надо принять, что у осознавалось как дифтонг, первая часть коего отождествлялась с ъ, а вторая с *i*: объективно (фонетически) м. б. не совсем ъ, но, во всяком случае, какой-то комплекс, в котором начало качественно отличалось от конца... Это [...] предположение кажется нам наиболее вероятным, ибо в таком случае написания Ѣ., Ѣ., ѢѢ наших памятников вполне точно отражали бы фонологическую картину» (TLN, 128).

Однако обращение к некоторым архаичным глаголическим памятникам позволили Трубецкому иначе определить значение глаголических ѢѢ (y) и ѢѢ (yi).

Хотя во многих глаголических рукописях нет различия в употреблении на письме между рефлексом исконного долгого /u/ и исконным сочетанием /ъji/, однако в Киевских листках, Рыльских листках и в Македонском листке исконное долгое /u/ последовательно обозначается как ѢѢ, а сочетание /ъji/ как ѢѢ (Ильинский 1909: 12; Велчева 1980: 118)⁵⁵. Такое употребление

⁵⁵ Реже такое различие обозначается и в кириллических памятниках (ѣи и ѣ) (Срезневский 1868: 37).

соответствует и разной судьбе /u/ и /ъji/ в славянских диалектах Солунского края (Ivanov 1922: 93; Гъльбов 1952: 174, 180). По мнению Трубецкого, именно для обозначения этого различия и были нужны две буквы *И* в первоначальной глаголице (AG 25). О том, существовала ли разница между буквами **Ѣ** и **Ѥ**, см. прим. № 18 ниже.

18.

В начале Трубецкой поддержал предположение А. Вайана о том, что **Ѣ** и **Ѥ** могли обозначать разное количество, т. е. долгое и краткое /i/:

«Единственный случай, где количественно выражено грамматическое различие — это *ĩ* : *i* в именит. пад. ед. и мн. числа таких существительных как *kraĩ* — *krai*, *božĩ* — *božii*; *moĩ*, *tvoĩ*, *svoĩ* : *moi*, *tvoi*, *svoi*. К этому надо прибавить еще и то обстоятельство, что *ĩ* встречалось лишь после гласных, перед гласными и в начале слова, т. е. как раз, где не встречалось *ь*, так что отношение *ĩ* : *ь* было иное, чем отношение *i* : *ь*, а в то же время отношение *i* : *ĩ* воспринималось очевидно как количественное, т. е. отождествлялось с отношениями *ā* : *ǎ*, *ū* : *ǔ* и т. д. Всё это создавало для *i* особое положение в старославянской фонетической системе, и, поэтому, вполне возможно, что Кирилл, приняв для фонемы *i/ĩ* две буквы по греческому образцу, рационализировал их употребление, отведя одну для *ĩ*, а другую для *i*» (Письмо к Якобсону от 4 августа 1932 г. — TLN, 249).

Однако в «Старославянской грамматике» Трубецкой отказался от этого предположения, исходя из того, что ни в одной известной Константину-Кириллу системе письма количественные различия не обозначались (AG 25–26).

После выхода в свет «Старославянской грамматики» появились и другие интерпретации исконного значения глаголических букв **Ѥ**, **Ѧ**, **Ѣ**. Хотя **Ѥ** и **Ѧ** традиционно интерпретируются как варианты одной буквы (см., также AG), поскольку они употреблялись в рукописях в одинаковом звуковом значении и в некоторых рукописях имеют одинаковое цифровое значение, наличие трех *И* в одном из ранних алфавитов и в азбучных молитвах может говорить о том, что в первоначальной глаголице **Ѥ** и **Ѧ** имели разное значение. Интересную идею о первоначальном значении буквы **Ѥ**

выдвинул Б. Успенский. Он обратил внимание на то, что в Парижском абецедарии **Ѡ** стоит после **Ѧ** на месте греческого «ипсилон» и называется «hіc». До сих пор буква **У** у русских старообрядцев называется не «ук», а «ик» (Успенский 1968: 9, 16–18). В азбучных молитвах Константина Преславского и в Ярославской азбучной молитве на месте, соответствующем **Ѡ** Парижского абецедария (32), стоят строки, начинающиеся со слов «имени» и «инога», т. е. свидетельствующие о значении /i/, а вот строка, соответствующая букве «ук» **Ѣ**, начинается со слова **ипостась**, греческого заимствования, первая буква которого соответствует греческому «ипсилону» (ἰπόστασις), и которое в старославянских текстах пишется с ижицей **Ѣ-Ѡ-Ѣ-Ѧ-Ѡ-Ѣ-Ѧ-Ѡ-Ѣ-Ѧ-Ѡ-Ѣ** (СИНПС). Кроме Парижского абецедария, где буква **Ѡ** стоит перед **Ѧ**, на месте «ук», она стоит и в конце позднего Тегернзеевского глаголического абецедария, в котором глаголические буквы помещены под буквами латинского алфавита, расположенными в традиционном порядке. «Иже на ножке» появляется в этом глаголическом алфавите дважды. Вначале оно стоит под латинским *x* (третьей от конца буквой), а затем под последней буквой латинского алфавита *z* (Martí 1991: 157). Хотя вполне вероятно, что такое место глаголического **Ѡ** было связано с тем, что оно было похоже на латинский игрек, однако не исключено и влияние традиции, зафиксированной в Парижском абецедарии. Все это может свидетельствовать о том, что в первоначальной глаголице не **Ѣ**, а **Ѡ** обозначало заимствованную из греческого высокого стиля **У** «ипсилон» /ü/, который уже в это время произносился в греческом просторечии как /i/⁵⁶. Об исконном разном значении **Ѡ** и **Ѣ** может говорить и то, что в некоторых ранних глаголических рукописях только **Ѣ** имеет цифровое значение 10 (Ягич 1883: 420), тогда как **Ѡ**, хотя и встречается наряду с **Ѣ** для обозначения /i/, для обозначения цифры не употребляется. Когда окончательно победило произношение /i/ (< /ü/), букву **Ѡ** стали использовать для обозначения

⁵⁶ Изменение /ü/ > /i/ было характерно для византийской письменной традиции. Византийские писцы IV–VI вв. нашей эры постоянно путают написания *υ* — *η* — *ι* — *οι* в рукописях (ср. многочисленные примеры Caragounis 2004: 518–533, 537–538).

/i/ и в славянских словах. Таким образом, три *И* в первоначальной глаголице могли иметь разное значение. Буква **Ѣ** обозначала /i/ во всех позициях, **Ѥ** использовалось в диграфе, для обозначения /y/, а буква **Ѧ** обозначала заимствованную из греческого фонему /i/. Дальнейшие фонологические изменения (/i/ > /i/ и совпадение /y/ и /ъji/) привели к тому, что во многих рукописях три буквы *И* стали использоваться в одинаковом значении (Кузьменко 1985а: 54).

Существуют и другие предположения об исконном значении букв *И*. Ткадлчич, в частности, считал, что **Ѥ** обозначало особую фонему, отличную по качеству и от /i/, и от /ъ/. Источником этого *И* было /ъ/ в некоторых позициях (Tkadlčik 1956: 215). Гипотеза Галабова о том, что одно *i* **Ѣ** (10) обозначало /i/, а второе *i* — неслоговое *i* (Galabov 1968: 379–380) не выдерживает критики, поскольку, как показывает старославянская метрика, слова типа *toi* были двусложными. Столь же дискуссионно предположение Мареша о том, что второе десятиричное *и* (**Ѥ**) появилось для обозначения *ji* только в Моравии (Мареш 1961: 18). Ни одно из этих предположений не подтверждается материалом. Против существования противопоставления /ji/ — /i/ в старославянском говорят не только данные письменных памятников, но и данные современных славянских языков и диалектов, которые такого противопоставления не знают.

19.

Как мы видим, Трубецкой обосновывает появление буквы **Ѧ** в глаголице чисто структурно-графическими причинами. Он считает, что буква **Ѧ** была введена Константином-Философом в глаголицу для того чтобы передать различие между славянским предлогом /o/ (**Ѧ**) и заимствованным из греческого междометием /o!/
(**Ѧ**), ссылаясь при этом на Мариинское евангелие, где буква **Ѧ** используется только в междометии «o!» и в слове «осанна» (AG 27). В двух самых ранних азбучных молитвах, в молитве Константина Преславского и в Ярославской азбучной молитве именно междометие «o!» (o чьстьнпя и o прѣсвятая) начинает строку, посвященную букве «от». Однако вполне вероятно, что на решение Константина повлияли и экстралингвистические соображения. Константин, по-видимому, не мог представить себе алфавит без омеги — последней буквы греческого

алфавита, см. Апокалипсис 1.8 — *азъ есмь алфа и омега, начатокъ и конецъ* — где видна божественная и сакральная функция алфавита (Зализняк 1999: 556)⁵⁷. Для буквы Ψ Трубецкой реконструирует числовое значения 700 (см. также Veder 2004: 385). В греческом, однако, числовым значением омеги (последней буквы алфавита) было 800, а не 700.

Буквы Ψ нет в самых ранних глаголических рукописях, и греческая омега в заимствованных из греческого словах, как правило, передается буквой Θ (o), кроме того, в ранних глаголических памятниках у Ψ нет числового значения. Все это заставляет некоторых славистов предположить, что в первоначальной глаголице буквы Ψ , также как ижицы, не было (см., напр., Илчев 1969; Львов 1978). Однако особое экстралингвистическое значение греческой омеги, старославянские азбучные молитвы и абецедарии, а также черноризец Храбр свидетельствуют о том, что глаголическая буква Ψ входила в состав первоначальной глаголицы.

20.

Система согласных фонем представлена Трубецким в «Старославянской грамматике» (AG 80) следующим образом:

<i>p</i>	<i>t</i>	Ψ		<i>c</i>	<i>k</i>
			<i>č</i>		
<i>b</i>	<i>d</i>	\mathfrak{h}	<i>š</i>	<i>z</i>	<i>g</i>
			<i>ž</i>	<i>s</i>	
					<i>x</i>
<i>m</i>	<i>n</i>	η			<i>N</i>
	<i>l</i>	\mathfrak{l}			
<i>v</i>			<i>ž</i>	<i>š</i>	
	<i>r</i>	\mathfrak{r}			

⁵⁷ В еще далеком от христианства германском старшем футарке, несомненно, авторском алфавите (Кузьменко 2012), который, как считается, был создан в I в. н. э., последней 24-руной (ср. 24 буквы греческого алфавита) является руна со значением /o/, форма которой (\otimes) соответствует форме греческой омеги.

Фонемы Ψ и \mathcal{M} «не были настоящими палатальными смычными, а были сочетаниями палатального щелевого с палатальным смычным» (AG, 81), т. е. обратными палатальными аффрикатами $ш'т'$, $ж'д'$ (подробнее см. прим. № 21). Фонемы η , l и r были палатальными сонорными (см. прим. № 23), а n определяется Трубецким как «изолированный носовой согласный», встречающийся только в сочетаниях с предшествующими гласными $/o/$, $/ö/$, $/ä/$ (подробнее об этом см прим. № 27).

21.

В славистике есть две традиции трактовки глаголических \mathcal{C} и \mathcal{M} . Одна из них опирается на анализ фонологических систем южнославянских диалектов, другая — на употребление этих букв в старославянских рукописях. Одни слависты, соответственно, реконструируют параллелизм фонологического значения \mathcal{C} и \mathcal{M} в первоначальной глаголице, предполагая, что эти фонемы обозначали глухой и звонкий корреляты фонем одного (палатального) места образования, которые развились из праславянских сочетаний $*tj$, $*dj$ (Дурново 1929; Trubetzkoy 1936; Mathews 1957; Horálek 1962; Tkadlčik 1985; Marti 2004; 2014). Другие, опираясь на использование этих букв в рукописях, которые не показывают никакого параллелизма в их употреблении, не только отрицают параллелизм, но и вообще ставят под сомнение существование \mathcal{C} в первоначальной глаголице (см., напр., Ягич 1911; Auty 1963, Велчева 1973: 122–123; Нахтигал 1963: 29–30; Mošin 1973: 25–26; Попов 1997: 42). Об отсутствии связи между \mathcal{C} и \mathcal{M} пишет и Хольцер, который считает, что, «если в глаголице были буквы „шта“ и „дерьв“, то они обозначали не рефлексy $*tj$ $*dj$, а другие звуки» (Holzer 2006: 47).

Те слависты, которые говорят о параллелизме глаголических \mathcal{C} и \mathcal{M} и о палатальном характере рефлексов праславянских $*tj$, $*kt$ + гласная переднего ряда и $*dj$, по-разному определяют конкретную реализацию этих рефлексов в старославянском. Дурново считал, что рефлексами праславянских $*tj$ и $*dj$ были палатальные смычные, соответствующие палатальным смычным k' , g' в македонских диалектах. Именно он был первым, кто предположил, что глаголическое \mathcal{M} обозначало в языке Константина рефлекс праславянского $*dj$ и тем самым обозначало коррелят фонемы, обозначавшейся \mathcal{C}

(Дурново 1929; 1930; см. также Зализняк 1999: 550). Горалек считал, что **Ѣ** и **Ѧ** в первоначальной доморавской глаголице обозначали палатальные t' и d' ($< *tj, *dj$), к которым близки современные сербохорватские рефлексы $*tj, *dj$ (\acute{c} и \acute{d}) (Horálek 1962: 104, 146). Львов также считал, что в первоначальной глаголице рефлексами $*tj, *dj$ были $/t'/$ и $/d'/$, однако отказывался их сопоставлять с буквами **Ѣ** и **Ѧ** (Львов 1971: 68). Шахматов, который также отказывался видеть параллелизм глаголических **Ѣ** и **Ѧ** предполагал, ставшую потом традиционной интерпретацию рефлексов долгих альвеопалатальных смычных $< *tj, *dj$ как звуков, которые бы мы в современной терминологии назвали обратными палатальными сибилантными аффрикатами $ш't', ж'd'$ (Шахматов 1915) и такую точку зрения поддержали многие (Trubetzkoy 1936; Lunt 1974; Мирчев 1978; Scatton 1978). Причем, соответственно считали, что обратная глухая палатальная аффриката обозначалась буквой **Ѣ**. Трубецкой предположил, что звонкий коррелят обратной глухой аффрикаты обозначался в языке Константина Философа буквой **Ѧ**.

Если исходить из современного диалектного материала, то мы увидим, что исконные праславянские $*tj, *kt$ + гласная переднего ряда, $*dj$ представлены в южнославянском ареале либо как сочетания $/št/, /žd/$, либо как обратные палатальные аффрикаты $/š't'/, /ž'd'/$, которые Трубецкой также считает бифонемными (AG 81), либо как палатальные смычные $/k'/, /g'/$ или палатальные аффрикаты (подробнее об этом см. ниже). Если мы обратимся к современным македонским диалектам областей, расположенных неподалеку от Солоник, то увидим, что в некоторых из них рефлексами $*tj, *dj$ в основном являются $/g'/, /k'/$, однако встречаются и формы с сочетаниями фонем $/št/, /žd/$ (Младенов 1977: 470–475). О непалатализованных сочетаниях $/št/, /žd/$ в славянских говорах Солунского края писал и Иванов (Ivanov 1922: 90). Однако утверждают, что палатальные k^j, g^j появились в болгарских и македонских говорах только в XIV веке (Pianka 1974: 211) или даже в XVI веке (Георгиев 1982: 402–403), т. е. в эпоху Константина Философа в говоре Солуни их еще не могло быть. В соответствии с этим предполагается, что в солунском говоре Константина рефлексy $*tj, *dj$ были сочетаниями фонем $/št/, /žd/$ (см. напр., Kotcheva 2014: 70, 74) как в современном болгарском языке.

Диалекты Солунского края — это диалекты, где встречаются распространяющиеся из Сербии и Хорватии изменения $*tj$, $*kt > k'$, $*dj > g'$ с распространяющимися из Болгарии изменениями $*tj$, $*kt > /š't'/$, $*dj > /ž'd'/$ и, соответственно, $/št/$, $/žd/$. При этом в одном и том же говоре в одних словах рефлексами $*tj$, $*kt$ и $*dj$ оказываются сочетания твердых $/št/$, $/žd/$ или, соответственно, обратные палатальные аффрикаты $/š't'/$, $/ž'd'/$, а в других палатальные смычные $/k'/$ и $/g'/$ (см., напр. ситуацию в описанном Младеновым селе Куфалове Солунского края, где рефлексами праславянских $*tj$ и $*dj$ являются и $/k'/$, $/g'/$, и $/št/$, $/žd/$ (Младенов 1977: 470, 475)).

Фактически гипотезы о t' и d' или k' и g' предполагают существование палатальных смычных, место образования которых находится между $/t/$ и $/k/$ и которые отличались от аффрикаты $/č/$. Появление обратных аффрикат из t' и d' или k' и g' , t' и d' или k' и g' вряд ли может быть объяснено диссимиляцией (диссимиляция не объяснение, а описание), как это часто делают. Дело, вероятно, в том, что первоначально обратная аффриката была только рефлексом kt перед передними гласными и stj и отличалась от рефлексов $*tj$, и лишь позднее в одних диалектах форма с обратной аффрикатой вытеснила рефлексы палатального смычного, развившегося из $*tj$, а в других, наоборот, победила форма с палатальным смычным. Картина была затемнена междиалектным взаимодействием, приведшим к проникновению слов с палатальными смычными в область с обратными аффрикатами и наоборот.

Трубецкой, оставаясь сторонником параллелизма значения глаголических букв Ѣ (гухой палатальный) — Ѧ (звонкий палатальный), несколько раз менял свою трактовку конкретного звукового значения Ѣ и Ѧ . Вначале он принял гипотезу Дурново о том, что в солунском диалекте Константина Философа были палатальные смычные $g^{\wedge}(<*dj)$ и $k^{\wedge}(<*tj)$, которые сохраняются в некоторых македонских и западноболгарских диалектах и которые по Дурново в первоначальной глаголице обозначались буквами Ѣ и Ѧ (Дурново 1929) (см. письмо Трубецкого к Дурново от 20.02.1928). Однако Трубецкой принимал гипотезу Дурново с оговоркой. Он считал, что солунский диалект относился не к типу $meg\ddot{u}$, $no\check{k}\ddot{y}$, как считал Дурново, а к типу $me\check{z}d\ddot{u}$, $no\check{s}t\ddot{y}$, в который проникли из других диалектов и из других языков слова с g^{\wedge} и k^{\wedge} .

«...Мне кажется, что предположение о том, будто солунский говор принадлежал к типу *megûi, nokb̂*, а не к типу *meždii, nošt̂* не приемлемо, ибо в таком случае оставалось бы непонятным, почему в хорватско-церковнославянских глаголических памятниках все таки находим *meždii, nošt̂*. Думаю, что солунский говор принадлежал к типу *meždii, nošt̂*, но имел в себе и некоторое количество слов с *ĝ, k̂*, заимствованных из других говоров или из греческого и романского; такое положение дел наблюдается и сейчас во всех болгарских говорах: даже крайне восточные говоры наряду с *нощ (nošt̂)* и *ношь* имеют *веке (vekê — ВАЩЕ)*, так же и в литературном болгарском наряду с *нощь, кжща* имеется, напр., *домакин*, наряду с причастиями *горець, иджць* стоят деепричастия *имайки, говорейки* и т. д., не говоря уже о заимствованных (гл. обр. турецких) словах вроде *гйон, гюль, кюмурь* и прч. Словом, в солунском говоре, как и в большинстве современных болгарских говоров (крае)палатальные *k̂, ĝ (= t̂, d̂)* входили в фонологическую систему, несмотря на то, что в «своих» словах отражениями праслав. **tj, *dj* были не *ĝ, k̂*, а *št̂, žd̂*. Кроме того, Константин, живя в Солуни, видал славян и из более северо-западных частей Балканского полуострова, и знал, что в их говорах звуки *k̂, ĝ* очень распространены. А так как, создавая свой алфавит, он преследовал цель создать алфавит *общеславянского* литературного языка, то естественно должен был ввести в него буквы для обозначения *k̂, ĝ* (именно **ѡ** и **Ѣ**)» (TLN, 441).

Позднее Трубецкой предложил трактовать буквы **ѡ** и **Ѣ** как палатальные аффрикаты:

«Если принять предположение Н. Н. Дурново о том, что общеслав. *tj, dj* были представлены в солунском говоре особыми фонемами, передаваемыми на письме **ѡ** и **Ѣ**, то возникает вопрос; почему **Ѣ** употреблялась также и для передачи греческого (и евр.) γ перед *e, i, ii*, тогда как **ѡ** для передачи греч. *k* перед *e, i, ii* не употреблялось? Единственный возможный ответ заключается в предположении, что солунские рефлексy общеслав. *tj, dj* были палатальными аффрикатами *kx̂', ĝŷ'* или *t'x̂', d'ŷ'*» (Письмо Якобсону от 30 ноября 1932 г. — TLN, 264).

Позже Трубецкой вновь возвращается к проблеме **ѡ** и **Ѣ** и еще раз меняет свою интерпретацию:

«В своей конструкции я кое-что меняю. Теорию Дурново, о том, что **ѡ** и **Ѣ** первоначально были палатальными взрывными, я считаю неправдоподобной с фонологической точки зрения:

ведь в таком случае оказалось бы, что Кирилл сочинил особые буквы для комбинаторных вариантов *k*, *g*. Поэтому я теперь толкую эти знаки иначе, а именно исхожу из стадии, предшествовавшей болг. *шт*, *жд*: на пути от *tj*, *dj* к *št*, *žd* должна была быть стадия «палатальный спирант + палатальный взрывной» (отличные как от *št'*, *žd'*, так и от *šč*, *žž*); это были фонемосочетания (благодаря наличию признаков, указанных в моей *Anleitung*⁵⁸ под §§ 9 и 10), но в то же время, сочетания трудно разложимые, в виду того, что вне этих сочетаний данные фонемы не встречались, — а поэтому Кирилл и передал каждое из этих двух сочетаний (звонкое и глухое) одной буквой (Ѣ, Ѧ). Это объясняет, почему он при этом стилизовал именно греч. ξ и ψ, т. е. буквы, обозначающие сочетания согласных» (Письмо Якобсону от 24 сентября 1935 г. — TLN, 347).

В тексте Старославянской грамматики в главе о системе согласных Трубецкой, обозначая рефлексy **tj*, **dj* знаками, напоминающими простое и перевернутое пси (ψ и ϖ), пишет о том, что они «не были настоящим палатальными смычными, а были сочетаниями палатального щелевого с палатальным смычным» (AG 81).

Следует признать, однако, что у сторонников отсутствия параллелизма между Ѧ и Ѣ (традиционная точка зрения) не меньше аргументов. Буква Ѧ есть во всех алфавитах (в том числе и в Преславском алфавите), причем в ранних глаголических рукописях она н и к о г д а не обозначает фонему в исконных славянских словах. Уже в самых ранних рукописях она, в отличие от Ѣ, употребляется и в числовом значении 30⁵⁹. В глаголических рукописях буква Ѧ обозначала, прежде всего, сочетание /ng/ или смычное /g/ после /n/ перед передними гласными в заимствованных из греческого словах (см. формы типа ЭѢ+ѦЭѦЭ, ЭѢ+ѦѦЭ «евангелие», +ѦЭѦ «ангел» в

⁵⁸ Имеется в виду работа Трубецкого “*Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*“. Brno, 1935 (Circle linguistique de Prag).

⁵⁹ Числовое значение Ѧ часто встречается в рукописях евангелия, поскольку число 30 входит в сочетание «30 серебряников».

Зографском евангелии)⁶⁰. В греческом сочетании /ng/ передавалось удвоенной гаммой $\gamma\gamma$, форма которой, вероятно, и была использована Константином-Философом для создания формы глаголической буквы 𐌆 . Кроме того, судя по азбучным молитвам и по глаголическим рукописям буква 𐌆 употреблялась и в заимствованных из греческого словах перед передними гласными, см., напр., 𐌊 𐌆 𐌆 𐌊 «геенна, ад» $\gamma\epsilon\epsilon\nu\nu\alpha$ (другие примеры см. СТСЛ). Сочетание /ng/ и смычное /g/ перед передними гласными было нехарактерно для славянского. Обычно предполагается, что палатализованное [g'] в греческом было аллофоном /g/, и при попадании этого слова в греческих заимствованиях в славянский [g'] могло стать аллофоном славянского /g/. В таком случае, если следовать славистам, предполагающим, что 𐌆 обозначало палатализованное [g'] в греческих заимствованиях, остается, непонятным, зачем Константин Философ обозначил аллофон особой буквой (см. возражение Трубецкого в письме к Якобсону выше). Однако, если мы обратим внимание на современную греческую норму и на греческие диалекты, то увидим, что рефлексы греческих /l n x/ перед /j/ и перед исконными /i/ и /e/ являются в них и самостоятельными фонемами, причем такое изменение произошло уже до IX в. (подробнее об этом см. прим. № 22, 23), и, соответственно, рефлекс греческого γ в позиции перед передними гласными и /j/ выступает как /γ'/⁶¹ и как палатализованный смычный после /n/, которые можно признать аллофонами палатальной звонкой фонемы. Т. е. можно предположить в греческом эпохи Константина Философа не только наличие фонем /x'/ (по диалектам /š/), /l/ и /n/, но и наличие палатальной звонкой фонемы, которая, попав в славянский в греческих заимствованиях, стала обозначаться буквой 𐌆 . Редкая в славянском заимствованная фонема g'/γ' была однако очень важной для миссионерской функции алфавита, поскольку употреблялась в

⁶⁰ Такое значение имеет 𐌆 и в слове 𐌊 𐌆 𐌆 𐌊 «евангелисты» в одной из самых ранних хорватских глаголических надписей, в надписи на Башчанской плите XI в.

⁶¹ На Крите рефлексом γ в этой позиции является сибилант /ž/ (Newton 1972: 126).

таком важном для миссии слове как «евангелие» — которое возможно было первым словом, написанным Кириллом новым славянским алфавитом.

Глаголическая буква **Ѣ** вообще не употребляется в некоторых рукописях, и по мнению многих славистов в первоначальной глаголице ее вообще не было (Ягич 1911: 205). В тех рукописях, где она используется, иногда чередуясь с написанием **ШѢ**, она обозначает продукт развития **tj*, **kt* + гласный переднего ряда, **stj*, **skj*. Звонкий коррелирует сочетания фонем, обозначавшегося буквой **Ѣ**, никогда не передается в ранних глаголических рукописях буквой **Ѧ**. Когда стали появляться рукописи сербского и хорватского изводов, то эту букву в чуть измененном виде стали использовать для обозначения рефлекса праславянского **dj*, который в раннем сербохорватском выглядел либо как палатальное /dʲ/, либо как звонкая палатальная аффриката, однако для обозначения его глухого соответствия не использовали букву **Ѣ**, что было бы естественно, если бы эта буква обозначала в ранних рукописях **tj*, как считали Дурново и Трубецкой.

Кемпген, считающий, как и многие другие слависты, что в первоначальной глаголице буквы **Ѣ** в значении *št* не было, предполагает, что она появилась в первоначальной глаголице в значении греческого «пси» (ср. сходство форм этих букв), и только потом под влиянием кириллицы эта буква стала обозначать в глаголице *št* (Kempgen 2008), см. прим. № 13.

Таким образом, в первоначальной глаголице вообще могло не быть букв для обозначения рефлексов **tj*, **dj*, что может свидетельствовать о том, что эти рефлексы в говоре Константина Философа были сочетаниями фонем, для обозначения которых были не нужны особые буквы. Вероятнее всего, эти сочетания фонем, так их определяет и Трубецкой, являлись палатальными обратными аффрикатами, как считал Трубецкой. Однако именно их бифонемная трактовка объясняет то, что для их обозначения не надо было создавать особых букв, а можно было использовать сочетания **ШѢ** и **ѢѢ**, поскольку буквы **Ш** и **Ѣ** обозначали фонемы, которые скорее всего были палатальными сибилантами. Хотя Трубецкой говорит о том, что невозможно определить, являлись ли /š/ и /ž/ мягкими или твердыми (в языке Константина Философа, он определяет их как «тупые сибиланты») (так он называет шипящие сибиланты) с собствен-

ным высоким тоном, а велярные /k g x/ как согласные с собственным низким тоном, а все остальные согласные он определяет как нейтральные по отношению к тону (AG 80–81)). Мягкими /š/ и /ž/ очевидно были в праславянском (AG 80), а Стойков считает, что они сохранялись и в древнеболгарском (Стойков 2002 (1993): 216). Некоторые болгарские диалекты до сих пор сохраняют мягкие /š/ и /ž/ (ibid.)⁶², причем именно в этих диалектах сохраняются и мягкие обратные палатальные аффрикаты.

Таким образом, традиционная точка зрения на значение глаголических букв ѡ и Ѣ, отказывающаяся видеть в этих буквах пару, обозначающую рефлексy *tj и *dj и отрицающая существование Ѣ в значении k', š't' или št в первоначальной глаголице вряд ли сдала свои позиции.

22.

Сначала Трубецкой иначе определял значение букв ѡ («хер») и Ѣ («паукообразный хер»), полагая, что буква ѡ обозначала греческое /kh/, а Ѣ обозначало славянское /x/:

«...Оба предположения, приводимые Н. Н. Дурново для объяснения существования в первоначальной глаголице двух знаков для х (ѡ и Ѣ) — несостоятельны. Вводить особый знак для палатального х было ненужно, ибо звук этот в греческом языке во всяком случае не был особой фонемой, а в славянских заимствованиях из греческого сочетания вроде хе (хероуѡвимъ) или хи (хитонъ) должны были восприниматься просто как экзотические фонемосочетания, но вовсе не как сочетания особых, экзотических фонем, для которых нужны были бы особые буквы. Лабиализованное х^о (если бы такое существовало в солунском говоре) вряд ли могло бы сознаваться как особая фонема, ввиду отсутствия в фонологической системе других лабиализованных звуков. Т. к. сочетания kv, gv существовали (квасъ, гвозди) и сознавались как фонемосочетания, то и **х^о (< xv), возможное лишь перед о и а, должно было

⁶² Сохраняются мягкие /š/ и /ž/ и в русских староверческих говорах Литвы — собственное наблюдение. Вероятно, на сохранение мягкости /š/ и /ž/ в данном случае повлияло произношение /š/ и /ž/ в литовском.

восприниматься как реализация сочетания $x + v$ ($x^\circ : x = kv : k = gv : g$). Наличие в глаголице букв ѡ и Ѣ становится понятным в свете грузинского алфавита. В этом последнем буквы, обозначающие фонемы, общие у грузинского с греческим, расположены в порядке греческого алфавита и с греческим числовым значением, а потом идут уже специфически грузинские буквы. Так вот, на месте греческого χ там стоит буква j, обозначающая придыхательное k, буква же b, обозначающая глухой задненебный фрикативный, находится вне греческого алфавитного ряда, среди специфически грузинских букв. Объясняется это тем, что образованные греки в то время еще произносили ϕ, θ, χ не как f, b, x , а как придыхательные p', t', k' . Полагаю, что это же объяснение годится и для глаголицы: первоначально Ѣ Н обозначало славянское x (ср. Ѥ Ѭ ѭ Ѯ ѯ, хлѣмъ в Ассем. Ев. хвала, хвалами в акростихах), а ѡ обозначало $k =$ греч. $k' (\chi)$, точно также как гл. ф обозначало $p =$ греч. $p' (\phi)$ » (Письмо Якобсону от 30 ноября 1932 г. — TLN, 263).

Позднее Трубецкой меняет свое мнение об исконном значении глаголических ѡ и Ѣ:

«Относительно ѡ и Ѣ я теперь думаю, что греческое придыхательное k' передавало не ѡ, а Ѣ, которая по форме явно есть стилизация χ . Т. о., в этом отношении порядок букв Abecedarium Vulgaricum ближе к истине, чем порядок Мюнхенского абецедария. Если так, то оказывается, что в алфавите рядышком стоят как раз три буквы, встречающиеся только в иностранных словах (точнее: могущие стоять в начале только иностранных слов): „жица“, „ферт“ и „хер“. Все они имеют то же цифровое значение, что и греческие υ, ϕ, χ ; а кроме них совпадают с греческим цифровым значением только первые буквы девяти буквенных рядов („аз“, „иже“, „ръци“) и, — неизвестно почему, — еще „слово“ и „твьрдо“» (Письмо Якобсону от 24 сентября 1935 г. — TLN, 347).

В «Старославянской грамматике» представлена именно эта точка зрения (AG 28–30). Она же представлена в упоминаемой Трубецким его статье в «Глотте», посвященной интерпретации двух X (Trubetzkoу 1936).

Однако предположение о том, что одна из глаголических букв обозначала заимствованное из греческого «мягкое х» (Дурново 1929; 1930) и сейчас имеет сторонников (ср., напр. Tkadlčik 1964: 188, 191; Иванова 1969; 1998). Вряд ли

правомерно отвергать гипотезу о том, что одна из глаголических букв обозначала «мягкое х» на том основании, что такой фонемы не было ни в греческом языке, ни в славянском языке IX века. Если мы обратим внимание на современную греческую норму и на греческие диалекты, то увидим, что рефлексы греческих /l n x g/ перед /j/ и перед /i/ и /e/ являются в них самостоятельными фонемами, поскольку после ассимиляции с ними *j*, развившегося из первого (переднего) гласного в сочетании со вторым (задним) гласным, появилась позиция противопоставления палатальных и непалатальных согласных перед задними гласными⁶³ (см. примеры у Арванити (Arvaniti 2007: 112–113): *κῦάλι* /cali/ «полевой бинокль», *ἰκταούρης* /jauris/ «язычник», *χιόνι* /ɕonin/ «снег», *γυάλα* /jala/ «очки», *νιάτα* /ɲata/ «молодежь», *παλιός* /paɻos/ «старый», *Κιάτο* /cato/ — название города, ср. непалатальные перед задними гласными *γάλα* «молоко», *κάτω* «вниз» и т. п.). О существовании палатальных фонем в греческих диалектах см. также (Thumb 1928: 23). Ньютон отмечает наличие палатальных или их рефлексов из /k/, /χ/, /γ/ во всех греческих диалектах. Исконное /k/ представлено по диалектам как /k'/, /t^s/ или /č/, а исконное /χ/ как /x'/, /š/ или /s/ (Newton 1971; 1972: 131–136). Отметим также, что появление палатальных согласных — характерная черта балканского языкового союза.

⁶³ В книге Ньютона (Newton 1972), написанной в духе первых работ по генеративной фонологии, основывающихся на книге Хомского и Халле «The sound pattern of English» (1968), в которой все исторические фонологические изменения представлены в виде синхронных правил, последовательность синхронных правил при образовании греческих палатальных представлена так: вначале происходит сдвиг ударения в сочетании передней и задней гласной (*εννεα ενέα > ενυά*), затем — палатализация согласной (*ενυά > εν'υά*) и последним правилом является упразднение йота (*εν'υά > εν'ά*) (Newton 1972: 131–149). Фактически Ньютон представил последовательность исторических изменений, первым этапом которых был сдвиг ударения в компонентах исконного сочетания передних и задних гласных.

Трубецкой допускает, что палатальные l , n < lj , nj в греческом просторечии в IX уже были особыми фонемами см. прим № 22). Вполне вероятно, что и параллельное изменение в области велярных происходило одновременно с изменением l и n . Об этом свидетельствуют данные Махарадзе, которая проанализировала написание греческих заимствованных слов в древнегрузинских рукописях. Она отмечает, что в IV–VII вв. греческое χ во всех позициях передается грузинским k , однако в более поздних рукописях наблюдается разная передача греческого χ перед передними и задними гласными. В некоторых памятниках греческое χ перед передними гласными передается грузинским альвеолярным сибилантом \check{s} , а в остальных позициях грузинским X , ср. груз. *šere* передает греч. *χαίρε*, *šerson* < *χερσον*, *arši* < *αρχή*, *anarxo* < *ἀνάρχου*, *ixnesi* < *ἰχνεσι*, *xoreve* < *χόρευε* и т. п. (Macharadse 1980: 156–158). Фонема $/\check{s}/$ на месте исконного греческого χ перед передними гласными характерна для многих современных греческих диалектов (см. выше Newton 1972). Эти данные свидетельствуют о том, что предположение о том, что в солунском греческом Константина могла быть фонема палатальное $/x'/$, которая проникла в заимствованных греческих словах в славянские переводы Константина Философа и Мефодия, вполне вероятно. Соответственно, вполне вероятно и предположение о том, что одна из букв первоначальной глаголицы обозначала эту заимствованную из греческого фонему, тем более что в пользу этого предположения говорит и название одной из глаголических букв X «херувим», слова, заимствованного из греческого, в котором X стоит перед передней гласной (т. е. в одной из позиций образования греческого палатального $/x'/$). В пользу того, что именно ю обозначала в первоначальной глаголице $/x'/$ и называлась «херувим» говорит ее место в большинстве абecedариев среди фонем, заимствованных из греческого (после «ферта»), тогда как «хвала» (или, возможно, у Храбра «холм») азбучных молитв стоит в самом конце алфавита среди букв обозначающих незаимствованные из греческого славянские фонемы (т. е. первоначальная гипотеза Трубецкого кажется мне ближе к истине, чем его концепция, изложенная в АГ). В таком случае, остается, правда, неясным, почему ю вытеснило ѡ в значении славянского $/x/$ (подробнее об этом см. Иванова 2004).

Обычно считается, что два *X* были характерны только для солунского этапа глаголицы, однако Мареш высказал предположение о том, что второе *X* было введено только в Моравии для обозначения фарингального спиранта /h/ (Mareš 1973: 181, 184–185), что не нашло поддержки.

23.

Когда Трубецкой говорит о непоследовательности глаголицы при обозначении палатальных *ḷ, ṇ, ṛ*, он предполагает, что в солунском славянском Константина и Мефодия существовало противопоставление /l/ — /ḷ/, /n/ — /ṇ/, /r/ — /ṛ/ перед гласными переднего ряда. Однако, хотя действительно более архаичными являются южнославянские диалекты с противопоставлением палатальных и дентальных перед гласными переднего ряда, в целом ряде славянских диалектов, в том числе и в южнославянских, еще до падения еров произошло совпадение палатальных и дентальных перед передними гласными. Об этом писал и Трубецкой в письме к Якобсону от 22.XII, 1926 г.: «краепалатальные *ḷ, ṇ, ṛ* совпали с мягкими зубными *l', n', r'* в ляшск., луж., русск. и м.б. в части болгарск.» (разрядка моя — Ю.К.) еще до падения редуцированных (TLN, 98). Раннее совпадение *ḷ, ṇ, ṛ* с *l, n, r* перед передними гласными было характерно для целого ряда западноболгарских и македонских говоров (Miletič 1911: 42–43, 181–182, 221–223, 248; Попова 1962: 3, 8, 11; Калнынь 1961: 124; Конески 1986: 57–58). По-видимому, нет противопоставления этих фонем и в говорах деревень Сухо и Высока, расположенных неподалеку от Солоник (Голомб 1962–1963: 244). Отсутствия противопоставления /l/ — /ḷ/, /n/ — /ṇ/, /r/ — /ṛ/ перед передними гласными в солунском говоре Константина не исключал известный американский славист Лант, который, правда, все же предпочитал традиционную точку зрения (Lunt 1974: 24–25). По-видимому, такая же нейтрализация оппозиции /l/ — /ḷ/, /n/ — /ṇ/, /r/ — /ṛ/ была характерна и для языка моравских и паннонских славян (см., напр., Komárek 1954: 22; Калнынь 1961: 24), т. е. эта черта, подобно неразличению /a/ и /æ/ после палатальных согласных (см. выше) подходила и для передачи на письме особенностей моравского диалекта. Разделяя точку зрения Трубецкого о том, что в солунском говоре Константина были передние огубленные гласные /ö/ и /ü/

(см. прим № 16), Хольцер считает, что противопоставления /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ в солунском диалекте вообще не было, поэтому Константин его и не обозначил (Holzer 2006: 39–40). Действительно, если перед гласными переднего ряда противопоставления /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ не было, то единственной позицией их противопоставления могла быть позиция перед гласными заднего ряда. По традиционной точке зрения палатальность /l̥/, /n̥/, /r̥/ обозначалась гласными буквами **Ϸ** ('у) и **ϸϸ** ('о). Однако при интерпретации этих букв, как букв, обозначающих гласные переднего ряда /ü/ и /ö/, которая была предложена Трубецким, позиций противопоставления /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ в славянском языке солунских братьев не было. Перед передними гласными стояли [j], [ɲ], [r̥], перед задними [l], [n], [r]. Вопрос в том, насколько справедлива интерпретация Трубецкого букв **Ϸ** и **ϸϸ** (см. прим. № 16).

Трубецкой считает, что противопоставление палатальных *l̥, n̥, r̥* и непалатальных *l n r* не обозначено у Константина Философа, поскольку палатальные *l' n' r'* были по Трубецкому признаком просторечия в греческом IX века, а он в своем «греческом графическом мышлении» ориентировался на высокий стиль. При этом Трубецкой допускает, что *l' n' r'* в греческом просторечии уже были особыми фонемами (см. выше).

Если справедливо традиционное предположение о значении букв **Ϸ** и **ϸϸ** (см. выше) и, если действительно в солунском говоре Константина противопоставление *l̥, n̥, r̥* и *l n r* было нейтрализовано в положении перед гласными переднего ряда, то можно себе представить, что именно способ передачи палатализации согласных в просторечном греческом мог послужить для Константина образцом для передачи палатализованных⁶⁴ *l' n' r'* в солунском говоре. Обозначение палатальности согласных гласными буквами соответствовало греческому графическому мышлению IX века. В это время в греческом уже

⁶⁴ Я называю *l', n', r'* палатализованными, а не палатальными, поскольку их оппозиция с *l n r* была нейтрализована в солунском говоре перед передними гласными (см. выше). О фонологическом различии между палатализованными и палатальными см. Трубецкой 1960, см. также Чекман 1979, 44–54.

существовали палатальные /l' n'/, источниками которых были сочетания этих согласных с передними гласными, стоящими перед задними гласными (см. прим. № 22). Палатализация этих согласных обозначались в греческом эпохи Константина так же, как она обозначается и сейчас, т. е. последующей гласной буквой (см., напр., *εννεα* /en'a/, *γονια* /гон'а/, *λιονταρι* /l'ontari/, *ελια* /el'a/ — Thumb 1928: 23; Newton 1972). Трубецкой тоже считает, что палатальные согласные, развившиеся из *l* и *n* в позиции перед дифтонгом с первым передним компонентом, были характерны уже для греческого IX века (см. AG 30–31), а Стёртевант отмечал, что палатальные появились в греческом еще раньше (Sturtevant 1920: 63). В греческом графическим показателем палатализации согласных перед задними гласным в IX веке, так же как и сейчас, была гласная буква, обозначающая исконную переднюю гласную. Вероятно, такой исторически сложившийся способ передачи на письме мягкости согласных и был использован создателями славянских алфавитов, ориентировавшихся в первую очередь на греческое «графическое мышление». Таким, очевидно, было обозначение мягкости согласных в кириллице, которая в форме букв более соответствует греческому образцу, поскольку первая часть букв **ѣ** и **ю** очевидно соответствует греческой йоте. В глаголице непосредственная связь с греческой графикой не столь очевидна: в первой части букв **р** и **ѣ** мы не видим глаголической йоты⁶⁵ (Кузьменко 1985а: 50). Однако и в глаголице сохраняется принцип передачи палатализации согласных последующими гласными буквами.

Если верно, что необозначение исконного противопоставления дентальных и палатальных согласных перед гласными переднего ряда в древнейших глаголических и кириллических памятниках объясняется тем, что такого противопоставления в славянском языке солунских братьев и, возможно, в славянском языке Моравии, не было, и если верно, что палатальность согласных перед гласными заднего ряда по греческому образцу

⁶⁵ Галабов считает, что треугольник в буквах **а**, **ѣ**, **ѣ**?, **р**, **ѣ** может быть знаком палатализации или йотирования (Гъльбов 1980: 50). Однако треугольник есть и в букве **ѣ** (s).

обозначались в созданной Константином графической системе последующими гласными буквами, то оказывается, что Константин философ на практике осуществил тот графический прием, который был в 1928 году предложен Яковлевым в качестве формулы создания оптимального алфавита (Яковлев 1970 (1928))⁶⁶. Яковлев считал, что число букв в алфавите может быть уменьшено за счет того, что отличие парно различающихся согласных фонем может быть передано на письме различием гласных букв. Он считал, что в таком случае

«количество букв в алфавите может быть уменьшено на следующую величину: $(C' - \Gamma')$, где C' — число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными, а Γ' — число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с выше указанными парно-различаемыми согласными» (Яковлев 1970 (1928): 131–132).

Яковлев объясняет эту формулу на примере русского языка. Однако представляется, что именно передача противопоставлений твердых и мягких согласных в русском послужила для Яковлева основанием для выведения его формулы. Яковлев просто эксплицировал тот графический прием, который был использован Константином Философом для передачи противопоставления палатализованных и непалатализованных *l, n, r*.

24.

Скорее всего источником глаголического **Ѣ** было самаритянское **𐤄**. В греческом эпохи Константина исконный звонкий губной смычный был уже щелевым. Браунинг считает, что изменение греческих $/b/, /d/, /g/ > /v/, /ð/, /ɣ/$ завершилось до II века н. э. (Brownig 1969: 34). Поэтому в качестве буквы для $/b/$ Константин не мог использовать букву, соответствующую греческому β . Не стал он использовать эту букву и для обозначения славянского $/v/$, поскольку в одной позиции (в

⁶⁶ О том, что отношение между гласными и согласными в русской графике можно выразить математической формулой еще раньше писал и Бодуэн де Куртене (1912: 67).

положении после носовых) греческое β продолжало обозначать смычный. Для обозначения славянского /v/ Константин избрал латинский образец (Ϸ < v). А для обозначения старославянского /b/ Константин использовал самаритянскую букву *mit* /m/, которая по своей форме абсолютно совпадает с формой глаголического **Ѣ** и отличается от него только поворотом, естественным для письма справа налево. Смычный /b/ обозначался в греческом эпохи Константина сочетанием букв *μλ* (только в таком сочетании сохранялось смычное произношение /b/), и так обозначается смычное /b/ и в современном греческом⁶⁷, поэтому в качестве знака, обозначающего славянский смычный /b/ Константином-Философом была выбрана самаритянская буква со значением /m/⁶⁸.

25.

Трубецкой рассматривает **Ѧ** и **ѧ** как вторичные варианты **Ѧ** (именно такая форма была у буквы, обозначавшей /l/, в Киевских листках) и **ѧ**.

26.

В данном разделе в издании Р. Ягодича допущена описка, связанная, вероятно, с тем, что мы имеем дело с копией оригинальной рукописи. Среди букв симметричной формы с асимметричным добавлением вместо стоит , которое есть и в группе букв с перпендикулярной симметрией (AG 34–35).

27.

Сокращения Трубецкого: ЗОГР — Зографское евангелие, МАР — Мариинское евангелие, АСС — Ассеманиево евангелие, СИНПС — Синайская псалтырь, КЛ — Киевские листки, КЛОЦ — Клоцев сборник. Синайский молитвенник обозначен Трубецким

⁶⁷ См. предположения Ягича о том, что источником **Ѣ** была греческая лигатура *μλ* (см. с 31).

⁶⁸ О возможности влияния самаритянского алфавита на глаголицу писал Селищев, который, правда, предполагал источником глаголического **Ѣ** самаритянское /b/ (Селищев 1952), которое скорее могло быть источником кириллического **Б**.

Euch. (Euchologium Sinaiticum); в соответствии с другими сокращениями я переводил Euch. как СИНМОЛ.

28.

Вопрос о том, существовали ли в старославянском назализованные гласные и какими буквами они обозначались в первоначальной глаголице продолжает оставаться дискуссионным. Мысль о том, что в общеславянском праязыке не было носовых гласных возникла у Трубецкого вероятно еще при написании «Опыта», о чем свидетельствует его письмо Якобсону от 7.03. 1921 года (!):

«...Чем доказывается существование носовых (назализованных) гласных в общеславянском языке? Всюду, где такие гласные якобы засвидетельствованы на письме или в заимствованных словах, на самом деле засвидетельствованы чистые (неназализованные) гласные + носовые согласные. В литературном польском языке настоящая назализация употребляется только в определенных положениях (перед *l* и перед фрикативными), в части польских говоров *a* и *e* всегда звучат как французские *on* (*an*) и *in*, но в большинстве этих говоров *a* и *e* назализуются в открытом слоге перед носовой согласной, так что и здесь *e* может быть выведено из *eⁿ*. В тех новоболгарских македонских говорах, которые якобы сохранили юсы, на самом деле тоже имеется *ь + n*, *e + n* (напр. Костурск. *зъмб*, *пънт*, *ренд*) с утратой *n* перед фрикативными, и то же самое надо предполагать и для вымерших семиградских болгар на основании сохранившихся текстов. Что касается до старославянского языка, то тот факт, что «юсы» передаются особыми знаками, а не сочетанием знаков *ь*, *ь*, *e + n*, *м* ничего не доказывает, ибо, во-первых, группа *шт* в глаголице передается единым знаком **ѡ**, неразложимым на *ш* (**ш**) + *т* (**т**), а во-вторых, редуцированная носовая качественно слишком отличалась от обычного *н*, *м* и встречалась лишь в положении не перед гласной, что мешало выделить ее как особый самостоятельный звук. Во всяком случае, тот факт, что глаголица пользуется для обозначения **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**, в которых как второй элемент входит один и тот же знак **Ѣ** (**Ѣ** = **ѡ**, **Ѣ** = **ѡ**, **Ѣ** = **ѡ**, **Ѣ** = **ѡ**) свидетельствует о том, что во всех этих фонемах был какой-то общий элемент, т. е. скорее всего редуцированная носовая согласная: Кирилл и Мефодий физиологии звуков речи не знали, и для них «назализованные согласные» не представляли особого «класса» звуков, точно так же, как не существовало в их

сознании классов «лабиализованных» гласных или «гласных переднего ряда» (TLN, 18–19).

Позднее в письме к Дурново (от 1.04. 1925 г.) Трубецкой повторяет эту же аргументацию:

«...Раздельные написания **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ** в этих памятниках прямо изображают $\bar{\epsilon}^n$, \bar{e}^n , $\bar{\epsilon}^n$. Обычное токование **ѣ** как знака «назализации» меня не удовлетворяет потому, что в языках, знающих назализованные гласные как особые фонемы, назализация не выделяется сознанием как отдельный признак или отдельная фонема, и потому, что в глаголическом алфавите буквы в принципе обозначают фонемы [...]. Поэтому **ѣѣ** могло обозначать только особый выделяемый сознанием звук — именно, редуцированную носовую согласную» (TLN, 431).

Предположение Трубецкого о том, что глаголические буквы **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ** являются лигатурами, вторая часть которых (**ѣ**) обозначает особый, отличный от обычного /n/ носовой согласный /N/, разделяется многими современными славистами (см., напр., Mareš 1973: 147, 154; Велчева 1978: 60; 1980: 41–48; Marti 2014). Оппоненты Трубецкого замечали, однако, что, если бы носовые гласные были сочетанием орального гласного с носовым согласным, то компонентом такого сочетания должно было бы быть обычное /n/, т. е. **ѣ** глаголицы (Martinet 1955: 354; Mošin 1973: 44). Во многих западноболгарских (и македонских) диалектах исконные «юсы» представлены именно как сочетание гласного с обычным /n/ (см., напр., Ivanov 1922: 95–97; Младенов 1970: 205–206; Иванов 1977: 66–67; Велчева 1978; 1979: 79), о чем пишет в письмах и сам Трубецкой (см. выше). Аврам предположила, что глаголическое **ѣѣ** обозначало имплозивное *n*, а глаголическое **ѣ** — эксплозивное *n* (Avram 1978: 23). Однако даже если в старославянском и были эксплозивное и имплозивное *n*, то они должны были бы быть аллофонами одной фонемы (как эксплозивное *n* в *a nate* и имплозивное *n* в *an aim* в английском), и для них не надо было придумывать разных букв. Веским доводом против бифонемной трактовки «юсов» является отсутствие морфологической и слоговой границы между элементами, обозначаемыми в глаголице как **ѣѣ**, **ѣѣ**, **ѣѣ**. Кроме того, предполагаемая Трубецким трактовка этих букв как сочетаний гласного с особым носовым согласным противоречит и основному фонотактическому правилу, по которому в

старославянском были возможны только открытые слоги, и слогов и слов с конечным согласным быть не должно было. Но именно закрытыми оказываются слоги с **ѡѢ**, **ѣѢ**, **ѡѣ** при интерпретации их как сочетаний *eN*, *oN* и *öN*. Написание **†ѡѣѡѣѡѣ**, встречающееся в Синайской псалтыри (см. ССС 70, см. также Fetková 2000) может трактоваться как указание на исконное консонантное значение буквы **ѡ**, т. е. подтвердить гипотезу Трубецкого (см. выше), однако, возможно, таким образом обозначалось носовое /a/ (т. е. фонема назализованное /a/ могла существовать в некоторых говорах наряду с носовыми /ɛ/ и /ɔ/, см. реконструкцию назализованного долгого и краткого *a* в на ранней стадии древнепольского).

О том, что носовые гласные были возможны в старославянском, свидетельствуют и те болгарские и македонские диалекты, которые сохраняют назализованное их произношение. Младенов отмечает, что в говорах Солунского края исконные носовые гласные «до сегодняшнего дня сохраняют свой носовой характер», хотя в некоторых случаях рефлексы исконных носовых гласных произносятся только со слабой склонностью к назализации (Младенов 1970: 205–206), о произношении носовых гласных в некоторых позициях писал и Иванов (Ivanov 1922).

Не вполне прав Трубецкой и когда говорит о том, что назализация не может осознаваться средневековым создателем алфавита как особый признак. Автор Первого исландского грамматического трактата (начало XII в.), доказывая необходимость введения особого обозначения древнеисландских носовых гласных, ясно говорит об особом признаке, общем для всех носовых гласных «...но каждая из этих девяти букв (имеются в виду буквы, обозначающие оральные гласные — Ю. К.) образует новую букву, если ее произнести в нос...» и предлагает обозначить этот признак точкой над буквой (Den første...1886: 25; Кузьменко 2013). Типологическое сходство в данном случае очевидно: и Константин и автор Первого исландского трактата воспринимали назализованные гласные как оральные плюс назализация и обозначали назализацию и в древнеисландском и в глаголице буквами, обозначающими оральные гласные плюс знак назализации. Похожим на глаголический способом пользовались и старопольские писцы, обозначавшие назализацию знаком **Ų**. В старопольских рукописях носовые гласные часто

либо вообще не обозначались, либо обозначались сочетанием гласной + согласная *n*. Однако существовал и другой способ передачи польских носовых гласных. Они обозначались особым значком, похожим на перечеркнутое *o* (O), который ставился рядом с буквой, обозначающей оральную гласную ($e\text{O}$, $o\text{O}$), либо знак O сам обозначал носовую гласную — Klemesiewicz 1974: 93). Эта ситуация очень напоминает ситуацию с обозначением носовых гласных в глаголице. Представляется возможным предположить, что в глаголических буквах ѡѢ , ѣѢ , ѡѢ вторая часть обозначает не особую согласную фонему, а признак назализации (Колесов 1973: 170–175; Кузьменко 1985а: 51–52; Кривко 2004: 108).

Что касается вопроса о том, какие буквы обозначали носовые гласные в исконной глаголице, то ранние глаголические рукописи, с одной стороны, и абецедарии и азбучные молитвы, с другой, часто противоречат друг другу. Соответственно отличаются друг от друга и гипотезы о количестве первоначальных юсов в глаголице. Трубецкой, считавший, что те фонемы, которые традиционно рассматривались как носовые гласные, представляют собой сочетание гласного с особым носовым согласным, предположил, что Ѣ в первоначальной глаголице обозначало именно этот согласный. Соответственно ѡ и ѣ в диграфах ѡѢ , ѣѢ обозначали оральные /*o*/ и /*e*/, а первая часть диграфа ѡѢ переднее огубленное /*ö*/, см. прим. № 16). Часть славистов поддержала Трубецкого (см., напр., Mareš 1973: 147, 154; Велчева 1978: 60; 1980: 41–48). Те, кто не разделяет его точку зрения на существование передних огубленных гласных, разделились на две группы. Одни считают, что в первоначальной глаголице было два юса ѡ (*o*) и «неясный носовой в конце алфавита» (Дурново 1930: 41) или ѡ (*o*) и Ѣ (*e*) (Marti 2000: 59), другие склонны поддержать традиционное предположение о существовании трех юсов (Колесов 1973; Попов 1997: 36–37).

Рассмотрим подробнее материалы, которые позволяют установить количество юсов в первоначальной глаголице. В ранних глаголических рукописях чаще всего употребляются три юса (как ѡѢ , ѣѢ , ѣѢ или Ѣ) или, соответственно, в кириллических рукописях ѡ , ѣ , Ѣ . В тех областях, где противопоставлялись палатальные и дентальные сонорные согласные

перед гласными переднего ряда (см. прим. 22), возможны были четыре юса как **Ѳ**, **ѳѲ**, **ѳѳ**, **ѳѲ** (кириллические **Ѧ**, **ѧ**, **Ѩ**, **ѩ**).

В Парижском абецедарии только один юс **ѳѲ**, который назван “hie”. В Мюнхенском абецедарии два очевидных юса **ѳѳ** и **ѳѲ**. Возможно, третий юс стоит перед **Ѳ**. Однако форма этой буквы не слишком похожа на отдельно стоящую левую часть **ѳѲ**, за которую ее иногда принимают (см. Дурново 1929: 594; AG 20; Зализняк 1999: 547, 550; Marti 1999: 185). Есть и другая интерпретация этого знака: Кривко считает ее повернутым на бок глаголическим большим юсом **ѳѳ** (Кривко 2004: 108), вероятно основываясь на предположении Трубецкого, что некоторые буквы глаголицы приобрели новую форму в кириллице путем поворота на бок. К таким буквам Трубецкой относил **Ѩ** (> **ѧ**), **ѩ** (> **ѧ**), **ѳѳ** (> **Ѧ**), **ѳѲ** (> **Ѩ**), **ѳѲ** (> **ѩ**) (AG 39). Если правы первые, хотя непонятная буква мало похожа на первую часть **ѳѲ**, то перед нами единственный случай самостоятельного употребления знака **ѳ**, который реконструируется Трубецким, как буква первоначальной глаголицы, обозначающая /ö/ (AG 20, 22). Если правы вторые, то перед нами первый случай поворота буквы на бок. Однако по-разному трактуя букву, стоящую перед **Ѳ** в глаголической части Мюнхенского абецедария, все слависты считают ее буквой, соответствующей одному из юсов, т. е. количество юсов в Мюнхенском глаголическом абецедарии соответствует количеству юсов большинства ранних глаголических и кириллических рукописей. В двух самых ранних берестяных азбуках тоже три юса. В самой ранней грамоте № 591 (XI в.) три юса традиционной формы **ѩ**, **Ѩ**, **Ѧ**, а в грамоте № 778, также относящейся к одной из ранних, два больших юса и один малый юс, причем один из больших юсов имеет редкую форму без вертикального штриха (Зализняк 1999: 559). Похожую форму отмечают и в древнеболгарской надписи на свинцовом амулете из Орешака (под Варной), где она сочетается с большим юсом йотированным тоже без вертикального штриха (Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 119). Эта надпись заставляет Зализняка предположить, что форма юса без штриха появилась в Болгарии и оттуда была заимствована на Русь (Зализняк 1999). Во многих поздних абецедариях, и в азбучных молитвах либо вообще нет юсов, либо только один юс, либо два юса. Два юса есть в считающемся самым ранним алфавитном акростике Констан-

тина Преславского, последние три строки которого начитаются на «юже», «юн» и «язык», указывают на последовательность **ѣ** (**ѣ**), **ю** (**р**), **ѣ** (**ѣ**). В трех опубликованных Ивановой-Константиновой (1971) алфавитных акростихах две строки на «юже», которое пишется и с **ѣ** на 34 строке и с **ю** на 35 строке и слово **ѣ**ЗЫЦИ на последней 36 строке. У Храбра тоже только два юса: **ѣ** и **ѣ**.

В старославянском фактически не было слов, начинающихся на /jɔ/ в начале слова (в глаголических рукописях возможно только вин. пад. ед. числа ж. рода **ѣ**(**же**) «ее, ту» от местоимения **и** и наречие **ѣ**ДОУЖЕ «где» ССС 808). Фонологическая нагрузка противопоставления /ɔ/ — /jɔ/ в этой позиции была ничтожно мала. Хотя **ѣ** часто встречалось между гласными в середине слова (см. формы типа **ч**ОУ**ѣ**, «чую», **в**ѢРОУ**ѣ** «верую», **ж**ЕНО**ѣ** «женою (твор. ед. ж. р.)» , **д**ОБР**ѣ**Ж «добрую» и т. п.), оно не противопоставлялось в этой позиции сочетаниям гласных без срединного [j], т. е. в старославянском Константина не было противопоставления /jɔ/ — /ɔ/ и в этой позиции, также как в нем не было и противопоставления /ɛ/ — /jɛ/ (см. прим. № 22). Единственная позиция, где буква **ѣ** была нужна, это позиция, где она обозначала палатальность /l n r/. Только в этой позиции большой «юс» йотированный **ѣ** противопоставлялся большому юсу нейотированному (см. формы типа **в**АР**ѣ**, **б**ОР**ѣ**, **в**ЕЛ**ѣ**, **з**ЕМЛ**ѣ**, **б**РАН**ѣ**, **б**ОГЫН**ѣ**, **н**О **в**ЕР**ѣ**, **ж**ЕН**ѣ**, **с**ТРАН**ѣ**, **п**ИЛ**ѣ** и т. п.). Два малых юса, простой и йотированный, были нужны только для тех областей, где существовало противопоставление палатальных и дентальных перед гласными переднего ряда. А поскольку, как было показано выше (см. прим. № 22), в солунском говоре Константина Философа такое противопоставление могло быть нейтрализовано, нужен был только один малый юс. Если следовать предположению о двух юсах в первоначальной глаголице, обозначавших назализованные /ɛ/ и /ɔ/, то пришлось бы принять, что Константин Философ не обозначил противопоставления палатальных и дентальных сонорных типа **в**АР**ѣ** — **в**ЕР**ѣ**, что мало вероятно, поскольку все остальные фонологические противопоставления нашли выражение в первоначальной глаголице. Поэтому предположение о трех юсах вполне допустимо. В пользу такого предположения говорит Мюнхенский алфавитарий, две ранние новгородские азбуки, использование

трех юсов в ранних глаголических рукописях и реконструкция фонологической системы славянского говора Константина Философа. Тогда как в пользу двух юсов говорят только поздние аббедарии.

29.

Трубецкой подробно объясняет свою точку зрения на диакритические знаки Киевских листков в письме к Якобсону от 24.09.1935:

«...Диакритические знаки Киевских листков я, кажется, теперь совсем разобрал. Главная трудность, конечно, в том, что у некоторых из них по две функции. Относительно акута это установили уже Вы* (кстати, казавшиеся Вам неправильными ударения *v'esen* и *v'semogyi* совсем правильны: с первым ср. русск. *v'ovse*, указывающее на то, что ударение первоначально лежало на «ере»); второе же просто не есть сложное слово, а сочетание двух слов. Гораздо труднее объяснить ударение *d'ostoini*. Циркумфлекс имеет три функции: 1) указывать, что две буквы принадлежат к одному слову или одному слогу, 2) заменять акут и гравис на нек. слогах с двубуквенным исходом (а именно: акут в функции ударения заменяется через цирк. над *on*, в функции знака неслиянного произношения гласных — над *y* перед гласной; гравис заменяется циркумфлексом над *en* в многосложных словах) и 3) отличать род. пад. мн. ч. (в отличие от им.-вин. м. р. ед. ч.). Все это можно понять только в свете греческой графики. Заметьте, гравис стоит только на конечном слоге, циркумфлекс — на конечном или на предпоследнем, акут — на каком угодно; совсем как по-гречески! По статистическому подсчету, произведенному мною в греч. тексте Евангелия циркумфлекс стоит в $\frac{2}{3}$ случаев над «дифтонгами», причем над некоторыми из «дифтонгов» акут и гравис не стоят никогда, на других — гораздо реже, чем циркумфлекс (напр., *oŭ* в пять раз чаще, чем *oú*, *où*; *ěi* в четыре раза чаще, чем *éí*, *èì*, и только над *ai* гравис преобладает, благодаря часто встречающемуся слову *kaì*). Если взять все случаи, где (в данном греческом тексте) циркумфлекс падает на «недифтонгическую» гласную, то окажется, что половину этих случаев составляет окончание род. пад. мн. ч.

* R. Jakobson. *Český verš pred tisíci lety* // *Slovo a slovesnost* I, 1935, 50–53.

Мудрствования Вондрака^{**} ни к чему: циркумфлекс над ъ в Киевских листках просто на просто воспроизводит употребление греческого циркумфлекса над окончанием род. пад. мн. ч. В греч. письме Ак. Sg. основ на *ο* отличался от G. Pl. двумя чертами: во-первых, в Ак. Sg. было *ον*, а в G. Pl. *ων*, во-вторых, при ударяемости в Ак. Sg. был гравис, а в G. Pl. циркумфлекс. Первую черту по-славянски воспроизвести нельзя было, т. к. для ъ существовала только одна буква. Оставалось воспроизводить одну только вторую черту, а именно ставить над ъ в G. Pl. циркумфлекс. Только \sim (знак долготы) невыводим из греческого^{***}. Однако он не выводим и из латинского. Любопытно, что у южных славян этот знак в своем старом употреблении совсем исчез, у чехов же как будто удержался до XIV в.: ведь в апокрифах начала XIV в. (Jid., Ap., Pil. и т. д.) долгота, по словам Гебауера, обозначается именно опрокинутым полукругом. Это говорило бы в пользу Вашей теории о живости кирилло-мефодиевской традиции в Чехии» (TLN, 347–348).

30.

Трубецкой считал, что в старославянском говоре Константина палатальные и дентальные сонорные противопоставлялись перед передними гласными. Если это было действительно так, то Константин философ заслужил упрек в необозначении противопоставления /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ в этой позиции. Однако вполне вероятно, что в говоре Константина произошла нейтрализация этих оппозиций перед передними гласными (подробнее об этом. см. прим. 23). В таком случае неразличение /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ перед передними гласными в первоначальной глаголице отражало фонологи-

^{**} V. Vondrák. O původu Kijevských listů a Pražských zlomků. Prague, 1904.

^{***} В сборнике «Зборник радова Византолошког института», VIII, Београд, 1963, с. 165. Якобсон замечает, что ранней византийской науманической традиции (') ὀξεῖα, церковнославянская стрѣла появляется только в ударных слогах и обозначает повышение; (˘) βαρεῖα, палъка, обозначает понижение; а (˘) κλάσμα, чашька, обозначает удлинение. (Примечание Якобсона к TLN, 348).

ческую систему говора Константина. Знаки палатализации и соответствующие буквы были необходимы только для письменности тех славянских областей, в которых /l/ — /l̥/, /n/ — /n̥/, /r/ — /r̥/ противопоставлялись перед передними гласными.

31.

Гранстрём считает, что во многих случаях сокращения сакральных слов в ранних глаголических и кириллических рукописях следуют латинскому образцу. К таким словам она относит «святой, церковь, глаголить, цесарь, ангел, апостол, сердце, благословение, владыка, пророк, мученик, мученица, миловать, молитва, епископ, архиепископ, язык, поп» (Гранстрём 1954: 429). О сокращении сакральных слов см. также Traube 1967; Grom 2010.

32.

В ЗОГР слово «дух» сокращается только в значении «святого духа», а в сочетании «дух нечистый», оно пишется полностью (Гранстрём 1954: 429).

33.

Термин Трубецкого, который он, по-видимому, заимствовал из английского.

34.

Основанием для такого утверждения служит представленное в поздних глаголических памятниках значение 1000 у глаголической буквы *ч* и значение 2000 у буквы *ш*. Кроме того, Константину Философу было известно обозначение цифр в армянском алфавите, с которым он очевидно был знаком, и в котором буквы с 28-й по 36-ю обозначали тысячи. Однако, поскольку в самых ранних глаголических памятниках нет числового значения у букв, стоящих в конце алфавита (**Ѫ, ѫ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, ѱ, Ѵ, Ѷ** ...), традиционно предполагают, что в первоначальной глаголице не было букв, обозначающих тысячи, и те обозначались так же как в греческом и в кириллице — первыми девятью буквами с добавлением особого знака (косая линия у левого нижнего края буквы, перечеркнутая двумя короткими чертами).

Литература к комментариям переводчика

- Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки І и Ү // *Вестник МГУ*, 1947, № 1. 41–57.
- Арцруни А. *Славянская культура и армянское просветительство*. М., 2004.
- Бауэр Я. Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии // *Magna Moravia. Sbornik k 1100. výročí příchodu byzantské mise na Moravu*. Praha, 1965. 469–492.
- Богдан Д. П. Добруджанская надпись 943 года. Палеографический и лингвистический очерк // *Romanoslavica I*, 1958. 88–104.
- Бодуэн де Куртене И. А. *Об отношении русского языка к русскому письму*. СПб. 1912.
- Велчева Б. Которые 38 букв создал Константин Философ? // *Славянские культуры и Балканы*. София, 1978. 57–61.
- Велчева Б. Въпросът за Щ в глаголическата азбука // *Известия на институт за български език*. София, 1973. 73–104.
- Велчева Б. Назализмът в българските говор на Сухо и Висока Солунско // *Изследования върху историята и диалектите на българския език*. София, 1979. 78–82.
- Велчева Б. *Праславянски и старобългарски фонологически изменения*. София, 1980.
- Вереекн Ж. Название глаголических букв и иудейско-христианская традиция // *Старобългаристика XX*, № 1, 1995. 5–10.
- Верещагин Е.М. *Из истории возникновения первого литературного языка славян: Переводческая техника Кирилла и Мефодия*. М., 1971.
- Верещагин Е. М. *Кирилло-Мефодиевское книжное наследие*. Москва, 2012.
- Высоцкий С. А. *Древнерусские надписи Софии Киевской*. Киев, 1966.
- Гардхаузен В. Греческое письмо IX–X столетий // *Энциклопедия славянской филологии*. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1911. 37–50.
- Георгиев В. И. Възникването на палаталните съгласни к' и г' от ш'т', ж'д' в югозападни български говори // *Български език* 1982, г. XXXII, кн. 5. 398–404.
- Георгиев Е. Съществува ли още глаголитически въпрос в славянската филология // *Glagoljica. Zbornik radova*. Zagreb, 1971 (Slovo XXI). 95–113.

- Георгиев Е. *Славянская письменность до Кирилла и Мефодия*. София, 1972.
- Голомб З. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // *Македонски јазик*. Скопје 1963–1963. Т. XIII–XIV, кн. 1–2. 235–236.
- Гошев И. *Рилски глаголически листовe*. София, 1956.
- Гошев И. *Старобългарски глаголически и кирилски надписи*. София, 1961.
- Гранстрем Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки // *ТОДРЛ* вып. IX, 1953. 300–313 + 4 fig.
- Гранстрём Е. Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // *ТОДРЛ*. Вып. X, 1954. 427–434.
- Гуйер О. *Введение в историю чешского языка*. М., 1953.
- Гъльбов И. Към развоя «ы» в именителен падеж на сложните прилагателни в български език // *Известие на института за български език 1*. 1952. 169–180.
- Гъльбов И. *Старобългарски език с увод в славянското езикознания 1*. София, 1980.
- Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении славянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*, 1929, Троџ. 1. 48–85
- Дурново Н. Н. Мюнхенский абecedарий // *Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук*. Сер. VII, № 3. 1930. 211–221.
- Ермишина К. Б. *Князь Н. С. Трубецкой. Жизнь и труды*. М., 2015.
- Журавлев В.К., 1966: Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // *Исследования по фонологии*. Москва. 79–96.
- Журавлев В.К. *Теория группофонем: Развитие группового сингармонизма в праславянском языке*. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.
- Зализняк А.А. О древнейших кириллических абecedариях // *Поэтика, истоия литературы, лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова*. М., 1999, 543–576.
- Иванов Й. Н. *Български переселенически говори*. София, 1977.
- Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // *ВЯ* 1969 № 6. 48–55.
- Иванова Т. А. *Старославянский язык*. 4. Изд. испр. и доп. СПб, 2005.
- Иванова Т. А. Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // *ТОДРЛ*, т. 56. СПб, 2004. 81–93.

- Иванова-Константинова К. Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднебългарски празничен миней // *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен 1100-годишнината от смъртта му*. София, 1971. 341–365.
- Илчев П. Структурни принципи на глаголическата графика // *Старобългаристика IV*, 1980, N 2. 34–36.
- Илчев П. *Глаголица* // Кирило-Методиевска енциклопедия I. София, 1985. 491–509.
- Ильинский Г. И. *Македонский глаголический листок*. СПб. 1909.
- Йончев В., Йончева О. *Древен и современен български шрифт*. София, 1982.
- Калнынь Л. Е. *Развитие корреляции твердых и мягких согласных в славянских языках*. М., 1961.
- Карпенко Л. Б. Семиотический подход в изучении глаголицы // *Древние языки в системе университетского образования*. Москва 2001, 136–146.
- Кипарский В. О происхождении глаголицы // *Климент Охридски: Материали за неготовото чествуване по случай 1050 години от смъртта му*. София, 1968. 91–97.
- Клейнер Ю.А. Н. С. Трубецкой: биография и научные взгляды // *Kalbotyra* 35 N 3. 1985. 98–110.
- Колесов В. В. Праславянская фонема /q/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава 1973). Доклады советской делегации*. М., 1973. 170–196.
- Колесов В. В. *Историческая фонетика русского языка*. М., 1980.
- Конески Б. *История на македонскиот јазик*. Скопје, 1986.
- Кривко Р. Н. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтыри // *Русский язык в научном освещении*. 2004, № 1 (7), 80–124.
- Куев К. М. *Черноризец Храбър*. София 1967.
- Куев К. М. Разпространение и сегашно местонахождение на азбучната молитва // *Константин – Кирилл Философ*. София, 1969, 290–308
- Куев К. М. *Новооткрити преписи на азбучната молитва* // *Старобългаристика* 1979, т. III, N 4. 26–33.
- Кузьменко Ю. К. Появление письменности в Средневековой Европе // *История лингвистических учений. Средневековая Европа*. Л., 1985а. 11–55.

- Кузьменко Ю. К. Средневековые исландские грамматические трактаты // Там же. 1985b. 77 – 97.
- Кузьменко Ю. К. К вопросу об источниках германского футарка // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского*. СПб. Наука. 2012. 387–405.
- Кузьменко Ю. К. Еще раз к вопросу о минимальных парах в Первом Грамматическом Трактате // *Атлантика*. Выпуск XI. М., 2013. 7–23.
- Кульбакин С. М. *Древнецерковнославянский язык*. Харьков, 1911.
- Львов А. С. Глаголица и некоторые проблемы праславянской фонетики // *Glagoljica. Zbornik radova. Zagreb*, 1971 (Slovo XXI). 41–70.
- Львов А. С. Об Омеге и глаголической букве «отъ» // *Восточнославянское и общее языкознание*. М., 1978. 7–14.
- Мареш В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // *ВЯ*, 1961 № 2. 12–24.
- Медынцева А. А. *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора*. М., 1978.
- Медынцева А. А. Попконстантинов К. К. *Надписи на круглой церкви в Преславе*. София, 1984.
- Мирчев К., Кодов Хр. *Енинский апостол. Старобългарский памятник от XI век*. София, 1966.
- Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписей-граффити XI–XII веков из Новгорода // *Slovo*, 2012, sv. 62. 63–99.
- Младенов М. Бележки по говора на с. Куфáлово, Солунско // *Български език* 1977, г. 27, кн. 6. 171–185.
- Младенов К. Важна фонетична особеност в българските говори подолине Вардар // *Български език*. 1970, г. XX, № 2–3.
- Нахтигал Р. *Славянские языки*. М., 1963.
- Паренти С. Глаголический список римско-византийской литургии св. Петра // *Старобългаристика* 1994, т. XVIII, № 4. 3–14.
- Попконстантинов К., Тотоманова А. М. *Епохата на българския цар Самуил. Език и писменност*. София, 2014.
- Попов М. Б. *Введение в старославянский язык*. Санкт-Петербург, 1997.
- Попова Т. В. Корреляция твердых и мягких согласных в болгарском языке // *Славянское языкознание* т. 35, 1962. 3–28.
- Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // *ТОДР* 45. Санкт-Петербург 1992, 178–199.

- Рождественская Т. В. *Древнерусская эпиграфика X – XV веков*. Санкт-Петербург 1991.
- Рождественская Т. В. *Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI – XII вв.* СПб., 1992.
- (Трубецкой Н. С.) *Письма и заметки Н. С. Трубецкого*. М., 2004 (перевод издания N. S. Trubetzkoy's letters and notes (1974)).
- Селищев А. М. *Старославянский язык*. Часть 1. М., 1951.
- Соболевский А. И. Ис коуриловицѣ // *Изв. ОРЯС АН СССР*, т. 26, 1923. 240-243.
- Срезневский И. И. Глаголические буквы на Иверской грамоте 982 года // *Известия ОРЯС*, т. X, вып. 1. Санкт-Петербург, 1861–1863. 78–80.
- Срезневский И. И. *Древние славянские памятники юсового письма*. СПб., 1868.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Стойков Ст. *Българска диалектология*. София, 1962.
- Столярова Л. В. *Древнерусские надписи XI-XII веков на пергаментных кодексах*. М., 1998.
- Топоров В.Н. Николай Сергеевич Трубецкой – ученый мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // *Н. С. Трубецкой и современная филология*. М., 1993. С. 31–118
- Трубецкой Н. С. *Основы фонологии*. М., 1960.
- Успенский Б. А. *Архаическая система церковнославянского произношения (из истории литургического произношения в России)*. М., 1968.
- Флоря Б. Н. Комментарий к сказанию черноризца Храбра «О письменах» // *Сказание о начале славянской письменности*. М., 1982. 5–69.
- Фортунатов Ф. Ф. *О происхождении глаголицы*. Санкт-Петербург, 1913.
- Хабургаев Г. А. *Старославянский язык*. М., 1974.
- Хабургаев Г. А. *Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности*. М.: МГУ, 1994.
- Чекман В.Н. *Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция*. Минск, 1979.
- Шахматов А. А. *Очерк древнейшего периода истории русского языка*. – Энциклопедия славянской филологии. Вып.11. I. Петроград, 1915.
- Щепкин В. Н. *Рассуждения о языке Саввиной книги*. СПб., 1899.

- Ягич И. В. *Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями*. С.-Пб., 1883.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо // *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 3. *Графика у славян*. Санкт-Петербург, 1911.
- Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита: Опыт практического применения лингвистической теории // *Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии*. М., 1970. 123–148 (впервые статья Яковлева была опубликована в 1928 году)
- AG – см. Trubetzkoy 1954
- Arvanti A. Greek phonetics // *Journal of Greek linguistics*, 2007, v. 8. 97–208.
- Auty R. Glagolitic **Ѧ** and **Ѧ** – facts, conjectures and probabilities // *Ivičev zborik*. Zagreb, 1963. 41–44.
- Avram A., L'opposition «implosif - explosive» et la problématique des voyelles nasales du Vieux Slav // *Studia linguistica A.V. Issatschenko a collegis amicisque ablata*. Lisse, 1978.
- Browning R. *Medieval and Modern Greek*. London, 1969.
- Bæklund A. Das Stockholmer Abecedarium // *Slavica Lundensia 4. Astrid Bæklund-Ehler in memoriam (1908–1976)*. Lund 1976. Репринт книги Бæклунд, изданной в 1942 году (Uppsala, 1942).
- Caragounis Chr. C. *The development of Greek and the New Testament*. Tübingen, 2004.
- Chomsky N., Halle M. *The sound pattern of English*. 1968.
- Den første og anden grammatiske afhandling i Snorres Edda* udg. af Verner Dahlerup og Finnur Jónsson. København, 1886.
- Dobrev P. *Universum Protobulgaricum: Inschriften und Alphabet der Urbulgaren*. Sofia, 1995.
- Fetková P. Die Schreiber des neugefundenen Teils des Psalterium Sinaitikum // *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*. Eds. Miklas H. et al. Wien 2000. 109–116.
- Fučić Br. Najstariji hrvatski glagoljski natpisi // *Slovo XXI*, 1971. 227–254.
- Fučić Br. Ročki glagoljski abecedarij // *Slovo XXV–XXVI*, 1976. 193–201.
- Gäläbov I., Schrift- und Lautsystem des Altbulgarischen // *Die Welt der Slawen*, 1968, Jg. 13, N 4.
- Grom N. *Supralineare Zeichen in frühen glagolitischen und kyrillischen Handschriften*. Tönning et al. 2010.

- Hauptová Z. Dia altkirchenslavischen Akrostichien und die Glagolica // *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*. Eds. Miklas H. et al. Wien 2000, 47–53.
- Holzer G. Die Geschichte des Slawischen der Stadt Soloniki bis zum Jahr 863 // Reinhart J. (Hrsg.) *Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Vencelai Mareš*. Frankfurt am Main, 2006. 29–68.
- Horálek K. *Uvod do studia slovanských jazyků*. Praha, 1962.
- Ivanov J. Un parlare Bulgare archaïque // *RÉS*. 1922, t. 2, N 1–2. 86–103.
Jagoditsch R. 1954 – Vorbemerkungen des Herausgebers. In: N. S. Trubetzkoy, *Altkirchenslavische Grammatik...*S. 3–6.
- Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves (1929) // *Jakobson R. Selected writings*. Vol. 1. The Hague. 1962. P.7–116.
- Jakobson R. Nikolaj Sergeevič Trubetzkoy, 16. Apr. 1890 – 25. June 1938. Néкроlogie // *Acta linguistica*, 1939, v. 1, N 1. 64–76.
- Jakobson R. *Trubetzkoy's letters and notes*. Prepared for publication by Roman Jakobson et al. The Hague, Paris, 1975. В тексте примечаний использовано сокращение TLN. В Советском Союзе эта книга оказалась в спецхране, но в 2004 году в России в издательстве «Языки славянской культуры» был опубликован русский вариант издания «Писем и заметок Н. С. Трубецкого», см. выше)
- Kempgen S. Unicode 2C1A Glagolitic P: fact or fiction? // *Scripta & e-Scripta*. 2008, vol. 6. 65–82.
- Klemesiewicz Z. *Historia języka polskiego*. Warszawa, 1974.
- Koch Chr. Das Bamberger glagolitische Alphabet. Zur Entstehungsgeschichte der Zeichensfolge der kroatischen glagolitischen Alphabete // *Glagoljica i hrvatski glagolizam...* Zagreb, Krk. 2004. 435–451.
- Komárek M. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems 1 // *Zeitschrift für Slavistik*. 1956, Bd 1, N 4. 14–32.
- Kotcheva A. Die Sprachnorm von Kyrill und Method // *Балканско езикознание* 53 № 1. 2014. 67–74.
- Lunt H. G. *Old Church Slavonic grammar*. The Hague, Paris, 1974 (6th ed.)
- Lunt H. G. Thoughts, suggestions and questions about the earliest Slavic writing systems // *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 2000, Bd 46, 271–286.
- Macharadse N. A. Zur Lautung der griechischen Sprache der byzantinischen Zeit. Zeugnisse altgeorgischen Quellen // *Jahrbücher der österreichischen Byzantinistik*. 1980, Bd. 29. 147–158.

- Mareš F. Azbučna báseň z rukopisu státní veřejné knihovni Saltykowa - Ščedrina v Leningradě // *Slovo*, XIV, 1964. 5–24.
- Mareš F. Hlagolice na Morave a v čechach // *Slovo* 1973, t. XXI. 133–200.
- Marti R. Slavische Alphabete in nicht slavischen Handschriften // Кирило-Методиевски студии. Кн. 8. 1991. 138–164.
- Marti R. Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica // *Glagolitica. Zum Ursprung...* 54–76.
- Marti R. Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica // *Glagoljica i hrvatski glagolizam...* Zagreb, Krk. 401–418.
- Marti R. Historische Graphemik des Slavischen: Glagolitische und kyrillische Schrift // *Die slavische Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Bd. 2. Hg. K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (*Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft* 32/2). Berlin, Munich, Boston. 2014. 1497–1513 .
- Martinet A. *Economie des changements phonétiques*. Bern, 1955.
- Matthews W. K. Trubeckoj's and the Old Bulgarian groups št, žd // *Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15–21. IX, 1955)*. Beograd. 485–490.
- Miletič L. *Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache*. Wien, 1911
- Miklas H. Zur Relevanz des neuen Materials für die Entwicklungsgeschichte der Glagolica // *Glagoljica i hrvatski glagolizam...* Zagreb, Krk 2004. 390–399.
- Minns E. H. Saint Cyril really knew Hebrew // *Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer*. Paris 1925. 94–97.
- Mošin V. Još o Hrabru, slavenskim azbukata i azbučnim molitava // *Slovo*, 1973 N XXIII. 5–71.
- Newton B. E. Modern Greek post-consonantal yod // *Lingua* 1971, v. 26 N 2. 132–170.
- Newton B. E. *The generative interpretation of a dialect. A study of Modern Greek phonology*. Cambridge, 1972.
- Pianka W. Fonem /št'/ w języku staro-cerkiewnosłowiańskim na tle słowiańskich procesów palatalizacyjnych // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 13. Warszawa, 1974. 197–211.
- Popkonstantinov K., Kronsteiner O. *Altbulgarische Inschriften* 1. Wien, 1994. (= *Die slawischen Sprachen*, Bd 36, 1994, 1–269)
- Psalterium Demetrii Sinaitici* (monasterii Sanctae Catharinae codex slav. 3/N) adiectis foliis medicinalibus) sub redactione H. Miklas. Wien 2012 (Glagolitica sinaitica 1). См. также <http://mns.udsu.ru/mns/portal.main?p1=42>

- Scatton E. A. Old Church Slavonic tj/dj ~ št/žd // *Linguistics* v. 208. 1978. 13–23.
- Schmalstieg W. *An introduction to Old Church Slavic*. Cambridge. Mass. 1976.
- Šafařík P. J. *Památky hlagolského písemnictví*. Praha, 1854.
- Sturtevant E. H. *The pronunciation of Greek and Latin, sounds and accents*. Chicago, 1920.
- Tkadlčík V. System hlagolske abecedy // *Studia paleoslovenica*. Praha, 1971.
- Tkadlčík V. Trojí hlagolské i v Kievskih listeh // *Slavia* 1956, r. 25, s. 2. 200–216.
- Tkadlčík V. Über den Ursprung der Glagolica // *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*. Hg. von Miklas. Wien, 2000. 9–32.
- TLN — *Trubetzkoy's letters and notes* (см. Jakobson 1973)
- Trubetzkoy N. S. Die Aussprache des griechischen X im 9. Jh. n. Chr. // *Glotta* 1936, v. 25. 248–256.
- Trubetzkoy N. S. Die altkirchenslavische Vertretung der urslavischen *tj, *dj // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1936, Bd 13, N 1–2. 88–97.
- Trubetzkoy N. S. *Altkirchenslavische Grammatik*. Wien, 1954. (AG)
- Trudgill P. Modern Greek dialects // *Journal of Greek linguistics*. 2003, V. 4. 45–64.
- Tschernochvostoff G. Zum Ursprung der Glagolica (1947) // *Studia Slavica Finlandensia* 12. 1995. 141–150.
- Trunte N. ΠΡΟΣ ΤΟ ΣΑΦΕΣΤΕΡΟΝ. Zu Reformen in der glagolitischen Schrift // *Glagoljica i hrvatski glagolizam...* Zagreb, Krk. 2004. 419–431.
- Uspenskij B. Glagolitic script as a manifestation of sacred knowledge // *Studi Slavistici* X. 2013. 7–27.
- Vahros I. Slaavienapostoleista ja glagolitsan arvoituksesta // *Byzantii ja Pohjola. Vuosikirja 1980–1982*. Helsinki, 1982. 31–53
- Veder W. R. The glagolitic alphabet as a text // *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb, Krk. 2004. 375–388.
- Vrana J. *O postanku i karakteru staroslovenskih azbukava i azbucnih molitava* (Filologija, Br. 4. Jugoslavenska akademija znanosti i umetnosti). Zagreb, 1963. 191–204.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика (Ю. К. Кузьменко).....	5
Система письма (Н. С. Трубецкой).....	11
Внешняя история обоих алфавитов.....	11
Глаголица.....	14
А. Состав знаков глаголического алфавита.....	14
В. Использование букв как звуковых знаков....	23
С. Происхождение букв глаголицы.....	32
D. Стиль и развитие глаголицы.....	35
Кириллица.....	40
А. Состав алфавита.....	40
В. Диакритические знаки и пунктуация.....	45
С. Средства графического выделения и экономии места.....	56
D. Графическое членение.....	63
E. Обозначение цифр.....	63
Литература, цитируемая Н. С. Трубецким.....	64
Литература, добавленная в примечания Р. Ягодичем и Р. О. Якобсоном.....	66
Комментарий (Ю. К. Кузьменко).....	67
Литература к комментариям переводчика.....	125